

Глава IV

МАРКСИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В НАЧАЛЕ 90-х ГОДОВ XIX в.

1. ПОДЪЕМ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

К середине 80-х годов народное хозяйство России вышло из глубокого затяжного экономического кризиса. Заключение франко-русского союза несколько повысило престиж царской России за границей. Правительство Александра III, казалось, добилось «порядка» и «успокоения». Демократическое движение в стране как будто замерло; политическая реакция достигла апогея.

Однако разразившийся в начале 90-х годов страшный голод с новой силой вскрыл шаткость царизма и разоблачил непрочность достигнутого правительством «умиротворения».

Массовые голодовки крестьянства в царской России были нередким явлением еще в крепостную эпоху. Но они еще более участились в связи с обнищанием деревни, после отмены крепостного права, особенно начиная с 80-х годов XIX в. Голод и его спутники — тиф, цинга, холера и другие болезни — уносили сотни тысяч жизней, захватывая все большие пространства, обрекая на жестокие страдания десятки миллионов крестьян. Особенно тяжелым по своей силе и разрушительным последствиям был голод 1891—1892 гг.; он охватил опломную территорию с населением около 40 млн. человек.

В исключительно бедственном положении оказалось крестьянство в Поволжье. Отсюда шли тревожные слухи о случаях массового разорения и вымирания целых семей и деревень. Среди интеллигенции началось широкое движение помощи голодающим. Царские власти вынуждены были допустить некоторые виды общественной самодеятельности. В центрах

голодающих губерний — в Самаре, Казани, Пензе, Саратове и других городах — возникли комитеты помощи голодающим, организовавшие общественные работы и столовые для громадных толп крестьян, стекавшихся из голодных деревень в города. Вместе с этим многие представители демократической интеллигенции двинулись из города в деревню на помощь голодающему крестьянству.

Интеллигенция была, конечно, бессильна оказать скольконибудь серьезную помощь крестьянству. Но голод вскрыл перед ней всю глубину разорения миллионных масс крестьянства, вызвал глубокое брожение в ее среде, особенно в среде студенческой молодежи.

Новая волна студенческого движения началась еще с конца 80-х годов. Кончина М. Е. Салтыкова-Щедрина в 1889 г. и кончина Н. Г. Чернышевского в том же году ознаменовались антиправительственными демонстрациями передовой молодежи Петербурга, Москвы, Казани, Киева, Одессы.

В 1890 г. начались новые студенческие «беспорядки». Первыми выступили студенты Петровской сельскохозяйственной академии (ныне сельскохозяйственной академии им. Тимирязева). Во дворе Московского университета 7 марта 1890 г. собрались сотни студентов, перед которыми выступали с горячими речами ораторы. Они составили петицию об отказе подчиниться университетскому уставу 1884 г. Студенты были окружены отрядом конных жандармов, и около 400 человек было отправлено в Бутырскую тюрьму. На следующий день состоялась новая сходка, на которой студенты выразили свою солидарность с арестованными. Жандармерия вырвала из рядов студенчества еще 100 человек¹.

Студенческие волнения в Москве и репрессии властей вызвали живейшие отклики среди петербургского студенчества. В университете, Технологическом и Лесном институтах волнения² приняли особенно бурный характер.

Студенческое движение в столице в марте 1890 г. вызвало широкий отклик и в провинции: в Казани, Харькове, Киеве, Одессе и других городах. В наиболее демократическом по своему составу Харьковском ветеринарном институте студенты устроили 15 марта сходку, во время которой 60 человек были арестованы.

Требования харьковских студентов, как и студентов других учебных заведений, вначале не выходили за рамки академических требований, но в дальнейшем студенческое движение ста-

¹ С. И. Мицкевич. Революционная Москва. 1888—1905 гг. М., 1940, стр. 80—81.

² ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 91, д. 10717, л. 4.

ло выдвигать более широкие требования политических свобод, и этим оно отличалось от движения середины 80-х годов³.

Студенческие волнения в ряде городов возобновились весной 1891 г., достигнув высшего подъема в связи со смертью видного революционного демократа, писателя и общественного деятеля Н. В. Шелгунова. Похороны Н. В. Шелгунова превратились в политическую демонстрацию студенчества с участием передовых рабочих Петербурга. В течение нескольких дней в Московском университете происходили волнения студентов. «Это брожение, — читаем в докладе министра юстиции, — вылилось 18 апреля в многочисленную сходку нескольких сот человек с участием учащих женщин. Сходка происходила на Тверском бульваре перед домом обер-полицмейстера. Означенная сходка была прекращена совместными действиями чинов полиции и университетской инспекции»⁴. 59 человек были посажены в карцер, в том числе 5 женщин, 7 студентов были исключены из университета. Волнения среди студентов в связи со смертью Н. В. Шелгунова имели место также в Казанском университете⁵.

В связи с массовой высылкой студентов из университетских городов оживилось общественное движение и в других городах, особенно в городах Поволжья — Нижнем Новгороде, Самаре, Саратове, — где оказалось много политических ссыльных.

* * *

Одним из факторов подъема общественного движения, особенно в столице, явился рост рабочего движения.

В 1890 г. Россия, как и вся Европа, переживала новый экономический кризис, тяжело отразившийся на положении рабочих⁶. Несмотря на кризис, стачечное движение продолжало развиваться.

Центр рабочего движения в России с начала 90-х годов передвинулся из Центрально-промышленного района в Петербург. Здесь за 1890—1894 гг. произошло 25 случаев выступлений

³ Требования харьковских студентов заключались в следующем: 1. Полная автономия университетов и всех других высших учебных заведений. 2. Полная свобода преподавания. 3. Свободный доступ в университет без различия вероисповедания, национальности, пола и общественного положения. 4. Свобода сходок и признание студенческих корпораций. 5. Учреждение университетского и студенческого суда. 6. Уничтожение полицейских функций инспекции. 7. Понижение платы за право учения до уровня, определенного уставом 1863 г. (ЦГИАЛ, ф. 1405, Мин. юст., оп. 91, д. 10716, 1890 г., л. 3—3 об.).

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1405, Мин. юст., оп. 92, д. 10889, 1892 г., лл. 1—2.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 52, д. 10660, 1892 г., лл. 7—9.

⁶ См. Л. Менделеев. Экономические кризисы и циклы XIX века. Госполитиздат, 1949, стр. 666—676.

рабочих⁷, в том числе на судостроительном заводе «Новое Адмиралтейство», на Александровском механическом заводе, в прокатной мастерской Путиловского завода, на табачной фабрике Богданова, в Петербургском порту.

Движение петербургских рабочих как наиболее передового отряда крупнопромышленного пролетариата России в тот период отмечено усилением классовой солидарности, ростом элементов сознательности и организованности, чему способствовало начавшееся сближение передовых рабочих Петербурга с социал-демократической интеллигенцией. В этом отношении показательна стачка рабочих на Митрофаниевской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуре 1—2 июня 1892 г. Рабочие фабрики потребовали повышения заработной платы и снижения нормы выработки пряжи в связи с низким качеством хлопка. Владелец фабрики согласился лишь на сравнительно незначительную прибавку к заработной плате. Рабочие единодушно ответили на это стачкой, но потерпели поражение. Стачка была подавлена полицией⁸. 19 рабочих, наиболее активные участники стачки, были арестованы и высланы из Петербурга.

Подавление стачки на Митрофановской мануфактуре вызвало глубокое возмущение среди рабочих Петербурга. Группа М. И. Бруснева выпустила «Листок для сбора средств в пользу 19 рабочих», который был распространен на заводе Берда, на Балтийском заводе, в порту Нового Адмиралтейства, на карточной фабрике и других заводах и фабриках за Невской заставой⁹.

На текстильных и других предприятиях Москвы и Московской губ. произошли повторные стачки рабочих, участвовавших в стачках 80-х годов. Здесь стачки и волнения рабочих текстильщиков в 1890—1894 гг. отмечены на 16 предприятиях, в том числе на Реутовской мануфактуре, на бумагопрядильной фабрике бр. Гамсун, на мануфактуре Ф. Щербатова, на шелкоткацкой фабрике А. Кузнецова, на Богородско-Глуховской мануфактуре и других предприятиях.

Рабочее движение в первой половине 90-х годов заметно усилилось во всем Центрально-промышленном районе. В 1890—1894 гг. в губерниях этого района происходил ряд крупнейших стачек с участием нескольких тысяч рабочих в каждой из них. Одной из самых крупных стачек была стачка 5 тыс. рабочих на Большой Ярославской мануфактуре Корзинкиных в августе 1890 г., а также полуторамесячная стачка 5 тыс. рабочих на Егорьевской мануфактуре бр. Хлудовых в мае 1893 г.¹⁰

⁷ См. «Рабочее движение в России в XIX в.», т. III, ч. 2, 1952, стр. 620—645.

⁸ См. там же, стр. 200—201.

⁹ ЦГИАМ, ф. 102, ДП, 3 д-во, д. 558, 1892 г., лл. 28—30.

¹⁰ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. III, ч. 2, стр. 34—44, 301, 622, 635.

Одной из самых крупных стачек первой половины 90-х годов была стачка рабочих Тверской мануфактуры, в которой участвовало 4,5 тыс. рабочих и работниц. Эта стачка по сравнению с другими стачками на текстильных предприятиях того периода отличалась большей организованностью. Стачечники заранее обсудили и согласовали свои требования, а затем единодушно заявили администрации, «чтобы наем рабочих производился не на неопределенное время, а на сроки с пасхи до 1 октября и от 1 октября до пасхи»¹¹. Кроме того, они потребовали уменьшения вычетов и штрафов и удаления с фабрики ненавистных им мастеров. Стачку начали 2200 ткачей. Они убедили 2000 прядильщиков прекратить работу и присоединиться к ним. Все старания администрации заставить рабочих приступить к работе ни к чему не привели. Только с прибытием четырех рот солдат часть рабочих приступила к работе, часть взяла расчет.

Наряду с усилением забастовочного движения текстильщиков возросло и стачечное движение среди рабочих железнодорожников, которые к середине 90-х годов выросли в один из крупнейших отрядов пролетариата России.

Рабочее движение в России с самого начала сложилось как движение многонационального пролетариата. Под влиянием движения пролетариата в Центральной России и развития капиталистической промышленности усилились массовые выступления рабочих Украины, Белоруссии, Польши, Прибалтики, Кавказа.

На характер рабочего движения в России и, в частности, на окраинах большое влияние оказывал непрерывный и все усиливающийся приток в промышленные районы громадных масс крестьянства. Эта масса, увеличивая ряды промышленного пролетариата, усиливала вместе с тем элементы стихийности в рабочем движении.

В большей мере, чем среди других отрядов пролетариата, элементы стихийности проявлялись среди рабочих-текстильщиков и горняков, которые были тесно связаны с деревней.

Но даже развитие стихийного рабочего движения в 80-х — начале 90-х годов было фактором большой важности: оно продемонстрировало рост новой революционной силы — фабрично-заводского пролетариата.

Одновременно в русском общественном движении этого периода развивался и другой процесс — перерождение классического революционного народничества. «Народничество, — по словам В. И. Ленина, — расплывалось в либерализме; создавалось либерально-народническое направление»¹², оно прикрывало

¹¹ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. III, ч. 2, стр. 353.

¹² В. И. Ленин. Соч., т. 7, стр. 87.

свое буржуазное реформаторство псевдонаучными теориями В. Воронцова, Николая — она и других народников.

Раскол крестьянства на сельскую буржуазию и массу пролетариев определил раскол старого русского крестьянского социализма, который, с одной стороны, стал уступать место научному пролетарскому социализму, а с другой — выродился в гошлый мещанский радикализм. Вот как охарактеризовал Ленин этот процесс: «Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию *против основ современного общества* — выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства *при сохранении основ современного общества*»¹³.

Среди органов печати, ярко отражавших процесс перерождения революционного народничества в либеральное, был журнал «Устой» (1881—1882)¹⁴. Либерально-народническое направление нашло приют и в «Русской мысли». С начала 90-х годов главным центром либерального народничества стал журнал «Русское богатство». Его идейными вдохновителями были Н. К. Михайловский и С. Н. Южаков.

К началу 90-х годов относится одна из последних попыток соединить оставшиеся отдельные разрозненные группы революционных народников и возродить «Народную волю» как всероссийскую организацию. Эта попытка была предпринята народовольцем Сабунаевым. Им и его единомышленниками были организованы народовольческие группы в Москве, Ярославле, Костроме, Нижнем и в других городах. Осенью 1890 г. Сабунаев и его товарищи были арестованы, а созданная ими организация была разгромлена.

В 1891 г. в Петербурге образовалась «Группа народовольцев» (М. Александров, Е. Александрова, А. Федулов, А. Ергин и др.). Группа выпустила прокламации по поводу голода и организовала в созданной ею типографии выпуск «летучих листов группы народовольцев». Некоторые члены этой группы — М. Александров (М. Ольминский), впоследствии видный деятель социал-демократического движения и большевистской партии, и Е. Александрова, его жена, определились в середине 90-х годов как социал-демократы¹⁵. Другие члены этой группы вступили впоследствии в партию эсеров.

¹³ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 246—247.

¹⁴ Анализ идейного направления журнала «Устой» впервые был дан Б. П. Козьминным (см. Б. П. Козьмин. От девятнадцатого февраля к первому марта. М., 1933, стр. 254—283).

¹⁵ См. М. С. Александров. Группа народовольцев (1891—1894 гг.). «Былое», 1906, № 11; см. также П. Куделли. Народовольцы на перепутьи. Л., 1925.

Среди народнических групп того периода следует отметить орловский кружок якобинцев-бланкистов во главе с П. Г. Заичневским. В состав этого кружка входили В. П. Арцыбушев, М. П. Голубева-Яснева, А. И. Романова, Л. Г. Романов, А. И. Орлов и др. В основном эта группа стояла на позициях народовольчества периода его заката. Члены группы мечтали о захвате власти узкой заговорщической революционной организацией. [Введение социализма они представляли себе посредством декретов сверху.] Большинство членов этой группы в течение 90-х годов порвало с идеологией народничества и с заговорщической тактикой и перешло в лагерь марксистов (В. П. Арцыбушев, С. И. Мицкевич, М. П. Голубева и др.).

В Москве во главе революционного кружка народнического направления стоял писатель Н. М. Астырев. Написанная им прокламация «Первое письмо к голодающим крестьянам» получила широкое распространение. В 1892 г. этот кружок был разгромлен.

Другая часть народнической интеллигенции проявляла тенденцию к объединению с «обществом», т. е. с оппозиционными либерально-буржуазными элементами. Наиболее ярким выражением этой тенденции явилась «Социально-революционная партия народного права», во главе которой находились видные деятели народнического движения 70—80-х годов — Натансон, Аптекман, Геденовский, Тютчев, а также молодые народники братья Черновы и др. Эта группа возникла в Саратове в 1893 г. В 1894 г. группа выпустила два программных документа: «Манифест» и брошюру «Насущный вопрос». Осуждая сектантство старых народников, народоправцы в своем «Манифесте» писали: «Партия ставит себе задачей: соединить все оппозиционные элементы страны и организовать деятельную силу, которая добилась бы, при помощи всех нравственных и материальных средств, какими она располагает, уничтожения самодержавия и обеспечения каждому прав гражданина и человека»¹⁶. В. И. Ленин считал народоправцев прямыми, непосредственными потомками народовольцев.

Желание народоправцев «освободить демократические задачи от народничества и вообще от связи с устарелыми формами «русского социализма»¹⁷ Ленин считал шагом вперед. Но народоправцы, как указывал Ленин, далеки не освободились от народнических предрассудков. Это отразилось в самом названии их партии — они именовали ее «социально-революционной», — а также в утверждении их «Манифеста», что «в понятие народного права входит организация народного производства».

¹⁶ «Былое». 1907, № 7, стр. 198.

¹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 320.

Народоправцы могли бы принести пользу демократическому движению, лишь окончательно порвав с народническими предрассудками. Но на это они оказались неспособными. Развернуть практическую работу народоправцы не успели.

При разгроме группы (1894 г.) в нее входили нелегальные кружки интеллигенции в Саратове, Орле, Москве, Харькове, Баку. Кроме того, она имела своих последователей в Петербурге, Одессе, Воронеже и других городах. Ленин указывал, что «законным наследником народоправцев, их определенным, последовательным, зрелым продолжателем явилось либеральное «Освобождение»¹⁸.

Некоторые народоправцы впоследствии окончательно определились как эсеры (братья Черновы, Геденовский, Натансон, Тютчев, Попов и др.).

Для народовольческих групп этого периода характерны попытки сочетать народовольчество с обрывками социал-демократических идей. Это проявилось и у зародившейся позднее партии эсеров¹⁹. Эти попытки отражали стремление части народников приспособиться к растущему рабочему движению.

Таким образом, революционное народничество, которое в лучшую пору своей истории не могло отмежеваться от анархизма слева и либерализма справа, когда начал побеждать капиталистический способ производства, все больше разлагалось и перерождалось.

Укрепившись в легальных органах печати, либеральные народники повели борьбу с нарождающимся марксистским направлением. «Борьба, — писал В. И. Ленин об этом периоде, — заставляла учиться, читать нелегальные произведения всяких направлений, заниматься усиленно вопросами легального народничества»²⁰.

В 80-х годах борьба между народничеством и марксизмом шла в узком кругу сторонников обоих направлений. В 90-е годы, по мере распространения марксизма, борьба эта развертывалась все шире и шире, став тогда в центре идейной жизни русского общества.

2. ПЕТЕРБУРГСКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

В обстановке начавшегося в стране подъема общественного движения на рубеже 80—90-х годов возникла третья по счету петербургская социал-демократическая организация, которая называлась «Центральным рабочим кружком», или «Рабочим

¹⁸ Там же, т. 6, стр. 190.

¹⁹ Там же, стр. 151—152.

²⁰ Там же, т. 5, стр. 484.

союзом». Позднее эта организация была названа «группой Бруснева» и под этим названием вошла в историю²¹.

Хотя Брусневу казалось, что он и его товарищи впервые создали группу последователей учения Маркса²², в действительности она была преемственно связана с предшествующими социал-демократическими группами Петербурга. Об этой преемственности свидетельствует ряд фактов. Сам Бруснев был привлечен к деятельности марксистских кружков Г. М. Родзевичем, который был связан с группой Благоева. С этой же группой был связан и другой активный участник будущей петербургской социал-демократической группы — Лелевель. Передовые рабочие, участники «Общества санкт-петербургских мастеровых», Е. А. Афанасьев (Климанов), И. И. Тимофеев, К. М. Норинский, Г. Мефодиев, В. А. Шелгунов и другие стали затем видными деятелями брусневской группы.

К концу существования группы Благоева и Точисского среди революционно настроенного студенчества Петербургского университета, Технологического, Горного, Лесного институтов, Института путей сообщения, Высших женских курсов и других учебных заведений столицы имелись кружки и одиночки, сочувствовавшие марксистскому течению. Участники кружков продолжали вести пропаганду социал-демократических идей среди рабочих. Медик Г. М. Родзевич, студент-технолог Г. Петровский, студент Горного института Г. Н. Лавров вели такую пропаганду в 1887—1888 гг. По свидетельству участника брусневской группы В. С. Голубева, воззрения кружка, руководимого Г. Н. Лавровым, «были близки к социал-демократическому направлению»²³. При аресте у Г. Н. Лаврова были обнаружены газета «Рабочий», «Программа социал-демократов» и «Программа работников» Ф. Лассалья. На допросе он заявил, что «по своим взглядам он вполне разделяет программу «группы социал-демократов» и если представился бы случай поступить в самое общество социал-демократов, то он поступил бы»²⁴.

²¹ Первые воспоминания о группе Бруснева были написаны отдельными ее участниками более полвека назад (см. В. С. Голубев. Страничка из истории рабочего движения. «Былое», 1906, № 12; В. В. Святловский. На заре Российской социал-демократии. «Былое», 1922, № 19). Основные источники по истории группы — главным образом воспоминания ее организаторов и некоторых членов, а также другие материалы — относятся к 1921—1928 гг. (воспоминания М. И. Бруснева, Л. Б. и Г. Б. Красиных, В. Шелгунова, К. Норинского, В. Карелиной, Н. Богданова, Н. К. Крупской и др.).

²² В своих воспоминаниях М. И. Бруснев даже не упоминает о петербургских группах Благоева и Точисского (см. «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), стр. 16—31).

²³ В. С. Голубев. Страничка из истории рабочего движения. «Былое», 1906, № 12, стр. 107.

²⁴ ЦГИАМ, ф. 102, ДП, 3 д-во, д. 467, 1893 г., лл. 3, 4.

Наряду с этими одиночками, связанными до начала 1887 г. с группой Благоева и до весны 1888 г. с группой Точисского, существовали и студенческие и рабочие кружки самообразования, которые были близки марксизму.

«К концу 1888 г., — вспоминает М. И. Бруснев, — в Петрограде была сеть студенческих кружков саморазвития, где изучались политическая экономия, социология, штудировались «Капитал» К. Маркса, «Политическая экономия» Милля с примечаниями Чернышевского и другие»²⁵. Кружок Г. М. и Ю. И. Родзевичей, куда входили некоторые студенты университета, Технологического и Горного институтов, не ограничивался изучением общественных наук, а установил в 1888—1889 гг. связь с передовыми рабочими ряда крупных заводов и фабрик. Почти весь состав этого кружка вошел потом в социал-демократическую группу Бруснева.

Наряду с кружками Родзевичей существовал кружок, руководимый студентом Р. Э. Классоном (впоследствии известным инженером-электриком), в состав которого входили С. И. Радченко, Н. К. Крупская, Я. П. Коробко, О. К. Григорьева. Здесь шло изучение первого тома «Капитала»²⁶.

Из революционно настроенной студенческой молодежи Петербурга в то время наиболее тяготели к марксизму студенты Технологического института. По общему признанию современников, студенческая среда этого института являлась своего рода питомником марксистских идей. Н. К. Крупская в своих воспоминаниях отмечала: «Почти у каждого высшего учебного заведения была своя физиономия. Так, лесники были большей частью народники, студенты университета более склонялись к марксизму, но в их марксизме был сильный привкус того, что впоследствии именовалось «легальным марксизмом». и только «техноложка» была оплотом марксизма и пыталась вплотную подойти к вопросу об организации рабочего движения, заводила связи с рабочими»²⁷.

И действительно, еще в группе Благоева самое видное место занимали студенты-технологи, они же составили основное ядро и новой социал-демократической группы, созданной осенью 1889 г. Это были: М. Бруснев, В. Иванов, братья Л. Б. и Г. Б. Красиных, Епифанов, Лелевель, В. Цивинский, Ч. Баньковский, И. Бурачевский, студенты университета и Лесного института.

²⁵ М. И. Бруснев. Возникновение первых социал-демократических организаций. «Пролетарская революция», 1923, № 2(14), стр. 18.

²⁶ См. И. И. Радченко. Степан Иванович Радченко. «Старый большевик», 1933, № 2(5), стр. 179.

²⁷ «Леонид Борисович Красин («Никитич»»). Сб. воспоминаний, статей и документов. М.—Л., 1928, стр. 137.

Но хотя среди инициаторов и руководителей новой социал-демократической группы преобладали студенты Технологического института, однако сама эта группа возникла в результате объединения приверженцев марксизма и из других высших учебных заведений Петербурга. Группа сложилась на основе размежевания с той частью студенчества, которая осталась верной народолюбию. С самого начала участники группы ставили своей целью пропаганду марксизма среди передовых рабочих для подготовки из них руководителей рабочего движения. Сами передовые рабочие Петербурга, со своей стороны, стремились к установлению связи с социал-демократической интеллигенцией.

Как уже отмечалось, после разгрома царскими властями первых социал-демократических групп пропаганда среди рабочих Петербурга не прекращалась. Правда, рабочие кружки потеряли на время руководителей из социал-демократической интеллигенции. Предоставленные самим себе, они занимались чтением революционной литературы. Инстинктивно рабочие-кружковцы тянулись к социал-демократическому движению и без труда примыкали к социал-демократическим группам, как только устанавливали связь с ними.

В Петербурге в 1887—1888 гг. рабочие кружки существовали в мастерских Варшавской железной дороги²⁸, на Балтийском заводе, судостроительном заводе «Новое Адмиралтейство» и на других предприятиях. Эти кружки возникали по инициативе самих рабочих, возглавлялись их вожаками. Вначале это были обычные кружки самообразования, но вскоре они переходили к революционной деятельности. Примером такого кружка было нелегальное рабочее общество «Борьба» (1888). Во главе его стоял Е. А. Афанасьев (Климанов), передовой рабочий и участник группы Точисского, а затем группы Бруснева. Общество «Борьба» было одним из многих рабочих кружков, которые пытались после разгрома первых социал-демократических групп своими силами вести пропаганду среди рабочих.

Наличие в Петербурге в конце 80-х годов наряду с группой марксистски настроенной интеллигентской молодежи крепкого ядра передовых рабочих, принимавших участие еще в первых социал-демократических группах (Е. А. Климанов, И. И. Тимофеев, К. М. Норинский и др.), обусловило сравнительно быстрый рост группы Бруснева и ее значительный успех в постановке пропаганды марксизма среди петербургских рабочих и учащейся молодежи.

Многие рабочие получили известное культурное и политическое развитие в воскресных школах и вечерних классах Рус-

²⁸ См. М. О л ь м и н с к и й. О воспоминаниях Н. Д. Богданова. Сб. «От группы Благоева к «Союзу борьбы»» (1886—1894 гг.). М., 1921, стр. 39—41.

ского технического общества, ремесленных училищах и т. д. В частности, именно в ремесленном училище при Балтийском заводе начал свою революционную деятельность ряд активных участников рабочего движения второй половины 80-х — начала 90-х годов. На этом заводе вели пропаганду Д. Н. Благоев и некоторые его единомышленники. По свидетельству К. М. Норинского, в конце 1887 г. — начале 1888 г. он после окончания ремесленного училища вступил здесь в кружок рабочих, который собирался у Г. Мефодиева и И. Тимофеева в Галерной гавани. В этот кружок входили молодые рабочие этого завода — П. Кайзо, Фокин, М. Стефаненков, И. Егоров, К. Куприянов, К. Беляев, Яковлев и др.²⁹ М. Бруснев отмечает, что кружок, который он принял осенью 1889 г. от Г. Родзевича, состоял из молодых людей, главным образом металлистов, достаточно подготовленных, уже сложившихся социалистов³⁰.

Новая социал-демократическая группа, таким образом, приобщила к себе цвет пролетариата Петербурга, цвет его революционной рабочей молодежи.

К началу 1890 г. произошло объединение рабочих кружков столицы, был образован центральный кружок, в который вошли наиболее видные рабочие социал-демократы Н. Д. Богданов, Е. А. Афанасьев (Климанов), Федор Афанасьев и др.

К осени 1890 г. новая социал-демократическая группа окончательно сложилась. Она делилась на две части: центральный интеллигентский кружок и центральный рабочий кружок. Первый кружок действовал среди интеллигенции: организовывал новые кружки, готовил и распределял для них пропагандистов, доставлял и распространял нелегальную литературу, разрабатывал программы занятий для пропагандистских кружков, устанавливал связи с социал-демократическими группами в других городах и т. д.

Центральный рабочий кружок руководил деятельностью рабочих кружков в районах, на заводах и фабриках, распределял пропагандистов и доставлял литературу в рабочие кружки, организовывал новые кружки, устраивал периодические собрания руководителей рабочих кружков и т. д. Связь между обеими частями организации осуществлялась через представителя интеллигенции в центральном рабочем кружке.

Такая структура была вызвана стремлением охранить от полицейских преследований рабочие кружки, не компрометировать их связью с интеллигентскими революционными группами, за которыми особенно охотились агенты царизма. Этим мотивом руководствовались кружки переходного характера, как например Харьковская группа Бекарякова — Мельникова. В изу-

²⁹ ЦПА, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1043.

³⁰ См. «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), стр. 20.

чаемый период такая структура принесла известную пользу, но она стала вредной в последующий период, когда социализм начал сливаться с массовым рабочим движением.

Петербургская социал-демократическая группа выдвинула из своей среды ряд выдающихся деятелей первого поколения рабочих социал-демократов. Это были необычайно яркие, обаятельные фигуры рабочих-передовиков, которые неустанной, героически упорной работой в пролетарских массах начали создавать рабочую социал-демократическую партию в России.

Особо видную роль среди этих передовиков, руководивших петербургской марксистской организацией в 1889—1892 гг., играли кузнец Егор Афанасьевич Афанасьев (он же Климанов, Бубнов) и ткач Федор Афанасьевич Афанасьев («Отец»). Оба они, начав свою деятельность с организации первых рабочих марксистских кружков, примкнули затем к большевизму, как только он оформился в политическую партию, и отдали всю свою жизнь революционной борьбе. Ф. А. Афанасьев, руководитель иваново-вознесенских большевиков, в 1905 г. был зверски замучен черносотенцами. Е. А. Афанасьев (Климанов) прекратил свою неутомимую партийную работу в 1918 г., достигнутый смертью от сыпного тифа. Современники единодушно характеризуют их как людей глубочайшей убежденности, беззаветной преданности рабочему делу, необычайно крупной организаторской силы и вместе с тем поразительной душевной красоты. Рабочих влекло к ним как к своим вожакам и учителям жизни. К ним полностью применимы слова Ленина о рабочих — пионерах социал-демократического движения в России, что «это — люди, которые не растратили себя на бесполезные террористические предприятия одиночек, а действовали упорно, неуклонно среди пролетарских масс, помогая развитию их сознания, их организации, их революционной самостоятельности»³¹.

Некоторые из участников петербургской социал-демократической группы 1889—1892 гг. стали потом деятелями ленинского «Союза борьбы» (В. А. Шелгунов, Н. Г. Полетаев, Б. Зиновьев, И. И. Кейзер, К. М. Норинский, М. А. Фишер).

В группе Бруснева впервые стали принимать активное участие в рабочем социал-демократическом движении женщины-работницы (В. М. Карелина, ткачиха Новой бумагопрядильной фабрики; Н. А. Григорьева, Н. Кейзер и др.).

Из среды интеллигентов, руководивших группой, выделялся как организатор и пропагандист Михаил Иванович Бруснев. Выходец из кубанских казаков, он в 1885 г. поступил в петербургский Технологический институт и активно участвовал в сту-

³¹ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 334.

денческих волнениях 1886, 1887 и 1890 гг. К концу 1889 г. М. И. Бруснев был уже сложившимся социал-демократом. По отзыву Н. К. Крупской, «Бруснев был чрезвычайно умным и каким-то необыкновенно простым человеком, целиком ушедшим в рабочее движение»³².

При разгроме группы в 1892 г. на Бруснева обрушилась главная тяжесть репрессии: он был приговорен к четырем годам одиночного заключения в Крестах и затем к десяти годам высылки в Верхоянск. Хотя после многолетнего пребывания в тюрьме и ссылке Бруснев не вернулся к активной революционной деятельности, он в последующие годы оказывал содействие большевикам³³.

Видную роль в брусневской группе играл Леонид Борисович Красин, впоследствии видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. Красин тоже начал свою революционную деятельность в петербургском Технологическом институте. Изучение «Капитала» привело его к марксизму. Он был одним из наиболее теоретически подготовленных участников брусневской организации³⁴. В группе активную роль играли интеллигенты В. С. Голубев, С. И. Радченко, А. Н. Балдин, Г. Б. Красин (брат Л. Б. Красина) и др.

Интеллигенты-марксисты без сомнения играли очень важную роль в деятельности группы, в оформлении ее идеологии, во всей ее пропагандистской и организационной работе. Однако, в отличие от группы Благоева, группа Бруснева была преимущественно рабочая. Важное принципиальное значение имело не только преобладание рабочих в составе этой группы, но и то, что роль рабочих в самом руководстве группой, в проявлении инициативы в постановке и осуществлении ряда важнейших начинаний группы была значительнее. Все это свидетельствует о первых ощутительных успехах в распространении идей марксизма среди передовых рабочих.

Социал-демократическая группа Бруснева замечательна прежде всего тем, что она наиболее полно в своей деятельности воплотила положительные черты периода пропаганды марксизма в узком кругу передовых рабочих.

Новая петербургская группа поставила, по словам М. Бруснева, своей «главной и основной целью выработать из участ-

³² Сб. «Леонид Борисович Красин («Никитич»)». М.—Л., 1928, стр. 137.

³³ О М. И. Брусневе см. «Материалы по делу М. И. Бруснева», в сб.: «От группы Благоева к «Союзу борьбы»»; там же, Воспоминания М. Ольминского, К. Норинского, В. А. Шелгунова, стр. 43, 44, 47, 55, 73. М. И. Брусневу принадлежит ряд статей по истории первых шагов марксизма в России; некролог «Федор Афанасьевич Афанасьев». «Новая жизнь», 1905, № 13; «Возникновение первых социал-демократических организаций». «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14); «Первые революционные шаги Л. Красина». Сб. «Леонид Борисович Красин («Никитич»)».

³⁴ О Л. Б. Красине см. сб. «Леонид Борисович Красин («Никитич»)».

ников наших рабочих кружков вполне развитых и сознательных социал-демократов, которые во всем могли бы заменить пропагандистов-интеллигентов»³⁵.

Эту задачу ставили перед собой и предшествующие социал-демократические группы, но теперь для ее решения оказалось несколько больше возможностей. Круг передовой молодежи, захваченной новыми, марксистскими идеями, становился шире, шире становился и круг передовых рабочих, рвавшихся к свету, к знанию, к революционной борьбе. Передовая группа рабочих, с которыми были связаны Бруснев и его товарищи, состояла из бывалых участников нелегальных революционных кружков и имела уже некоторую идейную подготовку в духе марксизма.

При таких условиях требовался более высокий уровень теоретической подготовки как самих пропагандистов-интеллигентов, так и тех передовых рабочих, которых они готовили себе на смену.

О том, какие высокие требования к будущим организаторам и пропагандистам русского рабочего движения предъявляли петербургские марксисты, ярко показывает подробно разработанная ими «программа для занятий с рабочими». По этой программе члены рабочих кружков должны были овладеть не только элементарной грамотностью, но и серьезными знаниями,

³⁵ «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), стр. 21.

М. Ольминский считает, что стремление интеллигентов социал-демократов положить все свои силы на подготовку рабочей интеллигенции вытекало, между прочим, из неверия в способности интеллигентов — выходцев из буржуазной среды — возглавить рабочее движение и что такой взгляд распространился под влиянием статьи В. И. Засулич «Революционеры из буржуазной среды» («Социал-демократ», 1890, № 1). Эта статья появилась в Петербурге в 1891 г. и, как пишет Ольминский, «произвела сильнейшее впечатление» на петербургских социал-демократов. «В статье доказывалось на основании опыта западно-европейской истории, — пишет он, — что молодежь из буржуазной среды революционна только до свержения абсолютизма, до удовлетворения политических требований буржуазии... Статья В. Засулич была принята как теоретическое объяснение упадка русской интеллигенции. Было решено (рассказываю все это на основании частных бесед), что и впредь интеллигенция не будет поставлять идеологов рабочего класса, что данные студенты-социал-демократы — последние могокане (из интеллигенции) социал-демократизма в России, что поэтому они должны все силы употребить на создание бебелей из рабочей среды, должны дать хоть самой небольшой кучке рабочих самое полное, глубокое и всестороннее социал-демократическое образование» («Былое», 1906, № 11, стр. 9—10). Такие взгляды на интеллигенцию и ее место в дальнейшем революционном движении действительно разделялись некоторыми социал-демократами 80-х — начала 90-х годов. Это была реакция на поворот значительной части народнической интеллигенции к буржуазному либерализму. Несостоятельность такого взгляда на роль социалистической интеллигенции в рабочем движении была вскрыта В. И. Лениным в борьбе с «экономистами» и подтверждена всей дальнейшей историей русского и международного рабочего движения.

особенно в области общественных наук. Сюда входили основы химии, физики, ботаники, зоологии, физиологии, анатомии, гигиены, геологии, астрономии, учения Дарвина. Основными дисциплинами в программе были история культуры в связи с историей общества и общественных движений, политическая экономия, история и теория социализма. Приведем вкратце программу по общественным наукам.

«История культуры. Период дикости и период варварства. Жизнь человека во время каждого из этих периодов... Развитие и эволюция власти, религии, нравственности, семьи и собственности. Зависимость всех сторон жизни человека от экономического положения. Период цивилизации. Такое же, но только более подробное изучение этого периода с присоединением политической истории древних и новых народов — и при этом всей эволюции всех сторон жизни русского народа — и, особенно, русской истории. История науки, философии, открытий и изобретений.

...Политическая экономия. История развития форм организации труда (рабство, феодализм, капитализм, неизбежная эволюция последнего по направлению к коллективизму). История политической экономии.

...Положение и история крестьян в России и на Западе. Община, артели, наделы, продовольствие и налоги. Банки — крестьянский (и дворянский). Переселение, раскол и сектантство.

...Положение рабочего класса в России и на Западе. История рабочего движения в связи с теориями различных реформаторов. Паллиативы в рабочем вопросе (потребительные и строит. общества и пр.), фабричное законодательство.

...История общественных движений в Европе и полнейшая, подробнейшая — в России... Современное положение и значение всех классов в России (дворянство, духовенство, буржуазия). Крестьянство и рабочие; бюрократия, войско, правительство.

...Экономическая политика и ее история на Западе и в России. Сущность социализма»³⁶. Дальше предусматривалась «полная, подробная и точно, определенно обоснованная программа минимума требований для данного времени»³⁷.

Занятия по этой программе, несмотря на отсутствие в ней конкретных проблем истории и теории марксизма и практики революционного рабочего движения, несмотря на отсутствие стройности и четкости изложения важнейших ее разделов, представляли серьезный и большой шаг вперед в постановке пропаганды среди рабочих. При всех своих недостатках это была программа пропаганды социал-демократических взгля-

³⁶ «От группы Благоева к «Союзу борьбы», стр. 85—86.

³⁷ Там же, стр. 86.

дов, нового, марксистского мировоззрения. Она дополнялась изучением важнейших произведений научного социализма.

Содержание занятий с рабочими и цель этих занятий в начале образования петербургской группы так охарактеризованы М. Брусневым на примере кружка рабочих, который он вел сам с 1890 г.: «В этом кружке,— пишет он,— велись занятия и по общему мироведению, и по истории, и политической экономии; много времени отводилось на беседы на общеполитические темы, на положение рабочих, на вопросы организации рабочих и борьбы за лучшее будущее и проч. Подходящих книг для чтения в то время было очень мало и доставать их было очень трудно; нелегальных брошюр и листов почти не было, так что занятия приходилось вести устно, путем чтения лекций и бесед»³⁸.

Выработанная Брусневым «Программа для занятий для пропагандистов-рабочих» получила широкое распространение. По ней занимались рабочие кружки в Москве, Киеве, Одессе, Харькове и других городах. Но брусневцы понимали, что она не может быть приемлема для всех кружковцев. Эта программа «предназначалась... только для избранных,— пишет Бруснев,— и была, так сказать, нашей программой-максимум, наравне с которой существовала программа-минимум для занятий со всеми остальными членами наших кружков»³⁹.

Кружки поэтому делились на высший и низший разряды. На участников высшего типа кружков была возложена работа по пропаганде в кружках низшего типа, а также вербовка в них новых слушателей, т. е. новых членов организации.

К весне 1890 г. брусневская организация объединяла до 20 рабочих кружков, по 6—7 рабочих в каждом. Кружки имелись почти во всех районах Петербурга. Наиболее прочные рабочие кружки существовали на Путиловском, Обуховском, Балтийском заводах и на других крупных предприятиях.

Брусневская организация сделала первые шаги навстречу рабочему движению не только серьезной постановкой среди рабочих социал-демократической пропаганды, но и тем, что она стала откликаться на стачечное движение рабочих Петербурга. В связи со стачкой на заводе «Новое Адмиралтейство» организация выпустила прокламацию к рабочим, в которой были выставлены не только местные экономические, но и общеполитические требования. Вместе с тем она приступила к сбору средств для помощи бастовавшим рабочим⁴⁰.

Группа организовала участие рабочих в похоронах писателя Шелгунова. За гробом шло более ста рабочих с венком; на

³⁸ «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), стр. 20.

³⁹ Там же, стр. 21.

⁴⁰ См. «Рабочее движение в России в XIX в.», т. III, ч. 2, стр. 51—52.

ленте, обвивавшей венки, золотыми буквами были начертаны слова: «Указателю пути к свободе и братству от петербургских рабочих». Рабочие открывали похоронное шествие. Это было первое публичное выступление рабочих социал-демократов России. «Участие рабочих в шелгуновской демонстрации,— отмечал Бруснев,— имело чрезвычайное значение в жизни нашей организации: мы, тщательно скрывавшиеся до того времени в подполье, громко заявили о своем существовании»⁴¹.

Среди наиболее ярких событий в жизни петербургской социал-демократической группы начала 90-х годов были первые рабочие маевки в России, первые организованные политические выступления пока еще небольших групп передовых рабочих.

Хотя русское рабочее движение было очень молодым и развивалось в условиях жестоких преследований царизма, празднование международного пролетарского дня Первого мая началось почти одновременно с празднованием его в западных странах. Постановление Международного социалистического конгресса в Париже о праздновании Первого мая было принято в июле 1889 г., а первые празднования дня международной пролетарской солидарности были отмечены на Западе в 1890 г. В том же 1890 г. празднование Первого мая состоялось в Варшаве. В 1891 г. произошла первая знаменитая маевка передовых рабочих Петербурга, организованная брусневской группой.

Празднование состоялось нелегально в Екатерингофском парке 5 мая (по ст. стилю), в Троицын день (по календарю 1 мая был рабочий день). На маевке присутствовало около 100, а по некоторым данным — до 200 рабочих, входивших в нелегальные рабочие кружки всех районов Петербурга. Подавляющее большинство участников маевки уже были социал-демократами или сочувствовали им. Интеллигентов было несколько человек. На этом празднике главными ораторами были сами рабочие. Здесь выступали с политическими речами рабочие социал-демократы Ф. А. Афанасьев, Н. Д. Богданов, В. Прошин.

Так как многие члены кружков не могли участвовать в этой маевке, вскоре было организовано еще одно собрание, на котором присутствовало 60—70 человек. Речь произнес Н. Д. Богданов. Выступление рабочих социал-демократов с речами в день праздника Первого мая было важным событием в разви-

⁴¹ М. И. Бруснев. Возникновение первых социал-демократических организаций. «Пролетарская революция», 1923, № 2(14), стр. 27.

«Небывалое появление рабочих на похоронах демократа-писателя,— вспоминал М. Ольминский,— произвело чрезвычайное впечатление на интеллигенцию; до того времени интеллигенция не верила в существование у нас сознательных рабочих». (М. Ольминский. Из воспоминаний революционера. «Рабочий мир», 1919, № 4—5, стр. 15).

гии русского рабочего движения. «1891-й год — участие петербургских рабочих в демонстрации на похоронах Шелгунова, политические речи на петербургской маевке. Перед нами социал-демократическая демонстрация передовиков-рабочих при отсутствии массового движения»⁴².

Речи петербургских рабочих были вскоре изданы в Петербурге и группой «Освобождение труда» за границей. В своем «Предисловии к четырем речам рабочих» (1892) Г. В. Плеханов подчеркнул исключительное значение этих речей, свидетельствующих о росте социалистического сознания среди передовых рабочих России.

На грандиозную первомайскую стачку польского пролетариата в Лодзи в 1892 г. живо откликнулись петербургские рабочие. Брусневская организация написала «Открытое письмо к польским рабочим», в котором горячо приветствовала героическую борьбу польского пролетариата против царизма и буржуазии. «Вы так славно праздновали 1 Мая, — говорится в письме. — Вы открыто вступили в ряды этой всемирной армии социал-демократической, которая на рубеже нового столетия видит зарю нового общественного строя, где все люди, все народы будут братьями... Соединитесь же, пролетарии всех стран, а скоро уже наступит последний час наших врагов и заблестит солнце социалистического строя»⁴³.

Первое мая 1892 г. было отмечено в Варшаве, Вильно, Лодзи⁴⁴.

Брусневцы мечтали об объединении сил всех русских социал-демократов, они пытались связать свою и разрозненные социал-демократические группы других городов в единую общероссийскую организацию. Брусневцы имели связь со многими городами — Москвой, Казанью, Нижним Новгородом, Костромой, Тулой, а также Киевом, Харьковом, Ригой, Тифлисом. Но создать такую организацию им не удалось ввиду общей слабости русского социал-демократического движения в тот период, а также вследствие разгрома организации в 1892 г.

С середины 90-х годов Первое мая постоянно отмечалось в крупных промышленных центрах России.

⁴² В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 118.

⁴³ «Хроника революционного движения в Петербурге», т. I. Л., 1940, стр. 164.

⁴⁴ «Первое мая в царской России 1890—1916 гг.» Сб. документов. Госполитиздат, 1939, стр. 284.

О первых празднованиях 1 мая в Петербурге имеются воспоминания ряда ее участников: Н. Богданова, К. Норинского, В. Карелиной, В. Шелгунова, В. Святловского, М. Бруснева и др. Об этом сохранились донесения Петербургского охранного отделения (ЦГИАМ, ф. 102, ДП, 3 д-во, д. 558, 1892 г., лл. 7—17, 13—14, 19—20, 37—38); см. также С. Н. Валк. Материалы к истории первого мая в России. «Красная летопись», 1922, № 4, стр. 250—288.

В то время значение рабочих маевек состояло не только в общении между собой передовых рабочих социал-демократов, которые ранее не собирались по 100—200 человек сразу, — главное состояло в том, что само празднование Первого мая носило характер революционного политического выступления рабочих. Это был смотр сил сознательной части рабочих России и проявление солидарности с международным пролетариатом.

Хотя группа Бруснева сделала известный шаг вперед навстречу рабочему движению, но это был только первый шаг, так как брусневцы, подобно другим марксистским кружкам того периода, ограничивались преимущественно пропагандой в узких кружках, участники которых вербовались из очень тонкой прослойки передовых рабочих. С этой же точки зрения заслуживает внимания отношение брусневцев к стачечному движению. Члены группы сами не проявляли инициативы в призыве к стачкам и не считали возможным брать на себя руководство ими, опасаясь последствий как для участников стачек, так и для их организаторов. Но когда стачки становились фактом, брусневцы в отдельных случаях принимали в них участие.

Написанные и напечатанные на гектографе членами группы отдельные воззвания к стачечникам имели, по словам Бруснева, огромный успех. В пользу стачечников «Нового Адмиралтейства» было собрано 500—600 руб. — сумма по тому времени значительная. Группа тем самым как бы делала попытку выхода «из сферы кружковой замкнутости на арену широкого рабочего движения»⁴⁵. Однако предпринятые попытки остались эпизодическими, так как действительный переход к руководству социал-демократов стачечным движением требовал перестройки всей работы. Этим не умаляется значение первых попыток воздействия социал-демократов на стачечное движение.

Расширение деятельности группы вызвало необходимость создать свой печатный орган, но осуществить это не удалось. Группа выпустила лишь два номера рукописной газеты; последняя переписывалась через копировальную бумагу и в таком виде распространялась. Материалы поступали от рабочих кружков и обобщались руководителями организации. По словам одного из них, эта рабочая газета «имела целью не столько руководство рабочим движением и тем более не принципиальную разработку программных вопросов, сколько главным образом освещение нужд самих рабочих... Наиболее ценным в ней были помещавшиеся на ее страницах сообщения самих рабочих,

⁴⁵ М. И. Бруснев. Возникновение первых социал-демократических организаций. «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), стр. 24. Рабочее движение в России в XIX веке, т. III, ч. 2. М., 1952, стр. 52.

особенно о стачках и столкновениях рабочих с мастерами»⁴⁶. «Надо было видеть,— вспоминал Бруснев,— с какой жадностью набрасывались рабочие на свой печатный (вернее рукописный) орган. Номера газеты зачитывались до того, что от них, в конце концов, оставались лишь клочки. Едва ли мог где-либо сохраниться хотя один номер этой первобытной рабочей газеты»⁴⁷. Газета, действительно, не сохранилась.

В исторической литературе была попытка представить группу Бруснева как аполитичную, культурническую. Акимов-Махновец, один из лидеров «экономизма», в своей работе «Очерк развития социал-демократии в России», так характеризовал идеологию группы Бруснева: «Хотя его члены и считали себя социал-демократами, но по способу пропаганды своих идей они являлись, в сущности, социалистами-культурниками. Народовольческая тактика уже была оставлена, социал-демократическая еще не была выработана»⁴⁸.

Эту версию в известной мере поддерживал Н. Л. Сергиевский, характеризуя деятельность этой группы «брусневским культурническим экономизмом» или «мирной культурно-пропагандистской работой»⁴⁹.

Такой взгляд на деятельность брусневской группы является ошибочным, противоречащим историческим фактам. Не подлежит сомнению совершенно определенная идейная направленность этой группы, ее отрицательное отношение к народничеству, ее безусловная приверженность марксизму. Деятели группы руководствовались нерушимым правилом, которое Бруснев сформулировал так: «Не допускать в нашу среду лиц, несогласных с нашим уже вполне определившимся социал-демократическим направлением»⁵⁰. Участники группы не просто называли себя социал-демократами, как изображает Акимов; именно в этом, социал-демократическом, а не выхолащенном культурническом направлении вели они всю свою идейную и организационную работу. Такие выдающиеся для того времени факты, как организация первых рабочих маевек, организация политических выступлений рабочих на этих маевках, организация рабочей демонстрации на похоронах Шелгунова, решительно опровергают несуразную версию о «культурническом» характере деятельности группы Бруснева.

⁴⁶ В. С. Голубев. Страничка из истории рабочего движения. «Былое», 1906, № 12, стр. 117—118.

⁴⁷ «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), стр. 24—25.

⁴⁸ В. Акимов (Махновец). Очерк развития социал-демократии в России. СПб., 1906, стр. 38.

⁴⁹ «Группа «Освобождение труда» и марксистские кружки. «Историко-революционный сборник», т. II, Л., 1924, стр. 127.

⁵⁰ М. И. Бруснев. Возникновение первых социал-демократических организаций. «Пролетарская революция», 1923, № 2(14), стр. 26.

Главная, непосредственно практическая задача, которую ставила перед собой группа Бруснева, имела по своему существу сугубо политический характер. Это была задача воспитания революционных социал-демократов из наиболее передовых рабочих, воспитания из рабочих-передовиков вожаков массового движения русского пролетариата. Бруснев в своих воспоминаниях отмечает: «Мы хотели из своих слушателей-рабочих выработать будущих российских Бебелей»⁵¹. Известно, что о решении русских социал-демократов создать своей работой условия и возможности, чтобы «поднялись и выдвинулись бы... из наших рабочих русские Бебели», писал и неоднократно упоминал Ленин. Разумеется, понимание предпосылок и условий, при которых могли быть действительно созданы «русские Бебели», было у Ленина единственно правильным и, конечно, несравненно более глубоким, чем это представляли себе брусневцы. Важно, однако, подчеркнуть, что и они уже осознали насущность этой задачи и в ограниченных условиях своего времени пытались ее практически решать. То обстоятельство, что в занятиях с рабочими брусневцы уделяли много внимания общеобразовательным предметам, отнюдь не свидетельствует о культурническом характере их деятельности. Общеобразовательный курс имел подчиненное значение по отношению к главной задаче — расширить общий кругозор передовых рабочих, чтобы тем самым облегчить им сознательное усвоение цельного материалистического мировоззрения, революционного марксизма.

На необходимость для социал-демократов той и даже более поздней поры начинать пропаганду марксизма иногда и с обучения простой грамоте указывал В. И. Ленин. Он писал: «Сначала нам приходилось учить рабочих грамоте и в прямом и в переносном смысле»⁵².

Неверно также утверждение об отсутствии в деятельности брусневской группы социал-демократической тактики. Такая тактика применительно к условиям 80-х — начала 90-х годов была выработана группой «Освобождение труда», и именно ее придерживалась группа Бруснева. Это была тактика пропаганды идей марксизма среди передовых рабочих, тактика, направленная к «выработке элементов для образования будущей рабочей социалистической партии России». Такая тактика была очень узка, ограничена, но она вытекала из объективных исторических условий начального периода зарождения русской социал-демократии. Деятельность брусневской группы не выходила за рамки именно этого, «утробного периода» русской социал-демократии, но в пределах указанного периода данная группа

⁵¹ «Пролетарская революция», 1923, № 2(14), стр. 20.

⁵² В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 190.

была и по своей численности, и по своему рабочему составу, и по размаху всей своей деятельности самой крупной и значительной организацией из всех социал-демократических групп не только Петербурга, но и других городов России.

Брусневская группа не обладала серьезными теоретическими силами, способными самостоятельно решать проблемы марксизма в применении к сложному переплету социально-экономических отношений в России. Сознвая свою недостаточную теоретическую подготовленность, руководители группы, приняв попытку издания на русском языке протоколов Парижского международного социалистического конгресса 1889 г., старались в предисловии к этим протоколам обойти теоретические вопросы, отмечая чисто практические цели объединения русских рабочих и развития в них самостоятельности⁵³.

При всем этом брусневская петербургская группа была по степени идеологической зрелости выше предшествовавших ей петербургских социал-демократических групп. Она не выработала своей самостоятельной программы и не считала нужным делать это, так как целиком разделяла программу группы «Освобождение труда», со всеми ее достоинствами и недостатками. Взгляд на историческую роль пролетариата, роль рабочего класса России как самой передовой революционной силы, стал незыблемым руководящим принципом деятельности брусневской группы. Участники этой группы неизменно подчеркивали, что русское рабочее социал-демократическое движение является неразрывной составной частью международного пролетарского движения. И в этом отношении показательна сама попытка группы издать протоколы международного социалистического конгресса. Не менее важно, что призыв к изучению опыта рабочего движения других стран выражен во всех четырех речах рабочих на первой петербургской маевке 1891 г., о которых мы упоминали выше. Эти замечательные речи рабочих весьма характерны для начального периода развития русской социал-демократии. Они отражают зарождение в России нового типа рабочего — революционного социал-демократа, марксиста с широким кругозором, с горячим стремлением к овладению революционной теорией и всей передовой культурой своего века, с ясным сознанием цели борьбы, с глубоким интересом к опыту пролетарской борьбы своих собратьев на Западе. Рабочие социал-демократы уже понимали, что только создание самостоятельной революционно-пролетарской партии обеспечит победу народа и над самодержавием и над буржуазией. Страстной верой в эту победу, несмотря на жесточайшие труд-

⁵³ См. В. С. Голубев. Страницка из истории рабочего движения. «Былое», 1906, № 12, стр. 111.

ности и препятствия, проникнуты все четыре речи рабочих. «Взглянем,—говорил Н. Богданов,—хотя бегло на историческое развитие социал-демократической партии в Германии, этой самой сильной и стройной организации на Западе. Она тоже произошла от небольшой кучки людей, сгруппировавшихся в одной производительной местности, как наш Петербург. Эти рабочие первые сознали свои человеческие права и стали передавать свои убеждения другим рабочим, за что и стали преследоваться и высылаться правительством по провинциям. Но даже это распоряжение послужило на пользу рабочим. Эти рабочие нашли себе товарищей и, организовавшись все вместе, составили один нераздельный союз... Смотри на все исторические факты, которые нас смело заставляют надеяться на победу, мы должны также думать и о нашем русском народе»⁵⁴.

Брусневская организация всей своей деятельностью способствовала расширению круга передовиков-рабочих, воспитанию из них первой плеяды рабочих социал-демократов, и в этом ее историческая заслуга.

Группа не могла оказать влияния на массовое рабочее движение, но она сделала серьезный шаг навстречу этому движению. Своей деятельностью брусневская группа подготовила почву для дальнейшего развития рабочего социал-демократического движения в России, получившего новый могучий толчок с появлением В. И. Ленина в Петербурге и созданием им и его товарищами петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Дело группы Бруснева непосредственно продолжал в 1892—1893 гг. кружок в составе некоторых уцелевших членов этой группы во главе с С. И. Радченко.

В этот кружок входили Г. Б. Красин, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, А. Л. Малченко и Д. Н. Кудрявский. Позднее (с осени 1893 г.) к этой группе примкнули П. К. Запорожец, М. А. Сильвин, А. А. Ванеев и др. Почти все они еще до приезда в Петербург успели познакомиться с научным социализмом в провинциальных кружках⁵⁵.

В кружке Радченко прошли школу марксизма первые русские коммунистки — Н. К. Крупская, З. П. Невзорова-Кржижановская, А. А. Якубова, Л. М. Книпович, в то время слушательницы высших женских Бестужевских курсов. Среди них особое место занимала Крупская, образованная и талантливая революционерка.

⁵⁴ «Первое мая 1891 г. Четыре речи рабочих». Женева, 1892, стр. 2—3.
⁵⁵ См. Г. Б. Красин. Воспоминания о В. И. Ленине. ЦПА, ф. 72, оп. 3, ед. хр. 697.

Н. К. Крупская, ранее входившая в группу Бруснева, еще там стала изучать «Капитал». Это определило ее дальнейший революционный путь, неразрывно связанный с русским рабочим движением. «Марксизм,— писала она,— дал мне величайшее счастье, какого только может желать человек. знание, куда надо идти, спокойную уверенность в конечном исходе дела, с которым связала свою жизнь»⁵⁶.

Н. К. Крупская и другие участницы кружка Радченко вели занятия с рабочими в знаменитой воскресной школе за Невской заставой. Из этой школы вышли потом выдающиеся деятели социал-демократического движения России.

Воскресные школы с самого их появления (конец 50-х — начало 60-х годов) служили очагами революционной пропаганды. Но только марксистская интеллигенция, поставившая своей ближайшей задачей внесение идей марксизма в среду рабочих, превратила воскресные школы в серьезные очаги социалистической пропаганды.

Воскресная школа в условиях царизма служила цели приобщения рабочих к культуре и знанию и в то же время была местом, где встречались передовые рабочие, уже вовлеченные в той или иной мере в революционную деятельность, со своими учителями — представителями социал-демократической интеллигенции. «Живое и смелое слово учительниц,— вспоминал выдающийся русский рабочий марксист И. В. Бабушкин, один из учеников воскресной школы,— вызывало у нас особую страсть к школе... Приемы, употребляемые учительницами, мы отлично понимали и просто диву давались их умению вызвать откровенность в каждом ученике: и горожанине, и фабричном, и деревенском. Каждое посещение все тесней и тесней сближало нас со школой и учительницами, мы чувствовали необыкновенную симпатию к ним и между нами зародилась какая-то родственная, чисто идейная близость»⁵⁷.

Члены кружка С. И. Радченко, кроме того, вели занятия и с отдельными рабочими.

Новый состав петербургской социал-демократической группы во главе с С. И. Радченко уделял по сравнению с брусневской группой значительно больше внимания собственной теоретической подготовке, изучению трудов основоположников научного коммунизма, в особенности «Капитала». Теоретический уровень участников этой группы был в общем выше уровня их предшественников⁵⁸, но зато в своей практической деятельности

⁵⁶ Н. К. Крупская. Как я стала марксисткой. Педагогические сочинения, т. 1. М. 1957, стр. 34—35.

⁵⁷ Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина. Госполитиздат, 1955, стр. 45.

⁵⁸ Следует, однако, заметить, что и среди участников этого кружка некоторые воспринимали марксизм поверхностно, допуская серьезные ошиб-

среди рабочих они не только не продвинулись вперед, но безусловно отстали от брусневцев.

Кружок С. И. Радченко был замкнутым. Стремясь построить строго законспирированную организацию, С. И. Радченко создавал маленькие, раздробленные кружки, а также выделял отдельных лиц с очень ограниченными связями на случай провала. К каждому интеллигенту, члену кружка, были прикреплены один или двое рабочих, через которых он мог проникнуть в рабочий кружок. В организацию принимались лишь теоретически подготовленные, уже вполне убежденные социал-демократы, способные вести теоретические бои с народниками. Кружки рабочих, в которых члены группы, руководимой С. И. Радченко, вели пропаганду, были изолированы друг от друга. В связи с этим сами рабочие пытались организовать более широкое общение между собой. «Изредка,— пишет Г. Б. Красин по этому поводу,— бывали выступления на более или менее многочисленных рабочих собраниях, организованных самими рабочими»⁵⁹.

С кружком С. И. Радченко осенью 1893 г. связался прибывший в Петербург В. И. Ленин. Почти все участники кружка активно участвовали в созданном В. И. Лениным петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса».

Наряду с группой Бруснева и продолжавшей ее дело группой С. И. Радченко существовал ряд марксистских кружков в Петербургском университете и некоторых других высших учебных заведениях.

В 1891 г. в Петербургском университете сложился кружок, в который входили П. А. Красиков и другие, занимавшиеся изучением марксистской литературы, а с 1892 г. пропагандой социал-демократического учения в рабочих кружках на Васильевском острове. В 1892 г. П. А. Красиков отправился в Женеву, где познакомился с Плехановым и другими членами группы «Освобождение труда» и вернулся в Петербург с большим транспортом социал-демократической литературы.

Осенью 1892 г. образовался кружок под названием «Петербургская группа освобождения труда». Эта группа состояла в большинстве из студентов Петербургского университета (Ю. Мартов, И. Д. Ставский, С. А. Гофман, Л. Ф. Ставровский, М. В. Васильев). Первым делом группы была организация большого транспорта марксистской литературы, доставленной побывавшим в Женеве студентом того же университета А. Н. Потресовым.

ки при анализе русской экономической действительности. Об этом, в частности, свидетельствует реферат Г. Красина, прочитанный им осенью 1893 г. и подвергнутый критике приехавшим в Петербург В. И. Лениным (подробнее об этом см. заключительную главу).

⁵⁹ «Старый большевик», 1933, № 2 (5), стр. 188.

«Здесь был,—вспоминал Ю. Мартов,—полный комплект изданий «Группы «Освобождение труда», вплоть до только-что вышедшей актуальной брошюры Плеханова «Задачи социалистов в борьбе с голодом», несколько немецких брошюр и протоколов и ряд изданий французской и бельгийской рабочих партий, в том числе брошюры Ж. Геда, П. Лафарга и Г. Девиля»⁶⁰. Было намечено издать речь Ж. Геда «О коллективизме», речь А. Бебеля «Милитаризм и социализм» и брошюру Плеханова «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России».

К речи Ж. Геда члены кружка написали предисловие программного характера, позволяющее судить об идеологии этого кружка. В нем говорилось: «Русская революция нашла себе новое прочное основание. Это основание — научный социализм. Принцип народной революции воскрешен на знамени социал-демократов. Но эта революция не есть революция анархического крестьянского духа против буржуазной цивилизации [революция в понимании народников-бакунистов.— Ю. П.], ни революция мыслящей интеллигенции против деспотического правительства [революция в понимании народовольцев.— Ю. П.]. Это — революция труда против капитала. Ближайшая цель социал-демократии — достижение политической свободы, главная задача — организация рабочей партии. Удастся ли выполнить эту задачу до того времени, когда совершится переворот, к которому ведет современное положение России, или нет,— это все равно. Если нет, то мы примем участие в перевороте наряду с прочими прогрессивными партиями; если да, то организованная социал-демократическая партия сумеет удержать плоды победы в руках рабочего класса»⁶¹. Естественно, у авторов документа не могло быть достаточно ясного представления об условиях победы буржуазно-демократической революции в России, которая могла осуществиться только при руководящей роли рабочего класса. В предисловии дается следующая формулировка ближайших организационных задач: «Соединиться в партию могут лишь кружки, имеющие прочные связи среди рабочих и застрахованные от полного исчезновения при первом неудачном шаге. Задача социал-демократов в настоящий момент — организовать такие группы. Поэтому пропаганда социал-демократических мнений является важным делом. Издатели настоящей брошюры намерены заняться этим делом»⁶².

В мае 1893 г. кружок связался с группой «Освобождение труда», которой он направил от своего имени мандат с предложением представлять его в числе других кружков на Цюрихском международном социалистическом конгрессе.

⁶⁰ Ю. Мартов. Записки социал-демократа. М., 1924, стр. 141—142.

⁶¹ Там же, стр. 152.

⁶² Там же, стр. 153.

В начале 1894 г. некоторые члены кружка были арестованы, и кружок перестал существовать.

* * *

Деятельностью петербургских социал-демократических групп начала 90-х годов завершается десятилетний период (1883—1893) пропаганды идей марксизма среди революционной интеллигенции и передовых рабочих в крупнейшем политическом центре Российской империи. По сравнению с дальнейшим, бурным периодом массового рабочего движения в Петербурге, когда это движение уже было соединено с марксизмом, первое десятилетие было временем кружковой пропаганды, зачаточного состояния и медленного развития социал-демократического движения. Но тем не менее значение этого десятилетия велико. К концу его, в 1893—1894 гг., среди революционно настроенной интеллигенции столицы, где находились передовые представители русской учащейся молодежи, марксистское направление получило значительное распространение и пустило здесь прочные корни; среди марксистски настроенной молодежи выделились уже убежденные марксисты, навсегда связавшие свою судьбу с освободительным движением пролетариата России.

Важным результатом деятельности первых петербургских социал-демократических групп было начало пропаганды идей марксизма в рабочей среде. Из этой среды в начале 90-х годов выдвинулась замечательная плеяда петербургских рабочих социал-демократов.

Все это обусловило передовую роль в социал-демократическом движении России петербургских марксистских групп и послужило подготовкой к новому периоду, периоду массового рабочего движения, соединенного с марксизмом. Этот период был ознаменован деятельностью созданного В. И. Лениным Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

3. МАРКСИСТСКИЕ КРУЖКИ В МОСКВЕ В КОНЦЕ 80-х И НАЧАЛЕ 90-х ГОДОВ⁶³

После разгрома «Общества переводчиков и издателей» и других групп революционное брожение в среде передовой части московского студенчества не прекратилось.

⁶³ В настоящем разделе о первых московских марксистских кружках автором использован ряд ранее опубликованных им работ: Распространение марксизма в Москве. «Известия Академии наук СССР». Серия истории и философии, 1946, т. III, № 6; Из истории Московской организации ВКП(б). (1894—1904 гг.) М., 1947; В. И. Ленин и Московская организация

В университете, Петровской сельскохозяйственной академии, Техническом училище и других высших и средних учебных заведениях Москвы возникали тайные революционные кружки «саморазвития».

К концу 80-х — началу 90-х годов социал-демократические идеи были в Москве менее распространены, чем в Петербурге. Об этом свидетельствует ряд участников тогдашних марксистских кружков⁶⁴. Причину такого явления следует искать в особом «охранительном» режиме, который царил в «первопрестольной столице», и в сравнительной отдаленности ее от границы, откуда проникала марксистская литература.

Но с конца 80-х годов и здесь наступил перелом в идейной эволюции революционной интеллигенции. В нелегальных студенческих кружках стали все чаще появляться одиночки и пока еще малочисленные группы, изучавшие произведения Маркса и Энгельса и издания группы «Освобождение труда»⁶⁵.

Среди этих кружков выделялся кружок студента Московского университета В. К. Курнатовского, известного потом марксиста. Заподозренный властями в связях с группой А. Ульянова и исключенный в 1887 г. из Петербургского университета, он прибыл в Москву⁶⁶. В этот период своей деятельности, 1888—1889 гг., Курнатовский участвует в кружке по изучению произведений марксизма и вместе с тем продолжает поддерживать связь с петербургскими революционными кружками⁶⁷.

При обыске у Курнатовского и участников его группы были найдены рукописи под заглавием «Капитализм в России», «Короткий рабочий день или высокая заработная плата», «Устав международного товарищества рабочих», книга Г. В. Плеханова «Наши разногласия» и ряд народнических изданий⁶⁸.

После отсидки в Бутырской тюрьме Курнатовский был выслан в 1889 г. в Архангельскую губ. в г. Шенкурск на три года.

большевиков в период ее возникновения. «Вестник Академии наук», 1947, № 9, стр. 54—75. На эту тему опубликованы статьи Г. Д. Костомарова, К. Василенко, Н. Муромцева.

⁶⁴ См. М. И. Бруснев. Возникновение первых социал-демократических организаций. «Пролетарская революция», 1923, № 2 (14), стр. 28—30; см. С. И. Мицкевич. Указ. соч., стр. 87.

⁶⁵ Первые издания группы «Освобождение труда» — «Манифест Коммунистической партии», Объявление об издании «Библиотеки современного социализма», «Программа социал-демократической группы «Освобождение труда», «Социализм и политическая борьба» — проникли в Москву вскоре после их появления в свет, в 1883—1884 гг. (см. ЦГИАМ, ф. 102, ДП, 7 д-во, д. 553, ч. 1, 1884 г., лл. 100—103).

⁶⁶ ЦГИАМ, ф. 102, ДП, 3 д-во, д. 66, 1890 г., л. 13. В кружке Курнатовского состояли Ф. Липкин (Череванин), впоследствии меньшевик, А. Гукковский и др.

⁶⁷ ЦГИАМ, ф. 102, ДП, 7 д-во, д. 56, 1889 г., лл. 7—8, 11, 23, 28, 43, 88.

⁶⁸ «Виктор Константинович Курнатовский». Биографический очерк составила Ек. Окулова. М., 1948, стр. 21, 26, 30.

В 1892 г. Курнатовский уехал за границу для продолжения своего образования. Здесь он установил тесную связь с Плехановым и другими членами группы «Освобождение труда» и, как видно из его переписки с Г. В. Плехановым, оказал группе большую помощь в налаживании связи с марксистскими кружками в России и в деле доставки в Россию изданий группы.

Уцелевшие от разгрома члены кружка В. К. Курнатовского продолжали свою деятельность, образовав в Москве новый кружок во главе с П. М. Кашинским. Л. Б. Красин, имевший с ним встречу в 1891 г., писал: «Кашинский был уже известен мне как довольно образованный и склонявшийся к марксизму студент... Кашинский был знаком с «Капиталом» Маркса, статьями Энгельса...»⁶⁹.

Весной 1891 г. Кашинский попытался связаться с петербургскими марксистами. В результате переговоров в Москву был направлен член группы Бруснева ткач Ф. Афанасьев для постановки социал-демократической пропаганды среди московских рабочих. Летом 1891 г. в Москву приехал и М. Бруснев. «Группа Кашинского, к которой я примкнул, — вспоминал впоследствии М. Бруснев, — хотя и стояла на социал-демократическом пути, но еще не отрешилась от некоторых народофильских взглядов на политическую борьбу и мне с Ф. Афанасьевым немало пришлось потратить энергии в борьбе с этими взглядами»⁷⁰.

К тому времени группа Кашинского — Бруснева установила связь с нелегальными кружками, организатором которых был М. Егупов. Последний примыкал по своим взглядам к народофильцам, но его считали полезным для дела, так как он имел связь с другими городами и через польских революционеров — с заграницей, откуда получал нелегальную литературу, в том числе издания группы «Освобождение труда». Московские социал-демократы в ней очень нуждались.

Кашинский и М. Егупов составили «Программу временного организационного Исполнительного Комитета», принятую на одном из заседаний этого комитета. Эта программа представляла собой мешанину народофильских взглядов с социал-демократическими идеями, однако преобладали первые:

«1. Убежденные социалисты-революционеры, — говорится в программе, — мы стремимся к созданию в ближайшем будущем боевой социально-революционной организации. 2. Мы глубоко убеждены в том, что лишь целостное воплощение социалистического идеала в общественных формах приведет человечество

⁶⁹ Л. Б. Красин. Большевики и подполье. М., 1932, стр. 34.

⁷⁰ М. И. Бруснев. Возникновение первой социал-демократической организации. «Пролетарская революция», 1923, № 2(14), стр. 30.

к осуществлению тех лучезарных идей свободы, равенства и братства, которые намечены были Великой Французской революцией».

Далее верная мысль о том, что революционно-социалистические преобразования общества определяются объективными законами экономического развития, излагается в следующем путаном тезисе: «Последователи научного коллективизма — мы утверждаем, что социалистический идеал может целостно воплотиться в общественных формах лишь в мучительном процессе экономического развития, при активном, однако, воздействии на общественные формы живой человеческой личности с ее свободной волей, направленной на осуществление ясно поставленной цели».

В вопросе о средствах завоевания политической свободы авторы программы целиком стояли на позиции народовольчества: «Политическая свобода, — читаем здесь, — в ближайшем будущем может быть достигнута лишь путем систематического, в форме политического террора, воздействия на центральное правительство со стороны строго централизованной и дисциплинированной партии при дружном содействии всех живых сил страны». Создание такой партии мыслилось «на почве широкой устной и письменной пропаганды идей социализма в связи с пропагандой идей политического террора среди демократической интеллигенции всех общественных категорий, среди рабочего пролетариата и, отчасти, среди сектантов-рационалистов».

«Признавая рабочий пролетариат, — говорится далее в программе, — как экономическую категорию, верховным носителем идей социализма, мы приложим все старания к возможно более широкой постановке пропаганды и агитации среди фабрично-заводских рабочих с целью непосредственного создания элементов будущей рабочей партии». В заключение авторы опять оговаривают, что главным орудием борьбы с царским самодержавием они считают народовольческую тактику политического террора⁷¹.

Представители петербургской группы выступали, как свидетельствует Бруснев, против этой программы. Это подтверждает и Кашинский, который на следствии, признав себя автором этой программы, сказал, что считает Бруснева «строгим последователем учения Карла Маркса»⁷².

Однако решение Бруснева слиться с этой группой было условно ошибкой, даже если учесть его стремление использовать широкие связи М. Егупова с другими городами России и с границей.

⁷¹ Программа опубликована в сб. «От группы Благоева к «Союзу борьбы», стр. 87—88.

⁷² Там же.

В результате происшедшего в дальнейшем слияния группы Кашинского — Бруснева с «Русско-Кавказским кружком» московский социал-демократический кружок стал еще более неоднородным по своему составу.

За короткое время существования кружка его участникам все же удалось проделать известную работу по распространению марксистской литературы, установить связи с рабочими Москвы, с другими городами России, а также связаться с группой «Освобождение труда», от которой было получено в 1890—1892 гг. значительное количество марксистской литературы.

Московская группа установила связи с марксистами Петербурга, Риги, Харькова, Тулы, оказывая им содействие в доставке марксистской литературы. В апреле 1892 г. эта группа была разгромлена, а вместо с ней и социал-демократические группы в Петербурге, Туле, Риге, Харькове.

Одновременно с группой Бруснева — Кашинского среди московского студенчества на рубеже 80—90-х годов появился ряд кружков более последовательного марксистского направления. Начало марксистской социал-демократической организации в Москве положили именно эти кружки⁷³.

Почти все они вышли из студенческих земляческих кружков, ранее находившихся под влиянием народовольцев.

В 1889—1890 гг. из студенческого кружка Казанского землячества выделился ряд студентов (А. И. Рязанов, И. Давыдов, В. Жданов и др.), сочувствовавших социал-демократическому направлению. Возглавлявший этот кружок А. И. Рязанов перенес марксистскую литературу с немецкого на русский, был одним из первых в Москве пропагандистов идей научного социализма среди интеллигенции. Его кружок занимался теоретической подготовкой своих членов и вел свою деятельность исключительно в студенческой среде.

В то же время из Екатеринославского землячества выделилось несколько передовых студентов, примкнувших к марксизму (А. Н. Винокуров, А. Н. Шатерников, Чекеруль-Куш и др.).

Наиболее зрелым марксистским кружком был в тот период кружок в составе Г. Н. Мандельштама, Г. М. Круковского и Вановского. Г. Н. Мандельштам был одним из пионеров марксизма в Москве и, по свидетельству современников, выделялся своими серьезными теоретическими познаниями; в 1888—1889 гг. Г. Н. Мандельштам находился за границей, где имел возможность углубленно изучать марксизм; будучи в Париже, он присутствовал на первом конгрессе II Интернационала. В Москве он с успехом выступал на диспутах с народниками, ему принадлежит ряд писем-протестов к Н. К. Михайловскому⁷⁴.

⁷³ См. С. И. Мицкевич. Указ. соч., стр. 113—114.

⁷⁴ Г. Н. Мандельштам погиб в 1895 г. в застенках царской тюрьмы.

Видной фигурой среди московских марксистов был также инженер Г. М. Круковский. «Прекрасный популяризатор Маркса, человек, преданный рабочему делу», — так характеризуют его современники ⁷⁵.

Зимой 1890—1891 гг., после возвращения Г. Н. Мандельштама из Парижа, вокруг него стал группироваться марксистский кружок, к которому в начале 1892 г. примкнули А. Н. Винокуров, П. Винокурова, Чекеруль-Куш, С. Мицкевич, М. Лядов (брат Г. Н. Мандельштама) и др. Кружок Рязанова, окончательно оформившийся в начале 1892 г., были связан с участниками кружка Мандельштама, но не сливался с ним.

Участники группы Г. Н. Мандельштама и А. Н. Винокурова сразу же стали искать связей с передовыми рабочими, но они, как и вовлеченные в первые марксистские кружки рабочие, ограничивались пропагандой среди узкого круга передовых рабочих и революционной интеллигенции. Это был кружковой период, период создания высококвалифицированных пропагандистов, но оторванных еще от рабочей массы.

О высоком уровне теоретических занятий первых московских марксистских кружков свидетельствует как нелегальная литература на русском языке, так и иностранная марксистская и другая социально-экономическая и историческая литература, переведенная на русский язык членами этих кружков.

Из сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, кроме I и II томов «Капитала», в распоряжении кружков имелись: «Манифест Коммунистической партии», «Наемный труд и капитал», «Гражданская война во Франции», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Введение к критике философии права Гегеля», «Речь о свободе торговли», «Положение рабочего класса в Англии», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Развитие социализма от утопии к науке», «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии», «Анти-Дюринг». В их распоряжении были почти все изданные в 1883—1895 гг. работы Г. В. Плеханова и других членов группы «Освобождение труда», а также наиболее важные произведения видных деятелей западноевропейского рабочего движения: А. Бебеля, В. Либкнехта, П. Лафарга. У многих членов марксистских кружков, в том числе у рабочих, имелись собственные библиотеки, состоявшие из десятков книг ⁷⁶.

⁷⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, ед. хр. 142.

⁷⁶ Вот перечень книг, изъятых охранкой в 1894 г. у отдельных членов Московской социал-демократической организации, представляющий собой обычную библиотеку марксиста-пропагандиста периода 1891—1894 гг. У Б. Биронт были изъяты: К. Маркс. «Наемный труд и капитал»; К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической партии»; Ф. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии» и «Анти-Дюринг»; Г. В. Плеханов. «Русский рабочий в революционном движении», а также «Речь Варлена перед

Участники московских кружков, владевшие иностранными языками, особенно немецким и французским, проделали большую работу по переводу на русский язык марксистской и иной социально-экономической литературы. В 1892—1894 гг. ими была переведена почти вся имевшаяся в то время марксистская литература, не изданная до того на русском языке в России или за границей. Эту литературу московские марксисты предполагали размножить для распространения в Москве и других городах, но массовые аресты в 1894 г. им помешали. Сравнительно широкий круг марксистской литературы имел распространение не только среди революционной студенческой молодежи, но через них и среди передовых рабочих московских фабрик и заводов.

По общему свидетельству первых московских марксистов, передовые рабочие Москвы еще до вступления в марксистские кружки были знакомы с отдельными произведениями социально-экономической и политической литературы, а многие из них читали книги по естествознанию виднейших русских ученых (Сеченова, Тимирязева и др.), а также лучшие творения русской и мировой художественной литературы.

Наряду с распространением пропагандистской литературы деятельность московской социал-демократической группы была направлена и на создание агитационной литературы для рабочей массы. Эта литература родилась в период, когда русские марксисты переходили от кружковой пропаганды к массовой агитации среди рабочих. С начала 1894 г. по осень 1895 г. московской группой было издано восемь агитационных листов и три брошюры. Три листка были написаны рабочими Ф. Поляковым и Р. Наумовым ⁷⁷, членами группы.

Несмотря на большие трудности, московские марксисты наладили получение из-за границы марксистской литературы и снабжали ею не только Москву и окужающие ее города — Орел, Тулу, Нижний Новгород, — но и более отдаленные пункты — Киев, Екатеринослав.

В 1893 г. с помощью студенческих марксистских кружков были созданы первые рабочие кружки на крупнейших предприятиях. Кружки возникли прежде всего среди металлостроителей и железнодорожников на заводе Вейхельта (ныне завод имени Ильича), на «Гужоне» (ныне «Серп и молот»), в железнодорож-

судом»; «Речь Петра Алексея перед судом»; «Праздник петербургских рабочих» — 4 речи; В. И. Засулич. «Рабочее движение на Западе»; Дикштейн. «Кто чем живет?» и другие агитационные брошюры и значительное число запрещенных художественных произведений (ЦГИАМ, ф. 102, ДП, 7 д-во, д. 314, 1894 г., т. I, л. 80 об.).

⁷⁷ «Литература Московского рабочего союза». Материалы и документы. М., 1930, стр. 6.

ных мастерских Брестской (Белорусской), Курской и Казанской железных дорог.

Осенью 1893 г. руководители московских марксистских кружков делают первую попытку объединить все возникшие в 1891—1893 гг. кружки. 29 сентября 1893 г. на квартире А. Н. Винокурова состоялось собрание, на котором был организован центральный марксистский кружок «Шестерка» в составе М. Н. Лядова, А. Н. Винокурова, С. И. Мицкевича, С. И. Прокофьева и др. Этим было положено начало систематической пропаганде марксизма среди московских рабочих. Вначале ее вел Федор Афанасьев. На фабрике Трехгорной Прохоровской мануфактуры, где он работал, он создал рабочий кружок и вовлек в него ряд передовых рабочих. Другие члены кружка вели пропаганду марксистских идей среди рабочих железнодорожных мастерских, завода Вейхельта и т. п.

К 1894 г. в Москве имелась замечательная группа рабочих-передовиков, которые позднее вместе с группой интеллигентов-марксистов стали видными деятелями созданного в 1895 г. «Рабочего союза»: С. И. Прокофьев, машинист, организатор первого рабочего социал-демократического кружка на заводе Вейхельта, тогда был одним из виднейших рабочих социал-демократов Москвы. В те годы большую роль в социал-демократическом движении Москвы сыграл московский ткач Федор Иванович Поляков. М. Н. Лядов пишет о нем: «Поляков был очень талантливый человек. Он вырос на Раменской мануфактуре, где работали его мать и отец... В детстве его отдали мальчиком на ту же фабрику. У него рано появилась страсть к чтению... У него было много знакомых среди студентов Петровской с.-х. академии...». В работе он проявлял необыкновенную активность. «Он проникал буквально на все мануфактуры, у него были связи на Прохоровке, на Балашовской, в Даниловской, на мелких фабриках»⁷⁸. Из других московских рабочих, положивших начало марксистской социал-демократической организации в Москве, следует отметить Андрея Дмитриевича Карпузи, слесаря завода Вейхельта, прибывшего в 1893 г. из Харькова. В 1882 г. он участвовал в народовольческих кружках; к концу 80-х годов Карпузи начал отходить от народничества; в 1890 г. он работал в Ростове-на-Дону, где состоял в рабочем кружке⁷⁹. В Москве он уже был марксистом и играл видную роль как пропагандист и как автор многих рабочих листовок.

Московские марксисты, сосланные в провинциальные города России, основали там социал-демократические кружки: А. Н. Винокуров и Г. Н. Мандельштам — в Екатеринославе

⁷⁸ Сб. «На заре рабочего движения в Москве». Воспоминания участников Московского рабочего союза 1893—1899 гг. и документы. М., 1932, стр. 54, 58.

⁷⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 833.

и Орле, И. А. Давыдов — в Дерпте, А. С. Розанов — в Нижнем Новгороде.

Так еще на заре русского рабочего социал-демократического движения Москва вместе с Петербургом становится центром распространения марксистских идей в России. Участники московских кружков выступали на нелегальных собраниях и вечеринках с изложением своих марксистских взглядов и критикой народников. Это было время многочисленных студенческих вечеринок, где под видом танцев и игр часть посетителей собиралась для «разговоров». Застрельщиками этих «разговоров» выступали молодые марксисты, которые убежденно и смело противопоставляли народничеству действительно революционное учение Маркса и Энгельса.

Подъем общественно-политического движения начала 90-х годов особенно сказался в Москве к зиме 1893/94 г. Именно в этот период здесь с наибольшей силой и остротой развернулась борьба марксистов против народников.

Осенью 1893 г. журнал «Русское богатство» открыл поход против русских марксистов. В этот поход, конечно, включились и московские народники. Против молодых московских марксистов, в большинстве студентов, нередко выступали виднейшие московские профессора — Н. А. Каблуков, Н. А. Карышев и др., а также и наезжавшие в Москву крупнейшие идеологи либерального народничества — Н. К. Михайловский и В. В. (Воронцов). Кроме того, первым московским марксистам пришлось скрестить мечи и с представителями либерально-буржуазного направления — В. А. Гольцевым и П. Н. Милоковым и другими видными врагами марксизма⁸⁰.

В отпоре, который дали московские марксисты всему этому сборищу врагов, огромную роль сыграл приезд В. И. Ленина в Москву зимой 1893/94 г. Так, на одном диспуте московские марксисты, отвечавшие В. В. (Воронцову), оказались недостаточно подготовленными оппонентами. Тогда с отповедью этому известному народнику выступил В. И. Ленин. Участница собрания М. Голубева впоследствии писала: «Впечатление, произведенное речами Владимира Ильича, было громадное, о нем говорили, как о новой звезде, появившейся на горизонте, одни с удовольствием и удовлетворением, другие с завистью и оглядкой, — что, мол, из этого будет»⁸¹.

Как велико было значение этого блестящего выступления В. И. Ленина для разгрома народничества и развития марксистского движения в Москве, видно также из воспоминаний А. И. Ульяновой-Елизаровой: «Помню, что брат, тогда 23-летний юноша, стоял с толпой молодежи в дверях в другую комнату

⁸⁰ См. С. И. Мицкевич. Указ. соч., стр. 137—139.

⁸¹ Сб. «На заре рабочего движения в Москве», стр. 145.

и сначала произнес несколько смелых иронических Zwischen-
guf'ов (реплик.— Ю. П.), заставивших всех — большинство
очень неодобрительно — повернуть головы в его сторону, а
затем взял слово.

Смело и решительно, со всем пылом молодости и силой
убеждения, но также вооруженный и знаниями, он стал разби-
вать доктрину народников, не оставляя в ней камня на камне...
Большинство стало смотреть на него, как на серьезного против-
ника. Марксистское меньшинство ликовало, — особенно после
второго, в ответ солидному народнику, слова Владимира Ильича.
Снисходительное отношение, научные возражения более стар-
шего собеседника не смутили брата. Он стал подкреплять свои
мнения также научными доказательствами, статистическими
цифрами и с еще большим сарказмом и силой обрушился на
своего противника... С огромным интересом следили за ним все,
особенно молодежь. Народник стал сбавлять тон, цедить слова
более вяло и, наконец, стусевался... Диспут этот с живостью
обсуждался и комментировался в кружках молодежи, многих
из которой Владимир Ильич переубедил и убедил и толкнул
на путь изучения Маркса. Марксисты заметно подняли головы,
а имя «петербуржца», разделавшего так основательно В. В.,
было одно время у всех на устах»⁸².

Именно об этом собрании исполняющий обязанности мо-
сковского обер-полицмейстера полковник Власовский сообщал
20 января 1894 г. в департамент полиции, что оно состоялось
«9 числа этого месяца на конспиративно устроенной сыном кол-
лежского асессора Николаем Ефимовым Кушенским вечерин-
ке в доме Залеской по Воздвиженке. Присутствовавший на
вечере известный обоснователь теории народничества писатель
В. В. (врач Василий Павлов Воронцов) вынудил своей ар-
гументацией Давыдова замолчать, так что защиту взглядов
последнего принял на себя некто Ульянов (якобы брат пове-
шенного), который и провел эту защиту с полным знанием
дела»⁸³.

Для революционно настроенной молодежи Москвы, многие
из которой к началу 90-х годов уже разочаровались в народни-
честве и жадно искали новой, правильной революционной тео-
рии, выступление Ленина давало опору, толкало вперед, а для
ставших уже марксистами оно было величайшей помощью в
борьбе за создание марксистской организации в Москве.

Первая московская социал-демократическая организация
просуществовала с 1891 по 1894 г., когда она была выслежена

⁸² А. Елизарова. Страничка воспоминаний (Первое выступле-
ние Владимира Ильича в Москве). «Пролетарская революция», 1923, № 2
(14), стр. 58—59, 60.

⁸³ «Красный архив», т. 62, 1934, стр. 76.

московскими властями и провалена. Московской охранке ка-
залось, что она вырвала с корнем революционное социал-демо-
кратическое движение, но вскоре ей пришлось убедиться, что
это движение, неразрывно связанное с рабочим движением, пу-
стило прочные корни и что на место выбывших быстро выдви-
гаются из интеллигентов и рабочих все новые и новые после-
дователи марксизма.

Выдающуюся роль в дальнейшем развитии рабочего со-
циал-демократического движения в Москве сыграла семья
Ульяновых. Особенно значительной была роль Анны
Ильиничны Ульяновой-Елизаровой. Она начала свою рево-
люционную деятельность в 1887 г. в Петербурге. Осенью
1893 г. Анна Ильинична вместе с семьей переехала из Сама-
ры в Москву, где установила связь с первыми московскими
марксистами. С тех пор А. И. Ульянова-Елизарова фактически
была основным связующим звеном между московской со-
циал-демократической организацией и социал-демократически-
ми организациями других городов, в первую очередь петер-
бургским «Союзом борьбы». Вместе с тем Анна Ильинична
поддерживала тесную связь с членами группы «Освобождение
труда», писала корреспонденции о московском рабочем дви-
жении в журнал «Работник» получала из-за границы марк-
систскую литературу. Впоследствии Анна Ильинична принима-
ла также самое активное участие в литературно-издательской
деятельности московского «Рабочего союза».

Видное участие в московском социал-демократическом дви-
жении принимал и Дмитрий Ильич Ульянов, который был ак-
тивным деятелем марксистских студенческих кружков. Он вел
большую работу по распространению нелегальной марксистской
литературы и пропаганде идей марксизма среди передовых ра-
бочих завода «Гужон» и других предприятий Москвы. С сере-
дины 90-х годов активное участие в деятельности московской
социал-демократической группы принимала младшая сестра
В. И. Ленина — Мария Ильинична Ульянова.

В 1893—1894 гг. в Москве существовала тесная группа еди-
номышленников-марксистов в составе Г. Франчески, А. Жар-
децкой, И. Коган и др. Некоторые из них побывали за грани-
цей, где связались с группой «Освобождение труда», а также
с В. Курнатовским. Будучи на подозрении у жандармских вла-
стей, члены этой группы не входили в московскую социал-демо-
кратическую организацию и продолжали самостоятельно вести
пропаганду. Группа находилась в переписке с В. Курнатовским,
который оказал сильное влияние на ее членов.

В одном из писем участника группы к В. Курнатовскому
говорилось: «У нас продолжается прежнее озлобление прогив
марксистов... Вместе с озлоблением растет интерес к материа-

листической (т. е. марксистской.— Ю. П.) литературе. Склад наш все растет. Издательство становится интересным»⁸⁴. Курнатовский высылал членам этого кружка марксистскую литературу.

Г. Франчески и И. Коган были высланы в 1896 г. в Тифлис, где повели пропаганду идей марксизма среди местной передовой молодежи.

В 1894 г. в Московском высшем техническом училище возник марксистский кружок, организаторами которого были В. В. Воровский, Н. Н. Вашков и А. Бриллинг.

В. В. Воровский, главный организатор этого кружка, а впоследствии один из видных деятелей коммунистического движения в России, родился в 1871 г. в Москве. В 1891 г. В. В. Воровский, окончив гимназию, поступил в Мос. высшее техническое училище. Вскоре он примкнул к студенческому кружку. Первое время члены кружка занимались самообразованием, изучая «Капитал» и другие произведения основоположников научного социализма и издания группы «Освобождение труда».

В 1894 г. кружок установил связь с рабочими. Воровский и его товарищи создали рабочие кружки, в которых повели пропаганду марксизма. Пропаганда эта среди московских рабочих продолжалась и в 1895—1896 гг.⁸⁵

С 1893—1894 гг. видную роль в организации московских марксистов стали играть В. М. Величина (Бонч-Бруевич) и В. Д. Бонч-Бруевич. Дом Величины по Ольховской улице в начале 90-х годов был одним из очагов марксистской пропаганды. В 1894 г. В. М. Величина уехала за границу. Оттуда она установила связь с участниками русских марксистских групп, в частности с И. Коган, а через него с Г. Франчески.

В 1893—1894 гг. возник также студенческий кружок социал-демократического направления в Московском университете. В нем участвовал впоследствии деятель советского государства Н. А. Семашко, в то время студент медицинского факультета. По словам Н. А. Семашко, социал-демократические идеи и рабочее движение стали влиять на студенческую организацию «Союзный совет», и в ней выделилась группа студентов социал-демократов⁸⁶. В состав этой группы входил и П. Смилович, тоже впоследствии видный деятель советского государства.

Члены группы изучали марксистскую литературу и вели пропаганду своих взглядов среди студенчества. Вскоре они свя-

⁸⁴ ЦГИАМ, ф. 102, ДП, 3 д-во, д. 479, т. I, 1892 г., лл. 60, 70—70 об.

⁸⁵ См. В. В. Воровский. Автобиография. ЦПА, личный фонд, ед. хр. 15; Влад. Бонч-Бруевич. На славном посту. Памяти В. В. Воровского (по личным воспоминаниям). М., 1923.

⁸⁶ См. Н. Семашко. Из воспоминаний. «Пролетарская революция», 1921, № 1, стр. 169.

зались с московским «Рабочим союзом» и стали принимать участие в его деятельности.

Таким образом, уже к середине 90-х годов марксистское социал-демократическое движение в Москве пустило глубокие корни. Первые московские марксистские кружки положили начало систематической пропаганде марксистских идей в среде местной интеллигенции и передовых рабочих. Но, как и марксистские кружки в других городах, они до появления петербургского «Союза борьбы», созданного В. И. Лениным, еще не были связаны с массовым рабочим движением.

4. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. И. ЛЕНИНА В САМАРЕ И ЕГО ПЕРЕЕЗД В ПЕТЕРБУРГ

В пропаганде идей марксизма в России важную роль сыграл кружок самарских марксистов во главе с В. И. Лениным.

Губернский город Самара (ныне Куйбышев) в период пребывания в нем В. И. Ленина (1889—1893) был крупным торговым центром, но с малоразвитой промышленностью. Там было несколько десятков небольших предприятий, главным образом по обработке сельскохозяйственных продуктов, железнодорожные мастерские и депо.

С начала 70-х годов Самара стала одним из пунктов пересылки политических заключенных и ссыльных из центра России в Сибирь. Кроме того, в самом городе и в губернии проживало в 80-х годах много политических поднадзорных и ссыльных народников, среди них были видные деятели народничества.

В городе были средние учебные заведения: мужская и женская гимназии, реальное училище, земская школа сельских учителей, железнодорожное техническое училище, земская фельдшерская школа и духовная семинария; высших учебных заведений в то время в Самаре не было.

В 1881—1883 гг. среди учащихся самарских средних учебных заведений существовали нелегальные кружки «саморазвития», члены которых были связаны с политическими поднадзорными из народников⁸⁷.

В середине 80-х годов в местном реальном училище возник нелегальный кружок самообразования. В кружке изучались главным образом работы Н. Зибера, А. Иванюкова, Д. С. Милля (в переводе и с примечаниями Н. Г. Чернышевского), Д. Рикардо, А. Смита. Марксистская литература в это время сюда почти не доходила. Из изданий группы «Освобождение труда» в 1888 г. при обыске у одного из участников кружка полиция впервые нашла брошюру Дикштейна «Кто чем живет?»⁸⁸

⁸⁷ ЦГИАЛ, ф. Деп. народного просвещения, д. 175441-а, 1887 г.

⁸⁸ ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 51, д. 431, 1888 г., лл. 230—231.

Кроме кружка в реальном училище, существовали во второй половине 80-х годов и другие кружки, среди них — ученический в железнодорожном техническом училище. Кружок этот состоял из молодых рабочих и по своему направлению несколько отличался от кружка реалистов, так как организатор этого кружка Ф. Барабанщиков, помощник машиниста, был противником народнических теорий и народвольческой практики. «У Барабанщикова, как и у его товарищей, — вспоминает М. Семенов, — были смутные, неоформленные упования на большую роль в революции организованных рабочих масс»⁸⁹.

Нелегальный кружок имелся также в женской фельдшерской школе. Из него впоследствии вышли некоторые участницы кружков марксистского направления первой половины 90-х годов (С. М. Моршанская, А. М. Лукашевич, Е. И. Козманова и др.).

Среди самарских нелегальных кружков выделялся кружок из бывших учеников мужской гимназии и реального училища в составе Попова-Скляренко, Семенова (Блана), Андреева (Максимовича), Пеньковского и др. Этот кружок сложился в 1887 г. и группировался вокруг А. П. Скляренко, который пользовался исключительным авторитетом среди революционно настроенной молодежи Самары. В 16 лет Скляренко был признанным организатором и руководителем этой молодежи. Наиболее важным достижением указанного кружка было создание довольно внушительной нелегальной библиотеки. В доставшейся А. П. Скляренко после смерти его отца библиотеке было много старых демократических журналов. Из них участники кружка вырывали статьи по социально-экономическим и другим вопросам и переплетали в отдельные сборники, получившие значительное распространение среди передовой части самарской молодежи⁹⁰.

⁸⁹ М. И. Семенов (М. Блан). Революционная Самара 80—90-х годов. Куйбышев, 1940, стр. 24.

⁹⁰ В этой библиотеке имелись труды по истории, социологии и праву: С. Соловьева, Костомарова, Кареева, Беляева, Чичерина, Ключевского, Семевского, Щапова, Мордовцева, Лучицкого, Кулишера, Дитяткина, Иванюкова («Падение крепостного права в России»), А. Посникова и др. Западно-европейские истории были представлены трудами Шлоссера, Маколей, Луи Блана, Минье, Вермореля, Токвилля, Бокля, Карлейля, О. Тьерри, Монтеスキе, Летурно, Тейлора, А. Ланге, Дрэпера, первыми томами Вебера в переводе Чернышевского и др. По политической экономии имелись Д.-С. Милль, А. Смит, Д. Рикардо, Н. Зибер, Кэри, Гильденбрант, Вреден, Бастиа, Лассаль, А. И. Чупров, Исаев, В. В. (В. П. Воронцов), Н. А. Карышев. По философии: Кант («Критика чистого разума»), Гегель («Логика»), труды Спенсера, Молюшотта, Бюхнера и др. Здесь имелись также сочинения писателей-демократов — Чернышевского, Г. Успенского, Златовратского, Слепцова. Кроме того, были: Шпильгаген («Один в поле не воин»), Стендаль («Красное и черное»), Бальзак («Человеческая комедия»).

С начала 90-х годов эта библиотека стала пополняться книжными новинками: книгой В. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство», произведениями Николая — она и др. Марксистская литература была представлена только I томом «Капитала». Лишь с прибытием в Самару В. И. Ленина библиотека стала обогащаться и другими трудами основоположников научного социализма и изданиями первых марксистских групп.

Зимой 1888 г. кружок А. П. Скляренко был разгромлен, его организатор заключен в самарскую тюрьму, а затем — в петербургские «Кресты», откуда был выпущен через год. Вернувшись в Самару, Скляренко принялся за возрождение нелегального кружка, который, как и другие кружки самарской молодежи, продолжал находиться на позициях народничества. Таким образом, еще до приезда В. И. Ленина в Самаре существовал ряд кружков, но не было ни одного, который имел бы хоть некоторую тенденцию к марксизму.

В Самарскую губ. В. И. Ленин переехал из Казани в начале мая 1889 г. До октября он жил на хуторе близ небольшой деревеньки Алакаевки, находившейся в 50 верстах от Самары и насчитывавшей всего 37 дворов. Здесь Ленин продолжал начатое им еще в первой ссылке изучение юридических наук, продолжал также начатое им еще в Казани изучение произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. В этот период Ленин перевел на русский язык «Манифест Коммунистической партии», получивший в рукописи распространение в среде передовой самарской молодежи⁹¹.

По приезде в Самару в конце 1889 г. Ленин стал знакомиться с представителями местной революционной молодежи, из которых впоследствии им был организован первый кружок самарских марксистов. Вначале Ленин знакомился с одиночками, посвящая их в вопросы теории научного социализма, а затем перешел к непосредственному ведению занятий с кружковцами.

Трудно точно установить начало знакомства В. И. Ленина с А. П. Скляренко и группировавшейся вокруг него молодежью. По свидетельству Анны Ильиничны, сестры Ленина, их познакомил ее муж М. Т. Елизаров, знавший А. П. Скляренко раньше. Это произошло в конце 1889 г. или в начале 1890 г.⁹² Через М. Т. Елизарова Ленин познакомился также с одним из лучших представителей революционной самарской молодежи

Бернс, Гейне, Шекспир, Золя («Углекопы», «Чрево Парижа», «Нана» и др.). См. М. И. Семенов (М. Блан). Революционная Самара 80—90-х годов, стр. 39—40.

⁹¹ См. «Воспоминания родных о В. И. Ленине». М., 1955, стр. 95—96.

⁹² См. А. И. Елизарова. Мои воспоминания об А. П. Скляренко. «Старый товарищ А. П. Скляренко» (1870—1916). Сб. статей. М., 1922, стр. 20—21.

жи В. А. Ионовым, который в то время еще был народовольцем. Постепенно, в результате терпеливого разъяснения революционной сущности марксизма, В. И. Ленин добился перехода его в лагерь сторонников научного социализма⁹³.

Вместе с В. А. Ионовым под влиянием В. И. Ленина порвал с народничеством и утвердился на позициях марксизма М. И. Семенов (М. Блан), друг А. П. Скляренко по нелегальным ученическим кружкам, который тоже принимал активное участие в работе первого кружка самарских марксистов⁹⁴.

В лагерь марксистов перешла и ученица самарской фельдшерской школы Мария Ивановна Лебедева. Близко к жизни этой группы стояла ученица той же школы Анна Морицевна Лукашевич, впоследствии активная участница большевистских организаций Саратова, Самары и других городов Поволжья.

Переход передовой молодежи Самары на позиции марксизма совершился не сразу, а происходил постепенно, в результате длительных бесед В. И. Ленина с А. П. Скляренко и другими участниками его кружка, в результате острых идейных споров и столкновений.

Не следует забывать, что, приехав в Самару, Ленин оказался здесь первым и единственным марксистом. Вся местная революционно настроенная молодежь еще находилась под безраздельным влиянием народничества. Завоевать из ее среды единомышленников было возможно, только пробив брешь в идейной атмосфере, которая тогда господствовала в этой среде. И действительно, молодому Ленину пришлось в единственном числе вступить сразу же в острые идейные схватки с большим кругом видных старых народников как постоянно проживавших в Самаре, так и наезжавших туда. О ряде выступлений Ленина против них имеются указания в мемуарной литературе. Так, А. А. Беляков упоминает о выступлении В. И. Ленина в декабре 1889 г. против прибывшего в Самару народовольца Сабунаева, который, как известно, разъезжал по стране, пропагандируя объединение всех подпольных групп различных направлений на общей народновольческой платформе. А. А. Беляков сообщает о выступлении Ленина в начале марта 1891 г. с большой речью против народника Росиневича, прибывшего в Самару для связи с местными народниками. «Простая по форме и очень

⁹³ Еще в середине 80-х годов В. А. Ионов был исключен из Лесного института за участие в студенческом движении. В начале 90-х годов он руководил нелегальным кружком в Сызрани и участвовал в работе самарского кружка. Во второй половине 90-х годов вел социал-демократическую пропаганду в г. Саратове. После разгрома самарского кружка был выслан в Саратов, где в середине 90-х годов вместе с Н. Э. Бауманом и др. организовал первый саратовский марксистский кружок. Впоследствии — один из участников большевистских организаций центра России.

⁹⁴ См. М. И. Семенов (М. Блан). Революционная Самара 80—90-х годов, стр. 44, 49—54.

глубокая по существу речь Владимира Ильича,— пишет Беляков,— обильно иллюстрированная цифрами из книг народнических апостолов, основоположников — В. В., Николая — она, Кривенко, Южакова и других,— произвела глубочайшее неотразимое впечатление на всех без исключения»⁹⁵.

Особенно важное значение в идейной жизни самарской передовой интеллигенции имели выступления Ленина в кружке, группировавшемся вокруг А. П. Скляренко. Здесь в острых идейных столкновениях с самим Скляренко, с В. И. Соколовым и другими Ленин вскоре добился перелома в мировоззрении участников этого кружка. Серьезным достижением Владимира Ильича было завоевание на сторону учения Маркса самого Скляренко, который, как уже отмечалось, был наиболее выдающимся представителем революционной молодежи Самары, а теперь, под влиянием Ленина, стал основным его соратником по пропаганде марксизма в среде этой молодежи.

В привлечении ее на сторону марксизма имели важное значение и те яркие и глубоко аргументированные выступления Ленина, которые были направлены против будущего представителя откровенного либерализма В. В. Водовозова⁹⁶. Об одном выступлении Ленина против Водовозова пишет М. Голубева: «Владимир Ильич, присутствовавший на этом собрании (речь идет о собрании, на котором Водовозов делал доклад о выборах в германский рейхстаг.— Ю. П.), очень остроумно разбил конституционные иллюзии Водовозова, развил марксистскую теорию классовых противоречий, теорию классовой борьбы рабочего класса. Он нажил в лице Водовозова злейшего врага»⁹⁷.

Однако даже сам Водовозов вынужден был признать обширные и глубокие познания молодого Ленина, его огромную эрудицию. В своих воспоминаниях о самарском периоде он писал: Владимир Ильич производил впечатление человека хорошо образованного. «В вопросах политической экономии и истории его знания поражали солидностью и разносторонностью, особенно для человека его возраста. Он свободно читал по-нем., франц. и англ., уже тогда хорошо знал «Капитал» и обширную марксистскую литературу (немецкую) и производил впечатление человека политически вполне законченного и сложившегося. Он заявлял себя убежденным марксистом»⁹⁸.

⁹⁵ А. Беляков. Юность вождя. Воспоминания современника В. И. Ленина [М.], 1958, стр. 69.

⁹⁶ Впоследствии один из лидеров трудовиков, а затем — белый эмигрант.

⁹⁷ М. Голубева. Юноша Ульянов (В. И. Ленин). «Старый большевик», 1933, № 5 (8), стр. 163.

⁹⁸ В. Водовозов. Мое знакомство с Лениным. Сб. «На чужой стороне», т. XII. Прага, 1925, стр. 176.

Таким образом, поворот к марксизму в среде самарской интеллигенции начался под прямым влиянием Ленина. Решающая роль Ленина в этом повороте не подлежит сомнению — ее подчеркивают все современники. «Микроб революционного марксизма был занесен в Самару Владимиром Ильичем Ульяновым», — пишет А. Беляков⁹⁹. Исключительное влияние В. И. Ленина на революционную молодежь Самары подтверждено другими его единомышленниками по самарскому периоду¹⁰⁰.

«...Разнобой и шатания были изжиты, — вспоминает другой участник самарского кружка, — лишь только Владимир Ильич ознакомил нас со стройной и последовательной марксистской теорией диалектического материализма. Из этого можно заключить, каковы были сила и влияние аргументации Владимира Ильича уже на первых порах его пропагандистской деятельности»¹⁰¹.

Поворот А. П. Скляренко и его кружка к марксизму начался уже в зиму 1889/90 г. С мая 1890 г. по ноябрь 1891 г. В. И. Ленин посвятил значительное время подготовке и сдаче экстерном государственных экзаменов по юридическому факультету при Петербургском университете. Но и в этот промежуток времени он продолжал изучать и пропагандировать теорию марксизма. После сдачи экзаменов и получения университетского диплома Владимир Ильич получил возможность целиком отдаться деятельности в кружках передовой самарской молодежи. К концу 1891 г. — началу 1892 г. окончательно сложился первый кружок самарских марксистов¹⁰².

Этот кружок, созданный по инициативе молодого Ленина, и положил начало самарской социал-демократической организации.

⁹⁹ А. Беляков. Указ. соч., стр. 40.

¹⁰⁰ См. «Воспоминания о В. И. Ленине», т. I. М., 1956, стр. 21—25, 96—99, 101—106.

¹⁰¹ М. И. Семенов (М. Блан). Революционная Самара 80—90-х годов, стр. 42.

¹⁰² О времени образования первого кружка марксистов в Самаре имеются разноречивые данные. Один из участников самарских кружков второй половины 80-х — начала 90-х годов А. А. Беляков в своих воспоминаниях утверждает, что уже вскоре после приезда Ленина в начале 90-го года образовался марксистский кружок и что к концу 1891 — началу 1892 г. трудно было найти кружок народнический, так как почти вся молодежь стала марксистской (см. его воспоминания «Около самарских кружков до Ленина и при Ленине с 1883 по 1893 гг.». ЦПА, ф. 72, оп. 3, ед. хр. 580, стр. 46—49). Более достоверны воспоминания М. И. Семенова (Блана) и родных В. И. Ленина, а также И. Х. Лалаянца, указывающих на трудности, которые преодолевал Владимир Ильич в борьбе за сплочение кружка единомышленников среди молодежи Самары. Сам А. Беляков, по свидетельству М. И. Семенова, еще долго после приезда В. И. Ленина продолжал цепляться за народническую «веру» (см. М. И. Семенов (Блан). К самарскому периоду жизни В. И. Ленина. Куйбышев, 1937, стр. 46).

Роль идейного руководителя в этом кружке, разумеется, принадлежала В. И. Ленину. «Авторитет его в кружке был непрерываем», — пишет Семенов¹⁰³. Организационная работа велась А. П. Скляренко, а с весны 1893 года также И. Х. Лалаянцем, прибывшим в Самару из Казани, где он состоял в одном из федосеевских кружков. В своих воспоминаниях И. Х. Лалаянц так характеризует Ленина в тот период: «Он действительно произвел на меня тогда замечательное впечатление. В этом 23-летнем человеке удивительнейшим образом сочетались простота, чуткость, жизнерадостность и задорность, с одной стороны, и солидность, глубина знаний, беспощадная логическая последовательность, ясность и четкость суждения и определений — с другой. Самара сразу же перестала мне казаться такой глушью, и я уже после этой первой встречи был рад, что выбрал себе именно ее»¹⁰⁴.

И. Х. Лалаянц отмечает, что кружком считалась «тройка» в составе В. И. Ленина, А. П. Скляренко и его — Лалаянца, «тесно сплотившихся друг с другом среди моря окружающей разномыслящей интеллигенции»¹⁰⁵. «Тройка», о которой пишет И. Х. Лалаянц, не представляла собой всего кружка, она была руководящим центральным ядром, которое направляло деятельность более обширной группы, примыкавшей к нему. Кроме того, имелись и другие кружки среди передовой части местной учащейся молодежи, которые были связаны с А. П. Скляренко и в которых под идейным руководством Ленина также велась пропаганда социал-демократических идей.

Начало деятельности первых марксистских кружков в г. Самаре засвидетельствовано самим В. И. Лениным. В заполненной им анкете делегата X Всероссийского съезда РКП(б) Ленин на вопрос «Участие в революционном движении» ответил: «1892—1893. Самара. Нелегальные кружки С.-Д.»¹⁰⁶

В Самаре, куда молодой Ленин прибыл уже определившимся марксистом, он продолжал изучать теорию научного социализма и разными путями доставать все, что было возможно, из сочинений Маркса и Энгельса. Знание иностранных языков помогало ему изучать произведения основоположников научного социализма на языке оригинала¹⁰⁷.

¹⁰³ М. И. Семенов (Блан). К самарскому периоду жизни В. И. Ленина, стр. 47.

¹⁰⁴ «Воспоминания о В. И. Ленине», т. I. М., 1956, стр. 102.

¹⁰⁵ Там же, стр. 105.

¹⁰⁶ «Ленинский сборник», XX. М., 1932, стр. 51.

¹⁰⁷ В литературе уже отмечался тот интересный факт, что, несмотря на наличие русского перевода первого и второго томов «Капитала», Ленин, как правило, ссылался в своих работах на немецкий оригинал «Капитала» и давал при этом свой собственный точный перевод текста на русский язык (см. Б. Волин. В. И. Ленин в Поволжье. М., 1955, стр. 77). С третьим

За четыре с половиной года пребывания в Самаре Ленин изучил основные сочинения основоположников научного коммунизма. Некоторые из работ Маркса и Энгельса он реферировал в группированном вокруг него кружке молодежи¹⁰⁸.

О значительном размахе теоретической деятельности В. И. Ленина и руководимого им самарского кружка говорит также и то большое количество марксистской литературы, которое накопилось здесь к концу пребывания В. И. Ленина в Самаре. Об этом же свидетельствует библиотека самарских марксистов, являвшаяся одним из крупнейших в России нелегальных книгохранилищ начала 90-х годов.

При аресте А. П. Скляренко и других участников кружка в декабре 1893 г. у них были отобраны следующие произведения марксистской литературы: «Манифест Коммунистической партии», «Устав международного товарищества рабочих», «Капитал», «Нищета философии», «Речь о свободе торговли», «Наемный труд и капитал», «Развитие социализма от утопии к науке». Некоторые работы К. Маркса и Ф. Энгельса были в нескольких экземплярах. Так, кроме русского издания «Капитала», имелись на французском языке в изложении Девиля, а также на немецком в изложении К. Каутского «Экономическое учение К. Маркса» и работа Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке»¹⁰⁹. В библиотеке самарского кружка были также издания группы Благоева, в частности газета «Рабочий» (№ 1 за 1885 г.). У участников кружка полицией были изъяты «Коллективизм» Ж. Геда и найденная в нескольких экземплярах биография Карла Маркса — литографированная брошюра, изданная в 1884 г. московским «Обществом переводчиков и издателей». В библиотеке самарского кружка были и другие издания этого общества. Среди них — сборник «Социалистическое знание»¹¹⁰, также изданный в 1884 г. В самарском кружке имелось гектографированное издание «Эрфуртской программы», а также издания группы «Освобождение труда», куда входили, кроме названных переводов Маркса и Энгельса, сочинения членов группы «Освобождение труда», в том числе и Г. В. Плеханова: «Наши разногласия», «Наши беллетристы-народники», «Все-российское разорение»¹¹¹.

томом «Капитала» Ленин познакомился в Петербурге тотчас по его выходе в свет в 1894 г.

¹⁰⁸ По свидетельству Д. И. Ульянова, Ленин в Самаре также читал на английском языке Д. Рикардо, в русском переводе многотомную «Историю цивилизации во Франции» Гизо и других иностранных авторов (см. «Воспоминания родных о В. И. Ленине», стр. 100)

¹⁰⁹ ЦГИАМ, ф. 102, ДП, 7 д-во, д. 57, 1894 г., лл. 1—3, 65, 66, 137.

¹¹⁰ Там же, л. 130.

¹¹¹ Там же, лл. 65, 66.

Подавляющее большинство книг и брошюр, составивших несколько сот томов (только у одного М. И. Семенова нашли больше 200 томов), были книги, изъятые из обращения, демократические и радикальные журналы («Современник», «Отечественные записки», «Дело», а также журналы «Северный вестник», «Русская мысль», в которых содержались статьи по социально-экономическим вопросам).

Не подлежит сомнению, что марксистской, социал-демократической литературы было в самарских кружках значительно больше, чем удалось обнаружить жандармам. По свидетельству И. Х. Лалаянца, здесь был ряд таких книг, каких в Казани он не встречал. «Правда, — пишет он, — многие из них были только на немецком языке, как-то: «Нищета философии» Маркса... «Коммунистический манифест», «Анти-Дюринг» и «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса, довольно много книжек журнала «Die Neue Zeit», стенографические отчеты заседаний германского рейхстага и пр. — книги, которыми пользовался Владимир Ильич и, как мне известно, могли пользоваться и другие, конечно, очень близкие к нему лица. Да и женевских изданий группы «Освобождение труда» было несколько больше, чем в Казани. Затем, как оказалось, существовала в Самаре очень богатая и интересная по составу полулегальная библиотека, состоявшая из книг и журналов, в свое время вышедших вполне легально, но впоследствии изъятых из обращения»¹¹².

Таким образом, в самарском кружке марксистов имела почти вся основная марксистская литература того времени, и это также было заслугой прежде всего Ленина, который, как известно, при переезде из Казани, а затем при поездках в Петербург в 1890—1892 гг., привозил оттуда эту литературу.

Но важнейшей заслугой Ленина в руководстве им самарской группой марксистов был новый, творческий подход к изучению марксизма. В большинстве марксистских кружков России 80-х — начала 90-х годов изучение марксизма носило в значительной мере отвлеченный, академический характер. Ленин уже в этот, самый ранний период своей деятельности отличался творческим восприятием марксизма, стремлением и умением применить марксизм при анализе конкретной русской действительности. Такой анализ в то время еще никем не был дан. Плеханов в «Наших разногласиях» и других своих работах давал лишь самое общее представление об основных тенденциях экономического развития страны. Необходимо было сделать шаг вперед — применить метод Маркса к изучению конкретных данных о развитии русской промышленности и сельского помещичьего и осо-

¹¹² Сб. «Воспоминания о В. И. Ленине», т. I, стр. 103—104.

бенно крестьянского хозяйства. Необходимо было заново изучить все первоисточники по хозяйственному развитию России и сделать совершенно самостоятельные обобщающие выводы.

Конкретное применение учения Маркса к анализу сложных, запутанных социально-экономических и политических отношений в России встречало решительное сопротивление со стороны народников-экономистов и публицистов (Николай — он, В. П. Воронцов, Н. К. Михайловский, Южаков, Кривенко и др.). Это в свою очередь диктовало необходимость знакомства со всей текущей народнической литературой различных направлений и самостоятельного критического разбора и опровержения ее с точки зрения марксизма. Без такой работы, произведенной на базе огромного фактического материала, нельзя было до конца идейно разгромить народничество. «За эту большую и непочатую работу, — пишет А. И. Ульянова, — взялся в Самаре Владимир Ильич»¹¹³.

«Владимир Ильич в эти годы много работал по статистике крестьянского хозяйства, — сообщает Д. И. Ульянов. — Статистические данные (распределение крестьянского хозяйства на группы по количеству рабочего скота, размеру посева, аренды земли и пр.) говорили о росте экономического неравенства в крестьянской среде, о расслоении крестьянства на состоятельную, экономически крепкую группу и бедноту, на сельскую буржуазию и пролетарскую или полупролетарскую массу крестьян. Эти выводы развивали народническую утопию об однородности крестьянства, они доказывали с очевидностью факт развития капитализма в России. Эти выводы подтверждали правильность марксистской линии в политике русских революционеров. Товарищи Ильича — Скляренко, Лалаянц и Ионов — также занимались тогда разработкой статистических материалов по тем же вопросам, что и Владимир Ильич»¹¹⁴.

Из литературных произведений А. П. Скляренко, написанных в этот период, были опубликованы: «О влиянии неурожая на распределение рогатого скота в крестьянском хозяйстве Самарского уезда» («Самарский вестник», 1893 г.) и «Распределение посевных площадей в 20 общинах Самарского уезда в 1893 году» («Самарский вестник», 1897 г.). Это были первые его попытки применения марксистского метода к изучению экономики крестьянского хозяйства. Одним из результатов литературных работ В. А. Ионина в этот период была статья «Борьба общины с хутором», опубликованная в 1895 г. в марксистском сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития».

¹¹³ Сб. «Воспоминания о В. И. Ленине», стр. 22.

¹¹⁴ Там же, стр. 61.

Историческая заслуга руководимой Лениным самарской группы состояла в том, что она начала заниматься углубленным изучением с марксистских позиций процессов развития капитализма в сельском хозяйстве России.

Для самого В. И. Ленина самарский период был как бы подготовительным ко всей его дальнейшей научной и революционной деятельности. Деятельность Ленина в самарский период, в частности, имела значение прямой и непосредственной подготовки к решительному бою с народничеством в последующий, петербургский период.

Необходимость такого решительного боя с народничеством становилась все более очевидной. Но дать этот бой могли, кроме Плеханова, только В. И. Ленин и, возможно, Н. Е. Федосеев. Плехановская критика народничества была направлена главным образом к прошлому народничества, против революционного народничества 70-х годов. Между тем в 80-х и в начале 90-х годов появилась большая литература, преследовавшая цель экономического обоснования народничества. Назрела насущная необходимость всеобъемлющей критики народничества вообще и либерального — в особенности. Это своевременно и глубже всех понял Ленин. Годы пребывания его в Самаре, особенно последние, были заполнены интенсивной деятельностью по изучению и критическому разбору крупнейших литературных выступлений либеральных народников.

В 1892—1893 гг. Владимир Ильич написал ряд статей и некоторые из них реферировал в самарском кружке. Одна из статей, по словам участника этого кружка, представляла собой подстрочный комментарий к одной из работ С. Кривенко¹¹⁵. Другую статью, с критикой работы В. В., Ленин послал на Урал П. Маслову с просьбой дать о ней отзыв. «Основные идеи, которые проводились в статье, были, — как отмечает Маслов, — те же, что и в позднейших работах В. И., посвященных критике народничества. Основная черта автора, которая тогда мне резко бросилась в глаза, — это резкость и определенность формулировки основных его идей, показывавшая человека с вполне сложившимися взглядами и, казалось, с опытным и острым пером, которым автор владел в совершенстве. Таким образом, та сторона мировоззрения Владимира Ильича, которая относится к взглядам на экономическое развитие России, сложилась уже до 1892 года»¹¹⁶.

В Самаре Лениным был составлен реферат о книге В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство»

¹¹⁵ М. И. Семенов (Блан). К самарскому периоду жизни В. И. Ленина, стр. 63.

¹¹⁶ П. Маслов. Владимир Ильич Ленин. (Отрывки из воспоминаний). Экономический бюллетень конъюнктурного института, 1924, № 2, стр. 1.

Уже в этой работе Ленин сформулировал важнейшие положения по вопросу об экономическом состоянии и эволюции русской деревни, получившие развернутое и законченное выражение в позднейших его работах и специальном капитальном его произведении «Развитие капитализма в России».

По поводу своей работы «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» В. И. Ленин в письме к П. Маслову в декабре 1893 г. писал: «Вы увидели, надеюсь, что изложенные в ней положения служат для меня основанием гораздо более важных и гораздо дальше идущих выводов, чем это сделано в самой статье. Разложение наших мелких производителей (крестьян и кустарей) представляется мне основным и главным фактом, разъясняющим наш городской и крупный капитализм, разрушающим миф об особом укладе крестьянского хозяйства (это — такой же буржуазный уклад с тем лишь отличием, что он гораздо больше еще опутан феодальными путями) и заставляющим видеть в так называемых «рабочих» не небольшую кучку особо поставленных лиц, а только верхние слои той громадной массы крестьянства, которая сейчас уже живет более продажей своей рабочей силы, чем собственным хозяйством»¹¹⁷.

Во втором письме к тому же адресату (от 30 мая 1894 г.) В. И. Ленин еще рельефнее формулирует вытекающие из этой его работы выводы. «...Данные доказывают, по-моему, — пишет он, — буржуазность экономических отношений в крестьянстве. Они вскрывают наглядно антагонистические классы в среде этого «общинного» крестьянства и притом такие классы, которые только и свойственны капиталистической организации общественного хозяйства. Это — самый важный вывод, вполне распространяемый на все остальное русское крестьянство. Другой вывод, что уже сейчас громадная масса (вероятно не меньше, а больше $\frac{1}{2}$) крестьянского хлеба поступает на рынок — и главной производительницей этого хлеба является верхняя группка современной деревни, крестьянская буржуазия»¹¹⁸.

Важное значение Ленин придавал тому доказанному Постниковым положению, что «производительность труда в 2—2 $\frac{1}{2}$ раза выше в верхних группах крестьянства»¹¹⁹. В теоретическом отношении это положение имело важное значение, поскольку оно опрокидывало народническую теорию о благах «народного производства» (общины, артели, кустарных промыслов) и о «случайности» и «искусственности» русского капитализма. Уже в этой работе В. И. Ленина заложена в начальной форме его концепция о своеобразии развития капитализма

¹¹⁷ «Ленинский сборник», XXXIII. Л., 1940, стр. 15—16.

¹¹⁸ Там же, стр. 17.

¹¹⁹ Там же.

в России, дано в общих чертах экономическое обоснование источников революционности крестьянства. Ленин вскрыл антагонистичность отношений между крестьянством и помещиками, с одной стороны, и внутри крестьянства — с другой.

До Ленина первые русские марксисты признавали факт вступления России на путь капитализма. Плеханов в «Наших разногласиях», базируясь на статистике 60-х и 70-х годов, в общем исследовал процесс разложения крестьянства, но не учел его своеобразия. В своих работах начала 90-х годов («Все-российское разорение», «Задачи социалистов в борьбе с голодом», «Политическое социально-революционное обозрение» и др.) он больше жалуется на патриархальность и консервативность крестьянства, чем анализирует конкретный ход развития крестьянского хозяйства. Ленин, учитывая громадные остатки крепостничества в русской деревне, сосредоточив свое внимание на анализе буржуазных отношений в ней, доказывал, что и в сельском хозяйстве эти отношения уже сложились¹²⁰.

О статьях Ленина по поводу книг В. Е. Постникова и В. В. упоминает также И. Х. Лалаянц¹²¹. Почти все современники В. И. Ленина по самарскому периоду указывают на ряд написанных им рефератов о трудах Н. К. Михайловского, Кривенко, Южакова и др. Рефераты Владимир Ильич читал в кружках самарской интеллигенции. Рефераты были сделаны Лениным и на другие темы, в частности он подверг разбору рукописную статью Н. Е. Федосеева, в которой исследовались экономические причины отмены крепостного права¹²¹.

Рефераты, прочитанные Лениным в самарских нелегальных кружках и получившие распространение далеко за пределами Самары, послужили подготовительными материалами к его работам «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве».

Наряду с исследованием экономических проблем В. И. Ленин и члены его самарского кружка уделяли значительное внимание изучению истории родной страны, а также всемирной истории. «Владимир Ильич, — пишет М. И. Семенов, — много занимался русской историей, в которой его интересовала история земельной общины»¹²².

¹²⁰ По поводу специального исследования экономики русской деревни, предпринятой И. А. Гурвичем, Ленин подчеркнул: «Гурвич напрасно... говорит, что Россия *будущего* будет страной крестьянской буржуазии. Это уже настоящее» («Ленинский сборник», XXXIII, стр. 17).

¹²¹ См. сб. «Воспоминания о В. И. Ленине», т. I, стр. 105.

^{121a} Рукопись не сохранилась, и ее точное название неизвестно.

¹²² М. И. Семенов (Блан). К самарскому периоду жизни В. И. Ленина, стр. 51.

По некоторым данным, В. И. Ленин в Самаре специально занимался и историей феодализма в России. «По этому вопросу, — вспоминал впоследствии один из участников группы, — у Владимира Ильича была даже небольшая написанная им статья, которая ходила у нас по рукам»¹²³. Статья эта была найдена жандармами при аресте члена кружка и, видимо, пропала.

Руководимый Лениным самарский марксистский кружок был связан с рядом городов России. В Самару приезжали за помощью и советом представители марксистских кружков из других городов — Казани, Нижнего Новгорода, Владимира.

Сюда, как мы уже отмечали, прибыл в начале 1893 г. один из видных марксистских деятелей того периода И. Х. Лалаянц, участник казанских кружков Н. Е. Федосеева.

В Самару собирался переехать высланный во Владимир после освобождения из «Крестов» и сам Н. Е. Федосеев. Но, возбудив ходатайство о разрешении ему этого переезда и прибыв 10 сентября 1892 г. в полицию за ответом, он был вновь арестован.

Из статьи «Несколько слов о Н. Е. Федосееве»¹²⁴ видно, что Ленин проявлял громадный интерес к этому талантливому и вдохновенному революционеру и был всегда в курсе его тяжелой жизни, его славной деятельности. Ленин установил переписку с находившимся тогда во Владимире Федосеевым. Об этой переписке, впоследствии захваченной самарскими жандармами, можно судить лишь по некоторым упоминаниям о ней самого Ленина и его современников. Из них видно, что Н. Е. Федосеев переслал в Самару в 1893 г. свои две рукописи: «О купчих землях до 1861 г.» и «Обработка содержания «Пошехонской старины» Салтыкова-Щедрина с точки зрения марксистского понимания экономических причин падения крепостного права».

Большой интерес у Ленина и его самарских единомышленников вызвала работа Н. Е. Федосеева о причинах падения крепостного права в России, направленная против монархической и либерально-буржуазной историографии, фальсифицировавшей историю отмены крепостного права.

Конкретный анализ причин падения крепостного права в России имел огромное теоретическое и практическое значение для русских марксистов. Плеханов и другие члены группы «Освобождение труда» не уделяли сколько-нибудь серьезного внимания этому вопросу. Только В. И. Ленин и Н. Е. Федосеев уже в начале 90-х годов серьезно занимались аграрно-крестьянским

¹²³ Там же. Дворянско-буржуазная и народническая историография отрицала, как известно, феодализм в России как социально-экономическую формацию.

¹²⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 414—415.

янским вопросом в России и в связи с ним вопросом об оценке реформы 1861 г.

По поводу рукописи Федосеева Лалаянц писал, что она «была добыта от Федосеева из тюрьмы, доставлена в Самару и передана Владимиру Ильичу Ульянову, сильно заинтересовавшемуся в то время личностью Федосеева, благодаря рассказам Гопфенгауз и моим. От Владимира Ильича рукопись перешла ко мне с его карандашными отметками на полях против некоторых мест»¹²⁵. Ленин об этих связях с Федосеевым писал в 1922 г.: «Помню, что посредницей в наших сношениях была Гопфенгауз, с которой я однажды виделся и неудачно пытался устроить свидание с Федосеевым в г. Владимире. Я приехал туда в надежде, что ему удастся выйти из тюрьмы, но эта надежда не оправдалась»¹²⁶.

Знакомство В. И. Ленина с работой Н. Е. Федосеева нашло отражение в письмах последнего к П. П. Маслому. В письме от 19 января 1894 г. из Сольвычегодска Федосеев писал: «Если ты познакомился с моей рукописью, присланной тебе В. И. (В. И. Лениным.— Ю. П.), то как можно скорее напиши твой отзыв... Если у тебя не составит общего представления о моем взгляде на предмет, то ты изложишь свой собственный взгляд на затронутые мною вопросы, как это сделал В. И. Я просил переслать тебе его отзывы. Кстати, ты упомянешь о своем отношении и к этим отзывам»¹²⁷.

Письма Ленина к Федосееву, в том числе его письма с отзывом о работе Федосеева, переданной ему Гопфенгауз, не найдены. Но общий взгляд Ленина на крестьянскую реформу мы находим в уже цитированном выше его письме к П. П. Маслому, в связи с книгой Федосеева, от декабря 1893 г. «Замечания мои на работы о реформе исходили из того основного положения, — писал В. И. Ленин, — что эта реформа — продукт развития товарного хозяйства и что весь ее смысл и значение состояли в том, что разрушены были те пути, которые сдерживали и стесняли развитие этого строя»¹²⁸.

¹²⁵ И. Л а л а я н ц. Некоторые дополнения к биографии Н. Е. Федосеева. «Федосеев Николай Евграфович». Сб. воспоминаний. М.—П., 1923, стр. 29.

¹²⁶ См. В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 414. О переписке В. И. Ленина с Н. Е. Федосеевым по возвращении М. Г. Гопфенгауз из Самары во Владимир, а также о попытке организации встречи В. И. Ленина с Н. Е. Федосеевым см. Н. Сергиевский. Воспоминания о Н. Е. Федосееве 1892—1895 гг. «Федосеев Николай Евграфович, один из пионеров революционного марксизма в России» (сборник воспоминаний), М.—П., 1923, стр. 97—99, И. Лалаянц. «Некоторые дополнения к биографии Н. Е. Федосеева», там же, стр. 29. Молодые годы В. И. Ленина. По воспоминаниям современников и документам. Составитель А. И. Иванский. М., 1957, стр. 383—385.

¹²⁷ Н. Федосеев. Статьи и письма, М., 1958, стр. 174.

¹²⁸ «Ленинский сборник», XXXIII, стр. 16.

Значение борьбы русских марксистов против народничества и буржуазного либерализма по вопросу об оценке реформы 1861 г. подчеркивалось В. И. Лениным неоднократно. «Когда, — писал он в 1911 г., — на широкую публику впервые были вынесены споры между народниками и марксистами, расхождение в оценке так называемой крестьянской реформы неоднократно всплывало на одно из первых мест в этом споре»¹²⁹.

Исчерпывающий анализ причин падения крепостного права и его значения был дан В. И. Лениным. Но начало специального исторического исследования реформы 1861 г. с точки зрения марксизма было положено Н. Е. Федосеевым. «Недаром, — писал Д. И. Ульянов, — Владимир Ильич так ценил работы Федосеева и, как известно, искал знакомства с ним»¹³⁰.

Несомненны связи В. И. Ленина в этот период и с петербургскими марксистами. «При поездках в Петербург для сдачи экзаменов, — свидетельствует А. И. Ульянова-Елизарова, — Владимир Ильич видался там с некоторыми марксистами. Один из них, преподаватель Технологического института Явейн, давал Владимиру Ильичу для прочтения некоторую марксистскую литературу. Часть ее, журнал „Neue Zeit“ и еженедельник „Für soziale Gesetzgebung und Statistik“ Ильич привозил с собой в Самару»¹³¹.

В результате деятельности В. И. Ленина в Самаре сложилась замечательная марксистская группа, ставшая одним из ведущих центров распространения марксизма в России. В августе 1893 г. Ленин уехал в Петербург. Самарский кружок после отъезда В. И. Ленина продолжал свою деятельность до конца 1893 г., когда он был обнаружен и разгромлен властями.

* * *

В начале 90-х годов уже во многих крупных городах Центральной России появились кружки последователей теории научного социализма. В связи с быстро растущим интересом молодежи к теории марксизма идейная борьба между его последователями и народниками крайне обострилась. Либеральные народники открыли поход против русских марксистов фактически в 1892 г., когда в журнале «Русское богатство» появились статьи В. В. (В. Воронцов) под названием «Попытки обоснования народничества» (в 1893 г. эти статьи вошли в сборник «Наши

¹²⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 84.

¹³⁰ «Воспоминания родных о В. И. Ленине», стр. 103.

¹³¹ А. И. Ульянова-Елизарова. В. И. Ульянов (Н. Ленин). Краткий очерк жизни и деятельности. Л., 1934, стр. 28.

В Петербург из Самары В. И. Ленин ездил трижды и пробыл там в первый раз с середины сентября до 5 ноября 1890 г., второй раз — с 16 апреля по 6 мая 1891 г. и третий раз — с 28 сентября по 21 ноября того же года.

направления»). Статьи В. В. содержали резкие выпады против «русских учеников Маркса». Одновременно выступили историк Н. И. Кареев («Источники исторических перемен») ¹³², народнический публицист С. Кривенко («Хроника внутренней жизни») ¹³³ и Н. К. Михайловский («Литература и жизнь») ¹³⁴. В то время в распоряжении либеральных народников был не только толстый журнал «Русское богатство», но и социально-экономические отделы в других журналах («Русская мысль», «Юридический вестник»).

Началом полемики Михайловского с марксистами принято считать его статью «О народничестве г. В. В.», опубликованную в октябрьской книжке «Русского богатства» за 1893 г., в которой он открыто солидаризировался с реакционным народническим экономистом В. В. и, таким образом, поддержал клевету на русских марксистов.

В своих нападках на русских марксистов Михайловский, В. Воронцов, С. Кривенко и другие столпы либерального народничества использовали знаменитое письмо К. Маркса в редакцию «Отечественных записок», извратив его смысл. Письмо было написано в конце 1877 г. как ответ на опубликованную в названном журнале статью Н. К. Михайловского «К. Маркс перед судом г. Жуковского». Вскоре после смерти К. Маркса Энгельс отправил копию этого письма Н. Ф. Даниельсону для опубликования в одном из легальных демократических журналов, но письмо осталось неопубликованным. Тогда Ф. Энгельс в марте 1884 г. переслал письмо В. Засулич со следующей припиской: «Прилагаю при сем рукопись Маркса (копию), которой можете распорядиться так, как найдете нужным. Не знаю, в «Слове» ли, или в «Отечественных записках» он нашел статью «Карл Маркс перед судом г. Жуковского». Он написал этот ответ, который, по-видимому, был предназначен для опубликования в России, но так и не послал его в Петербург, боясь, что одно его имя поставит под угрозу существование журнала, где будет напечатан его ответ»¹³⁵.

Из ответного письма Засулич к Энгельсу от 5 октября 1884 г. видно, что его письмо Маркса было переведено, и группа «Освобождение труда» надеялась вскоре его опубликовать¹³⁶. Однако письмо Маркса появилось только в 1888 г. в «Юридическом вестнике» (кн. 10). Маркс в своем письме решительно протестовал против извращения Михайловским его взглядов по вопросу о судьбах капитализма в России и в связи с этим о судьбах

¹³² «Русское богатство», 1892, № 1, № 2.

¹³³ «Русское богатство», 1892, № 6, стр. 52—68.

¹³⁴ «Русская мысль», 1892, № 6, стр. 172—204.

¹³⁵ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 306.

¹³⁶ См. там же, стр. 307.

крестьянской общины. Михайловский как отмечал Ленин, приписывал Марксу «вздорные претензии «все объяснить», найти «ключ ко всем историческим замкам»...»¹³⁷. Маркс же вовсе не считал, что все страны света должны непременно пройти такой же точно путь развития капитализма, какой прошла Западная Европа. Но каждая страна, в том числе и Россия, раз вступив на путь капиталистического развития, безусловно подвергнется воздействию экономических законов капитализма. Ф. Энгельс впоследствии писал: «Письмо это, как и все, что выходило из-под пера Маркса, обратило на себя большое внимание в русских кругах и подверглось разнообразным толкованиям»¹³⁸.

Превратное и тенденциозное истолкование либеральными народниками письма Маркса, их попытка представить в искаженном виде марксистские идеи вызвала со стороны русской марксистской молодежи многочисленные письма. Эти горячие и смелые письма-протесты, которые из столиц и из провинции направлялись в адрес Михайловского, отражают один из ярких моментов борьбы марксистов начала 90-х годов с народничеством. Некоторые авторы этих писем установлены, другие остались неизвестными. Но известно, что это главным образом участники марксистских кружков Москвы, Харькова, Одессы, Киева.

Большинство писем принадлежит перу марксистов из провинциальных городов, что является признаком довольно широкого в то время распространения марксистских идей в России.

Письма-протесты русских марксистов — это своеобразный вид русской марксистской литературы начала 90-х годов, возникший в условиях, когда у марксистской молодежи не было возможностей для открытой борьбы. Среди этих писем выделяются по своему глубокому содержанию, высокой идейной зрелости три письма Н. Е. Федосеева, которые будут рассмотрены нами ниже¹³⁹. Одно из самых ранних писем Н. К. Михайловскому написал московский марксист Г. Н. Мандельштам в июле 1892 г. В этом письме читаем: «Маркс, как очень осторожный в своих выводах ученый, счел нужным по поводу русского спора о капитализме заявить, что на основании тех данных, которые он анализировал, он мог только вывести, что социалистический строй явится в Европе неизбежным результатом развития капиталистического производства. Но эти данные не могли ему дать достаточно материала для решения вопроса, могут ли привести к социалистическому строю какие-либо другие условия. Поэтому для России он оставил этот вопрос открытым, оговариваясь только, что, судя по некоторым данным, Россия быстро движет-

¹³⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 129.

¹³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 396.

¹³⁹ См. стр. 444—449 настоящей книги.

ся по пути капиталистического производства, и следовательно, есть большая вероятность предполагать, что ей придется подчиниться законам капиталистического производства. При правильном понимании письма Маркса его русским исследователям остается, по моему мнению, только обратиться к анализу условий русской жизни и ответить себе на вопрос, представляют ли эти условия какую-нибудь возможность непосредственного перехода к социалистическому строю помимо капиталистической стадии»¹⁴⁰.

На этот вопрос Мандельштам дает резко отрицательный ответ. Он также показывает несостоятельность взгляда народников на роль интеллигенции, вытекающего из их идеалистического взгляда на ход общественного развития.

Большой интерес представляет и коллективное письмо харьковских марксистов (март 1894 г.) Они отводят нелепое утверждение Михайловского, что марксисты якобы стремятся разрушить общину. «Как могут разрушить марксисты общину,— спрашивают авторы письма,— когда они осуждают теорию о возможности произвольно изменить ход экономического развития. Перед кем марксисты могут настаивать на разрушении общины? Кого они могут считать господином над ходом экономического развития?»¹⁴¹. Далее опровергается утверждение Михайловского, будто «Капитал» Маркса не имеет отношения к теории исторического материализма.

Исторический материализм, говорится в письме, «в руках Маркса явился орудием, посредством которого он разоблачил истинную природу капиталистического производства и из анализа последнего логически вывел неизбежность социалистического строя. Вот почему экономический материализм не мог иметь успеха среди официальных представителей науки и вот почему он пользуется блестящим успехом среди социалистической интеллигенции, стоящей во главе рабочего движения...»¹⁴².

11 марта 1894 г. к Михайловскому вторично обратился с письмом Г. Н. Мандельштам, на сей раз из Рязани. В письме содержится резкая критика не только Михайловского, но и Кареева, Кривенко и других противников марксизма¹⁴³. Письмо отражает также глубокий интерес автора к проблемам философии марксизма, в частности к вопросу о соотношении базиса и надстроечных явлений.

Против полемических приемов Михайловского и его единомышленников выступили в 1894 г. молодой марксист А. Во-

¹⁴⁰ ЦПА ИМЛ, ф. отдельных историко-партийных документов, оп. 7, ед. хр. 35618, 1.1.2—3.

¹⁴¹ Там же, ед. хр. 35627.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же, ед. хр. 35621.

ден¹⁴⁴, «Южный провинциал» из Киева¹⁴⁵, «Читатель-марксист» из Одессы¹⁴⁶ и многие другие.

Эти письма с разных концов России по своему содержанию в основном совпадают с письмами, цитированными выше. Все они выражают протест против грубого извращения марксистских взглядов, против попыток народников представить русских марксистов апологетами капиталистического производства, защитниками буржуазного строя, врагами народных интересов. В этих письмах выражено глубокое убеждение их авторов в правильности теории марксизма как подлинно научной и единственно верной революционной теории. Однако в большинстве приведенных писем критика общественно-политических и философских взглядов народников, как и защита марксистской теории, страдает серьезными недостатками. Составители писем-протестов — начинающие марксисты. Их отклики на поход народников против марксизма носят оборонительный характер. Их критика народничества, как и защита марксизма, часто обща, абстрактна; особенно это касается критики «субъективного метода в социологии». Не вскрываются идейные и социальные истоки этого реакционного метода, не показана и связь его со всей системой взглядов либеральных народников.

Ряд авторов писем к Михайловскому, горячо протестуя против утверждения Михайловского, будто марксисты «настаивают» на разрушении мелкого крестьянского хозяйства, просто отводят этот упрек, уходя от постановки проблемы об отношении марксистов к аграрно-крестьянскому вопросу, либо касаются его мимоходом. Этот вопрос во всей глубине был впервые поставлен и разрешен В. И. Лениным.

В августе 1893 г. В. И. Ленин приехал в Петербург. В целом петербургский период деятельности Ленина выходит за пределы исследуемого нами исторического периода. Однако начало деятельности Ленина в Петербурге еще относится к нашей теме.

По приезде в Петербург 23-летний Ленин вступил в петербургский кружок марксистов, в котором вскоре занял ведущее место. Участникам этого кружка, по их единодушному признанию, импонировало «его удивительное умение владеть оружием Маркса и превосходное, прямо-таки поразительное знакомство с экономическим положением страны по первоисточникам статистических сборников»¹⁴⁷.

«Злобой дня» в кругах русской интеллигенции именно в то время стал так называемый вопрос «о рынках». Народническая

¹⁴⁴ ЦПА ИМЛ, ф. Отдельных историко-партийных документов, оп. 7, ед. хр. 35623.

¹⁴⁵ Там же, ед. хр. 35617.

¹⁴⁶ Там же, ед. хр. 35620.

¹⁴⁷ См. сб. «Воспоминания о В. И. Ленине», стр. 12.

теория «о рынках», разработанная преимущественно В. Воронцовым и Н. Даниельсоном, стала выдвигаться в то время как один из главнейших доводов против применения учения Маркса к русской действительности.

Развитие капитализма, говорили народнические экономисты, требует широкого внутреннего рынка. Между тем это же развитие ведет к разорению крестьянства, составляющего громадное большинство населения страны, следовательно, внутренний рынок не только не расширяется, а все более суживается. Что касается внешних рынков, то, по мнению народников, перспектив и в этом отношении у русского капитализма не имеется, так как в силу отсталости страны он не может конкурировать с западноевропейскими капиталистическими странами, которые развиваются более быстрыми темпами, чем аграрная Россия. Отсюда вытекало, что для нормального развития капитализма и его победы в народном хозяйстве России перспектив нет, вопреки тому, что правительство якобы «сверху» насаждает капитализм.

Эти взгляды подверг критике Энгельс. В письме от 17 октября 1893 г. он указал Николаю — ону, что хотя его новая книга и содержит полезный фактический материал, но ее выводы неправильны, так как автор видит в капиталистическом развитии России только одно зло, не замечая порождаемых этим развитием экономических предпосылок социализма¹⁴⁸.

Краткие замечания Энгельса на книгу Николая — она не были известны русским марксистам. Естественно было ожидать серьезного разбора этой книги членами группы «Освобождение труда», прежде всего Плехановым. Но последний ограничился весьма общими замечаниями на книгу в своих письмах к Ф. Энгельсу, да и то лишь через год после ее появления¹⁴⁹. Между тем «Очерки...» Николая — она произвели большой шум в кругах интеллигенции. Вполне понятно, почему В. И. Ленин направил внимание петербургских марксистов на необходимость перехода от книжного изучения теории стоимости к глубокой критике в свете учения Маркса народнических экономических теорий, в частности вопроса «о рынках».

Осенью 1893 г. В. И. Ленин предложил участникам кружка сделать рефераты с целью подвергнуть марксистской критике вышедшие тогда две капитальные работы народников: «Наши направления» В. В. (В. П. Воронцова) и «Очерки пореформенного общественного хозяйства» Николая — она (Н. Ф. Даниельсона), переводчика «Капитала» Маркса.

¹⁴⁸ См. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 177—179.

¹⁴⁹ Там же, стр. 330—331, 333—334, 342—343.

Реферат о книге Николая — она, прочитанный Г. Б. Красиным, был подвергнут решительной критике В. И. Лениным на собрании петербургских социал-демократов осенью 1893 г.¹⁵⁰

Выступление В. И. Ленина произвело сильное впечатление на петербургских марксистов своим конкретным анализом русской действительности, творческим подходом к марксизму как к острому идейному оружию революционной борьбы. Это собрание, по свидетельству его участника М. Сильвина, явилось поворотным пунктом в жизни кружка¹⁵¹.

Серьезный порок в реферате Г. Б. Красина В. И. Ленин видел в поверхностном усвоении референтом сущности марксовой теории воспроизводства. В важнейшем вопросе о путях развития капитализма в России, в вопросе о развитии капитализма «вширь», Красин не мог выйти за пределы рассуждений народнических экономистов. Он не понял главного — того, что «разрешение «вопроса о рынках» лежит именно в факте разложения крестьянства»¹⁵². В реферате Красина отсутствовал также вывод о том, что «капитализм уже в настоящее время является основным фоном хозяйственной жизни России»¹⁵³.

В. И. Ленин вскрыл не только недостатки реферата Красина, но и неудовлетворительную постановку теоретических занятий в петербургском кружке марксистов. Эти занятия носили отвлеченный, книжный характер, были слабо связаны с непосредственными задачами борьбы.

Основные мысли выступления В. И. Ленина были им вскоре развиты в работе «По поводу так называемого вопроса о рынках». В ней Ленин поставил перед русскими марксистами важную теоретическую задачу: «объяснить, каким образом возник наш капитализм и каким образом он функционирует»¹⁵⁴. Эту задачу В. И. Ленин вскоре разрешил в своем знаменитом труде «Развитие капитализма в России».

¹⁵⁰ «Ни один автор того времени — ни Воронцов, ни Кривенко, ни сам Михайловский, — пишет Сильвин, — своей критикой марксизма и нападками на его адептов не доставил нам столько хлопот, не вызвал столько зазора и не требовал столько полемической изворотливости в спорах с противниками, как Н. — он (Даниельсон) своими «Очерками». Целый «Монблан» статистических выкладок, большая эрудиция, навык оперировать экономическими понятиями, наконец, обаяние первого переводчика Маркса — сделали его наиболее серьезным противником» (М. А. Сильвин. В. И. Ленин в эпоху зарождения партии. «Каторга и ссылка», 1934, № 1 (10), стр. 78—80). «Особенно большое впечатление произвела, — писал Г. Б. Красин, касаясь споров между марксистами и народниками осенью 1893 г., — только что выпущенная... книга Николая — она» (см. Г. Б. Красин. Мои воспоминания о Владимире Ильиче. ЦПА, ф. 72, оп. 3, ед. хр. 697, лл. 3—4).

¹⁵¹ См. М. А. Сильвин. В. И. Ленин в эпоху зарождения партии. «Каторга и ссылка», 1934, № 1 (10), стр. 81.

¹⁵² В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 93.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же, стр. 76.

Работой «По поводу так называемого вопроса о рынках» Ленин приступил к конкретному анализу развития русского капитализма. В ней впервые была разбита народническая теория «о рынках» — один из главнейших доводов народнических экономистов против применимости марксизма к России. Ленин показал, что вне связи с вопросом о разложении крестьянства, т. е. вне конкретного анализа превращения товарного производства в капиталистическое, русские марксисты лишены возможности вскрыть несостоятельность теории народнических экономистов «о рынках».

Ленин вскрыл классовую подоплеку самой постановки вопроса «о рынках». «Вопли о гибели нашей промышленности по недостатку рынков — не что иное, — писал Ленин, — как сшитый белыми нитками маневр наших капиталистов, которые таким образом производят давление на политику, отождествляя... интересы своего кармана с интересами «страны» и оказываются способными толкнуть правительство на путь завоевательной колониальной политики, вовлечь даже его в войну, ради охранения таких «государственных» интересов. Нужна именно вся бездонная пропасть народнического утопизма и народнической наивности, чтобы принимать вопли о рынках — эти крокодиловы слезы вполне окрепшей и успевшей уже зазнаться буржуазии — за доказательство «бессилия» нашего капитализма!»¹⁵⁵.

Но еще более разящий удар по всей идеологии либерального народничества в целом был нанесен написанной Лениным в 1894 г. работой «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Выводы из этой работы были исходными для той концепции буржуазно-демократической революции и условий ее перехода в социалистическую, которая знаменовала собой новую эпоху в развитии теории научного социализма. Здесь лишь отметим общее значение этого ленинского труда в завершении «утробного» периода русской социал-демократии.

В своих трудах русские марксисты, в том числе и Плеханов, до начала 90-х годов не выходили за пределы применения самых общих положений теории Маркса к анализу русских экономических отношений. Между тем народничество, главный идейный тормоз на пути распространения марксизма в России, не только не было до конца развенчано, но, как мы видели, перешло в наступление. Полная теоретическая победа марксизма в России, таким образом, еще не была обеспечена.

Книга В. И. Ленина «Что такое «друзья народа»...» положила начало всестороннему марксистскому анализу общественных отношений России и вытекающих из них задач русских марксистов в переломный период, когда русский марксизм

¹⁵⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 86.

превращался из идейного течения, представленного маленькими разрозненными подпольными кружками, в широкое общественное движение, в политическую партию.

До приезда В. И. Ленина в Петербург пропаганда в рабочих кружках велась членами кружка Радченко, велась так же книжно, как и изучение марксизма в среде социалистической интеллигенции; члены кружка изучали «Капитал» вне связи с анализом конкретных форм эксплуатации рабочих на русских фабриках и заводах, вне связи с практическими задачами русского рабочего движения. «Вспоминая,— пишет Г. М. Кржижановский,— как терзали мы наших первых друзей из рабочего класса «Сюртуком» или «Холстом» из первой главы «Капитала», я и по сие время чувствую угрызение совести»¹⁵⁶. Большинство интеллигентов-марксистов плохо знало рабочую жизнь.

Занятия с рабочими в кружках Ленин также вел по «Капиталу». Но характер этих занятий стал иным. Объясняя сложные проблемы марксистской политической экономии, он «вторую часть занятий посвящал расспросам рабочих об их работе, условиях труда и показывал им связь жизни со всей структурой общества, говоря, как, каким путем можно переделать существующий порядок. Узвязка теории и практики — вот что было особенностью работы Владимира Ильича в кружках»¹⁵⁷.

Еще осенью 1893 г. Ленин познакомился с передовыми петербургскими рабочими В. А. Шелгуновым, И. В. Бабушкиным, И. И. Яковлевым, В. А. Князевым, Н. Е. Меркуловым, Б. И. Зиновьевым и др.

Занятия происходили в комнате И. В. Бабушкина, впоследствии выдающегося русского рабочего-марксиста, а тогда только что вовлеченного в кружок вместе с И. Ф. Костиным. «Кружок,— пишет Бабушкин,— составил из шести человек и седьмого — лектора, и начались занятия по политической экономии, по Марксу. Лектор излагал нам эту науку словесно, без всякой тетради, часто стараясь вызвать у нас или возражения, или желание завязать спор, и тогда подзадоривал, заставляя одного доказывать другому справедливость своей точки зрения на данный вопрос. Таким образом, наши лекции носили характер очень живой, интересный, с претензией к навыку стать ораторами; этот способ занятий служил лучшим средством уяснения данного вопроса слушателями. Мы все бывали очень довольны этими лекциями и постоянно восхищались умом нашего лектора...

Но эти лекции в то же время приучили нас к самостоятельной работе, к добыванию материалов. Мы получали от лектора

¹⁵⁶ Г. М. Кржижановский. О Владимире Ильиче. Сб. «Воспоминания о В. И. Ленине», стр. 11.

¹⁵⁷ М. К. Названов. Каким я помню Владимира Ильича. Рукопись ЦПА ИМЛ, ф. 72, оп. 3, ед. хр. 724.

листки с разработанными вопросами, которые требовали от нас внимательного знакомства и наблюдения заводской и фабричной жизни»¹⁵⁸.

Быстро растущее рабочее движение в середине 90-х годов поставило перед марксистскими группами совершенно новую задачу: перейти от пропаганды в узких кружках «избранных» рабочих к агитации среди широких масс пролетариата. Новая задача выдвинула и новые вопросы, поглотившие внимание марксистов: какой характер должна иметь эта массовая агитация, каково должно быть участие социал-демократических групп в столкновениях между рабочей массой и хозяевами, как быть с пропагандистскими кружками передовых рабочих.

Переходу от пропаганды к массовой агитации предшествовала, таким образом, не только перестройка теоретической подготовки интеллигенции, но и перестройка системы пропаганды в рабочих кружках, толкавшая передовых рабочих и самих интеллигентов социал-демократов к конкретному ознакомлению с положением рабочей массы, ее ближайшими нуждами и требованиями.

Перспектива перехода русских марксистов от занятий в узких пропагандистских кружках к деятельности среди широких масс рабочих занимала В. И. Ленина с самого переезда в Петербург. «Приехав в 1893 г... в Питер,— пишет Н. К. Крупская о В. И. Ленине,— он сразу же пошел в рабочие кружки... Он видел, что рабочие слушают с громадным интересом и хорошо усваивают основы учения Маркса, но в то же время он чувствовал, что мало только говорить: «нужно широко развернуть классовую борьбу», надо показать, как эту классовую борьбу развертывать, около каких вопросов ее организовывать»¹⁵⁹.

В отличие от тех руководителей марксистских групп, которые спешили перейти от пропаганды к агитации ценой снижения идейно-теоретического уровня в занятиях с рабочими, петербургская группа тщательно готовила этот переход. «Около Владимира Ильича,— писал П. Лепешинский,— сгруппировалась кучка интеллигенции, прошедшая такую марксистскую выучку, которая сразу определила весьма выдержанную линию ее социал-демократической работы»¹⁶⁰. В. И. Ленин придавал громадное значение дальнейшей и еще более основательной теоретической подготовке деятелей рабочего движения из передовых рабочих. Без них В. И. Ленин считал невозможным осу-

¹⁵⁸ «Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина.» 1893—1900 гг. М., 1955, стр. 44.

¹⁵⁹ Н. К. Крупская. Будем учиться работать у Ленина. М., 1933, стр. 41.

¹⁶⁰ П. Н. Лепешинский. На повороте (от конца 80-х годов к 1905 г.). Л., 1925, стр. 32.

шествление перехода к массовому рабочему движению, соединенному с марксизмом.

В игнорировании задач идейно-теоретической подготовки передовых рабочих он видел один из главнейших недостатков брошюры «Об агитации» А. Кремера, фактически положившей начало «экономизму» в русском рабочем движении. Таким образом, при переходе от пропаганды марксизма в узких кружках к агитации среди широких пролетарских масс появилась серьезная опасность ограничения рабочего движения задачами чисто экономической борьбы и направлении его по пути реформистского, тред-юнионистского развития. В 1894 г. эта опасность была лишь в зародыше, но она при определенных условиях грозила стать реальной и действительно стала таковой во второй половине 90-х годов, после того, как царизму удалось временно изолировать ведущую группу русских революционных марксистов во главе с В. И. Лениным.

Брошюра «Об агитации» «возбудила,— по словам Крупской,— много горячих споров»¹⁶¹. Впоследствии В. И. Ленин по этому поводу писал: «...Особенно важно установить тот часто забываемый (и сравнительно мало известный) факт, что *первые социал-демократы этого периода, усердно занимаясь экономической агитацией* — (и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры «Об агитации») — не только не считали ее единственной своей задачей, а, напротив, с *самого начала* выдвигали и самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности»¹⁶². Петербургская группа, руководимая В. И. Лениным, совершала свой переход от пропаганды к агитации по ленинскому плану, предусматривавшему не снижение идейно-политического уровня движения, а дальнейший его рост, не ликвидацию пропагандистских кружков, а их перестройку, не отказ от политических требований, а сочетание массовой экономической агитации с политической.

Разногласия по вопросу об агитации, выявившиеся уже к концу 1894 г., отражали начавшееся к тому времени разделение русских социал-демократов на подлинно марксистское и оппортунистическое направление.

Ленин обратил серьезное внимание на необходимость ликвидации разрозненности, разобщенности рабочих и интеллигентских кружков, он считал целесообразным объединение их в единую боевую централизованную марксистскую организацию.

¹⁶¹ Н. К. Крупская. Союз борьбы за освобождение рабочего класса. Сб. «От подпольного кружка к пролетарской диктатуре», вып. I, М.—Л. 1930, стр. 11.

¹⁶² В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 348.

Первым шагом к этому было объединение социал-демократических кружков Петербурга в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Теоретическая и практическая деятельность В. И. Ленина уже с начала пребывания его в Петербурге сказалась не только на развитии петербургской марксистской организации, которая стала ведущей, но и на организациях других крупных городов России. Мы знаем уже, какое сильное влияние на развитие марксистского направления в Москве имело ленинское выступление 9 (21) января 1894 г. против видного народника В. В. (В. П. Воронцова) на собрании передовой московской интеллигенции. Через несколько дней В. И. Ленин посетил Нижний Новгород, где выступал на собрании местного марксистского кружка с рефератом о книге В. В. «Судьбы капитализма в России». По воспоминаниям М. Григорьева, ввиду «тесноты помещения и по конспиративным условиям публики на реферате сравнительно было немного, и она была избранной. Более тонкий подход к тому же вопросу о судьбах русского капитализма, к которому подходил П. Н. Скворцов, резкая определенность в постановке и разрешении вопросов и обширная эрудиция произвели громадное впечатление...»¹⁶³. Выступление В. И. Ленина упрочило позиции марксистов Нижнего Новгорода в их борьбе против народников, содействовало более серьезной постановке пропаганды идей марксизма среди местной интеллигенции и передовых рабочих.

Важную роль в полном разгроме народничества и в дальнейшем развитии социал-демократического движения сыграл приезд Ленина в Москву летом 1894 г. В то время почти все московские марксисты изучали его знаменитое произведение «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». По образному выражению одного из московских марксистов, эта книга была той тяжелой артиллерией, которой они подкрепляли свои еще недостаточно твердые позиции.

Н. А. Семашко, участник первых московских марксистских кружков, так описывает значение книги Ленина для социал-демократического движения: «Когда Михайловский в 1893 г. начал в «Русском богатстве» свою знаменитую кампанию против марксистов, позиция наша оказалась очень чувствительно обстреливаемой. Мы владели лишь заграничными изданиями (главным образом «Нашими разногласиями» Плеханова, популярным изложением Геда «Капитала» Маркса и др.), но эти издания проникли в Россию, разумеется, в качестве величайшей редкости, а кроме того, не давали прямых ответов на те конкретные вопросы, которые выдвигала русская действитель-

¹⁶³ «Пролетарская революция», 1924, № 4 (27), стр. 103.

ность... И только когда появилась гектографическая брошюра т. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», направленная против народников, снабженная ярким статистическим материалом, она была для нас настоящим евангелием. Мы перепечатывали ее на гектографе, несмотря на ее сравнительную величину, целыми ночами, запрягивали в самые недоступные для жандармов места на случай обысков, изучали ее почти наизусть»¹⁶⁴.

Деятельность В. И. Ленина на рубеже первого и второго периодов истории марксизма в России оказала могучее влияние на переход русских марксистов от кружковой деятельности к руководству массовыми выступлениями рабочих. Одновременно с этим она дала могучий толчок к централизации, к объединению разрозненных и разбросанных в каждом городе кружков в социал-демократические организации с единым центром. Все это знаменовало конец «утробного» развития и начало нового этапа в истории марксизма в России.

С приездом В. И. Ленина в Петербург ведущая роль в русском революционном движении переходит фактически от заграничной группы «Освобождение труда» во главе с Г. В. Плехановым к петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» во главе с В. И. Лениным.

5. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. Е. ФЕДОСЕЕВА ВО ВЛАДИМИРЕ. ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАРКСИСТСКИХ КРУЖКОВ В ДРУГИХ ГОРОДАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

С начала 90-х годов очагами марксистской пропаганды наряду с Петербургом, Москвой, Казанью и другими университетскими городами становятся промышленные города Центральной России: Владимир, Нижний Новгород, Иваново-Вознесенск и др. Пионерами марксистской пропаганды в этих местностях стали политические ссыльные — интеллигенты и рабочие, бывшие участники первых марксистских кружков Петербурга, Москвы, Казани.

Одним из первых, кто начал пропаганду марксизма в Центрально-промышленном районе, был Н. Е. Федосеев. 17 января 1892 г. после тюремного заключения в «Крестах» он прибыл во Владимир, собираясь здесь заняться теоретической разработкой проблем марксизма в применении к России. Но Федосеев не мыслил себе жизни и работы в отрыве от практической революционной деятельности. Во Владимире, тогда чиновничье-купеческом городке, до приезда Федосеева существовали гимназические нелегальные кружки самообразования, еще находившиеся в тот период под влиянием народофильских идей. Эти кружки

¹⁶⁴ Сб. «На заре рабочего движения в Москве», 1919, стр. 137—138.

в конце 1890 г. были разгромлены. Некоторые их участники, оставшиеся на свободе, под влиянием новых веяний стали интересоваться попавшими сюда из Москвы отдельными изданиями группы «Освобождение труда» и «Капиталом» Маркса. Они образовали новый кружок, в состав которого вошли представители местной учащейся молодежи, ставшие потом активными деятелями социал-демократического движения 90-х годов (С. П. Шестернин, М. Л. Сергиевский, Н. Л. Сергиевский, В. В. Кривошея и др.).

Н. Е. Федосеев вскоре включился в работу кружка¹⁶⁵. «Начались, — пишет С. Шестернин, — бесконечные споры о судьбах русского капитализма, о развитии крестьянского хозяйства, роли рабочего класса в революции... Убежденная проповедь марксизма сделала свое дело: мы стали читать заграничный сборник «Социал-демократ» и Николая — она, мы засели за Маркса. Приходилось пересмотреть весь свой идейный багаж, и в результате под влиянием Федосеева мы стали переходить в лагерь марксизма»¹⁶⁶.

О влиянии Н. Е. Федосеева на молодежь пишет Н. Сергиевский: «Как человек общительный и подвижной, он не мог не стремиться влиять на последнюю (т. е. молодежь. — Ю. П.)... Он давал краткие, выпуклые и ясные определения, а его азарт и энтузиазм заражали и подчиняли. В большей мере влияние его объяснялось тем, что в нем не было ни менторства, ни генеральства, напротив он становился на один уровень с собеседником... пробуждая в нем стремление работать самостоятельно... Он говорил обыкновенно не заученное, а в течение разговора мыслил. Но мысля сам, он заставлял тем самым мыслить и собеседника»¹⁶⁷.

Среди участников первого владимирского марксистского кружка выделялись Н. Л. Сергиевский и С. П. Шестернин. В работе владимирского кружка принимала также активное участие М. Г. Гопфенгауз.

О начавшейся после приезда Федосеева серьезной деятельности по теоретической подготовке участников владимирского кружка свидетельствуют не только воспоминания современников, но и отобранные жандармами у членов кружка книги, брошюры, прокламации, рукописи, конспекты. Почти все 50 названий книг, статей и рукописей, отобранных у В. В. Кривошеи, являются, по всей видимости, частью библиотеки, принадлежавшей кружку. Это были главным образом статьи из жур-

¹⁶⁵ ЦПА, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1743 (Н. Л. Сергиевский. Автобиография).

¹⁶⁶ «Федосеев Николай Евграфович». Сб. воспоминаний. М.-Пг., 1923, стр. 108.

¹⁶⁷ Там же, стр. 45.

налов «Слово», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Отечественные записки» и заметки по поводу этих статей¹⁶⁸.

Большинство книг, статей и заметок касается положения фабричной и кустарной промышленности, а также сельской общины и крестьянства.

Руководимая Н. Е. Федосеевым владимирская группа не ограничилась занятиями в рамках своего кружка. Ее члены вскоре приступили к пропаганде среди рабочих в с. Никольском (Орехово-Зуево). Здесь еще были живы воспоминания о грандиозной стачке 1885 г. и ее руководителях П. Моисеенко, Л. Иванове, В. Волкове. К этому времени в Никольском появились новые люди, стремившиеся к свету, к дальнейшей борьбе за улучшение положения рабочих.

Влияние Федосеева начало сказываться и на передовых рабочих Орехово-Зуева. В начале 1892 г. владимирским кружком молодежи сюда был направлен В. Кривошея, который связался с местными передовыми рабочими. К легу в Никольском образовалась группа в составе народного учителя Я. Л. Попкова, работавшего в то время смотрителем ткацкого отделения Никольской мануфактуры, и рабочих той же мануфактуры — Ивана Штиблетова, Алексея Алекторского, Егора Блинова, Андрея Андреевского, Ефима Гусева и др.¹⁶⁹ Это были первые орехово-зуевские рабочие социал-демократы.

Оживление среди рабочих Орехово-Зуева началось еще весной 1892 г. в связи с распространением в их среде нелегальной литературы. Эта литература доставлялась по поручению Федосеева рабочим В. Кривошеей.

Одновременно в Орехово-Зуево доставлялась также литература из Москвы рабочими Г. Капрановым и Ф. Хорьковым. Последними были переданы членам рабочего кружка в Орехово-Зуево «Манифест Коммунистической партии» в переводе Плеханова и его же брошюра «Ежегодный всемирный праздник рабочих»¹⁷⁰. Члены рабочего кружка в Орехово-Зуево изучали марксистскую литературу. Так, у Якова Попкова при обыске нашли, кроме нелегальной литературы, и «собственноручные

¹⁶⁸ У участников группы были отобраны: «Капитал» К. Маркса, «Ежегодный всемирный праздник рабочих» Г. В. Плеханова, «Кто чем живет?» С. Дикштейна, статья «Положение рабочих в Англии», реферат по политической экономии, «имеющий своим предметом: определение труда и капитала и их взаимное отношение», «Критическая заметка об отношении русского правительства к рабочему вопросу», отрывок под заглавием «Зауральский рабочий» Флеровского, реферат по книге А. Михайлова под заглавием «Ассоциация», статья «Фабричный рабочий в средней России и царстве Польском» И. И. Янжула, «К вопросу о фабричной промышленности», рукопись «К вопросу о фабричных рабочих» Ивановова» («Рабочее движение в России в XIX в.», т. III, ч. 2, стр. 251—259).

¹⁶⁹ Там же, стр. 240—280.

¹⁷⁰ Там же, стр. 238.

его рукописи, заключающие в себе суждения по поводу тяжелого положения фабричных рабочих, и выписки из произведений подпольной прессы»¹⁷¹.

Однако кружок в Орехово-Зуево не был еще вполне оформленным в идеологическом отношении, а его руководители не были в состоянии придать ему законченное социал-демократическое направление. Пренебрегая опасностью снова попасть в тюрьму, Федосеев отправился вместе с В. Кривошеей 29 августа 1892 г. в Орехово-Зуево, где имел ряд встреч с членами рабочего кружка. Федосеев стремился направить их по пути последовательной социал-демократической деятельности. В этих целях он написал и оставил орехово-зуевским кружковцам пропагандистское письмо, названное «Программа действий рабочих» и излагавшее основные положения марксизма по вопросам массовой борьбы пролетариата¹⁷².

Пребывание Федосеева, хотя и краткое, в Орехово-Зуево дало толчок к оживлению деятельности рабочего кружка. Активные члены его — Я. Попков, А. Алекторский, И. Штиблетов, Е. Гусев, — по донесению жандарма, «увлеченные пропагандой, начали действовать как вожаки партии, которую они вздумали образовать для систематической уже пропаганды, почему и начали назначать сходки, на которые должны были они собираться для совещания по поводу текущего и развития программы дальнейших своих действий»¹⁷³.

Действительно, 6 сентября в лесу состоялась сходка участников кружка, где читалась федосеевская «Программа действий рабочих» и обсуждались вопросы дальнейшей деятельности кружка. На сходке обсуждался план поездки рабочих, участников кружка, в Ярославль, на Корзинкинскую фабрику, а также на Глуховскую мануфактуру для пропаганды марксистских идей.

Вторая сходка была назначена на 8 сентября, но на другой день все участники, выданные провокатором, были схвачены полицейскими и отправлены во Владимирскую тюрьму. 10 сентября туда же был заключен и Федосеев. Федосеева обвинили в принадлежности к социал-демократической организации, руководстве кружком рабочих в с. Никольском, распространении нелегальной литературы и составлении «Программы действий рабочих». Но прямым уликам относительно участия Федосеева в революционной пропаганде среди рабочих власти не имели в силу того, что сам Федосеев искусно вел себя на допросах, а рабочие, участники кружка в Никольском, отрицали свое знакомство с ним. Тем не менее власти, почуяв, что имеют дело

¹⁷¹ Там же, стр. 267.

¹⁷² См. Н. Федосеев. Статьи и письма, стр. 267—273.

¹⁷³ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. III, ч. 2, стр. 247.

с серьезным революционером, долго держали его в тюрьме. Только в силу угрожающего состояния здоровья Федосеев был освобожден, но подвергнут особому надзору полиции.

24 ноября 1893 г. Федосеев был сослан на три года в Сольвычегодск. Во время пребывания в тюрьме, до отправки в ссылку, Федосеев продолжал поддерживать связь с сидевшими в той же тюрьме местными социал-демократами и рабочими орехово-зуевского кружка. Перед самым отъездом Федосеев советовал оставшимся членам владимирского и орехово-зуевского кружков не прекращать революционной деятельности и обещал им помощь в дальнейшей пропаганде марксизма среди рабочих.

Влияние, которое оказал Федосеев на распространение марксизма среди рабочих Владимирской губ., дало свои плоды. После разгрома созданной при его содействии первой рабочей группы марксистского направления возникли новые аналогичные группы.

Деятельность Н. Е. Федосеева во Владимире — яркий пример самоотверженности и героизма представителей первого поколения русских революционеров-марксистов. Из 23 месяцев жизни во Владимире Федосеев пробыл на свободе лишь 7—8 месяцев. Почти $\frac{2}{3}$ времени он провел во Владимирской тюрьме. Но и все это время он непрерывно занимался теоретической деятельностью, вел оживленную переписку, отдавая всего себя революционному делу.

Федосеев несомненно сыграл большую роль в возникновении первых марксистских кружков в Центрально-промышленном районе. Особое значение имела его теоретическая деятельность. Среди литературных произведений, написанных им во Владимире, значительный интерес представляет «Программа действий рабочих», о которой мы упоминали выше.

В программе указывалось на исключительно тяжелое положение русского пролетариата. Пролетариат Западной Европы в результате долгой и упорной борьбы улучшил свое положение. Рабочие Запада добились этого благодаря тому, что они поняли значение совместной борьбы против капиталистов и стали не только объединяться в рабочие организации в своих странах, но и в интернациональную рабочую организацию под лозунгом «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!»¹⁷⁴. Русским рабочим не хватает прежде всего понимания роли организованной борьбы. «Русские рабочие не поняли еще, что улучшить свое положение они могут лишь соединившись друг с другом в крепкий и большой постоянный союз для того, чтобы начать постоянную борьбу с хозяевами за улучшение своего положения, которая должна завершиться полной победой рабочего, полным освобождением от угнетения, освобождением из раб-

¹⁷⁴ См. Н. Федосеев. Указ. соч., стр. 267.

ства капитала»¹⁷⁵. Русские рабочие, писал Федосеев, пока объединяются только временно для проведения стачки, когда «терпеть станет невмочь». В этих условиях царизм быстро расправляется с ними, а итоги борьбы рабочих остаются ничтожными. Ближайшая задача русских социал-демократов состоит в том, чтобы «всеми силами уяснить рабочим правильный взгляд на главные причины их бедственного положения... поставить их начавшуюся борьбу с хозяевами на прямую дорогу, всего ближе ведущую к главной цели — полному освобождению рабочего класса. Для этого нужно стремиться соединить рабочих каждой фабрики в постоянный союз, который бы имел ясные взгляды о том, какими способами надо вести борьбу и какова конечная, главная цель борьбы, и каковы ближайшие, исполнимые в настоящую минуту, задачи...»¹⁷⁶.

Создание рабочей организации, говорилось далее в программе, даст русским рабочим возможность настойчиво добиваться политической свободы. Достигнув политической свободы, они в состоянии будут бороться как за ближайшие, так и за конечные цели пролетариата. «Я считаю за величайшее счастье для себя, — пишет Федосеев, — сообщить Вам в заключение программу, предложенную великим учителем рабочих всего мира немцем Карлом Марксом»¹⁷⁷. Далее в «Программе» говорится: «Экономическое освобождение рабочего класса может быть совершено только насильственным путем, путем захвата политической власти (государственной), всех орудий и средств производства (капитал) из рук хозяев-капиталистов. Для этого рабочие... всех отраслей производства должны единодушно объединиться в крепкий и стойкий постоянный рабочий союз»¹⁷⁸.

Заслуживает внимания предостережение автора против анархо-синдикалистского понимания социализма, марксистское понимание им принципов строительства нового, социалистического общества. Федосеев писал: «Орудия производства должны перейти в руки рабочих. Не в руки одной какой-нибудь фабрики — это был бы простой грабёж, — а в руки рабочих всего государства, потому что отдельные рабочие так же мало имеют права на фабрики и машины, на которых они работают, как и каждый из них в отдельности — на богатство, производимое ими всеми»¹⁷⁹.

«Программа действий рабочих» — выдающееся произведение ранней русской марксистской пропагандистской литературы.

¹⁷⁵ См. Н. Федосеев. Указ. соч., стр. 268.

¹⁷⁶ Там же, стр. 269.

¹⁷⁷ Там же, стр. 270.

¹⁷⁸ Там же, стр. 269—270.

¹⁷⁹ Там же, стр. 271.

Сопоставление его с литературой для рабочих, написанной в 80-х — начале 90-х годов другими социал-демократами — членами подпольных групп в России, группы Благоева, киевской, виленской и других социал-демократических групп — обнаруживает зрелый революционно-марксистский характер литературных трудов Н. Е. Федосеева. В отличие от других пропагандистских листовок и брошюр той поры, где заметна либо идеализация буржуазных свобод, либо увлечение чисто экономической агитацией, «Программа действий рабочих» представляет собой один из первых образцов пропаганды единства ближайших и конечных целей пролетарской борьбы, нашедшей свое высшее выражение в пропагандистских и агитационных произведениях В. И. Ленина. К «Программе действий рабочих» тесно примыкают два письма Н. Е. Федосеева к рабочему социал-демократу А. А. Андреевскому. Являясь участником орехово-зубовского кружка, Андреевский в то же время сочувствовал толстовскому учению¹⁸⁰. Увлечение толстовством в 80-х — начале 90-х годов было распространено среди части интеллигенции и отдельных рабочих. Нельзя не признать, что толстовская проповедь «непротивления злу» также была одним из препятствий на пути распространения марксизма. Поэтому разъяснение вреда этой проповеди стало важной задачей русских марксистов.

Очень умело вскрывает Федосеев в письме к Андреевскому реакционную сущность толстовской теории «самоусовершенствования». «Прикрываясь, — пишет он, — проповедью всем и каждому личного усовершенствования, мы косвенно поддерживаем общественную несправедливость. Говорить людям, принадлежащим к господствующему классу, о нравственной необходимости не угнетать других людей, не пить их кровь — значит вопиять в пустыне, делать бесполезное, пустое дело. Убеждать людей, принадлежащих к подчиненным классам, к трудовому населению, в том, что путь к их спасению — личное усовершенствование, значит связывать им руки, обрекать их на бесконечное страдание, значит делать вредное дело»¹⁸¹. На примерах из истории человеческого общества Федосеев показывает неизбежность классово-борьбы и ее решающую роль в завоевании хотя бы и элементарных улучшений в жизни рабочих. «Не будь этой борьбы, не было бы и этого улучшения: подчиненная масса навсегда погрязла бы в нищете и страданиях, отупела бы от них и потеряла бы подобие человеческого»¹⁸².

В ранней русской марксистской популярной литературе важ-

¹⁸⁰ Под влиянием Н. Е. Федосеева А. Андреевский отошел от толстовства, о чем сообщил ему в ссылке в Сольвычегодск.

¹⁸¹ Н. Федосеев. Указ. соч., стр. 186—187.

¹⁸² Там же, стр. 187.

ное место занимало раскрытие сложного механизма общественного и государственного строя капиталистического общества и особенно помещичье-буржуазной России и положения в этом обществе класса фабрично-заводских рабочих. Этим вопросам посвящена значительная часть писем Федосеева.

Призывая рабочих к классовой политической борьбе, он предостерегает их от неподготовленных выступлений. Он пишет, что та «бесшабашность и готовность на все», которая, по словам Андреевского, царит в рабочей среде, «ни в каком случае ни к чему хорошему привести не может; чтобы борьба принесла для рабочего класса хорошие плоды, необходимо, во-первых, чтоб она происходила во имя определенных целей, с ясным пониманием, чего должно добиться этой борьбой, а во-вторых, чтобы она совершалась по строго обдуманному плану, с верной надеждой на успех»¹⁸³.

Письма к А. А. Андреевскому представляли собой популярные политические беседы, рассчитанные на распространение в рабочей среде. Федосеев предполагал написать целую серию таких бесед. «В следующих строках, — писал он в заключение первого письма, — я попытаюсь выяснить несколько вопросов: «Откуда и каким образом произошел русский рабочий класс?», «Каково его материальное и политическое положение?», «Соответствует ли это его положение его роли в созидании общественного богатства?», «Чего может и должен добиваться русский рабочий класс?»¹⁸⁴. Федосееву удалось написать лишь беседу на тему «Откуда и как произошел русский рабочий класс?», представляющую, видимо, краткое популярное изложение его большого труда по истории падения крепостного права в России и его социальных последствий.

Кроме указанных писем-бесед, рассчитанных на распространение среди рабочих¹⁸⁵, большой интерес представляют его письма к активному участнику владимирского кружка Н. Л. Сергиевскому. Вместе с письмами к Н. К. Михайловскому это самое значительное, что осталось от литературного наследия Н. Е. Федосеева¹⁸⁶. В большинстве своем это статьи-памфлеты, направленные против либеральных народников, буржуазных либералов, народолюбцев, отражающие рост

¹⁸³ Н. Федосеев. Указ. соч., стр. 191—192.

¹⁸⁴ Там же, стр. 192.

¹⁸⁵ Эти письма были найдены жандармами не только в подлинниках, но и в многочисленных копиях у рабочего А. А. Андреевского находившегося в ссылке в Нижегородской губ. (см. «Федосеев Николай Евграфович», стр. 137, а также см. Н. Федосеев. Указ. соч., стр. 20).

¹⁸⁶ Жизнь и деятельность этого замечательного представителя раннего периода марксизма в России заслуживают большого и подробного самостоятельного исследования. Здесь мы коротко отмечаем лишь важнейшие вехи его революционной деятельности.

идейной борьбы между зарождавшимся русским марксизмом и его противниками.

Федосеев клеймит либералов и либеральных народников за их приспособленчество к остаткам крепостничества. «Срам, срам, господа либералы,—воскликает он,— что Вы до сих пор ограничиваетесь скромной полемикой с «Гражданином» о нецелесообразности телесных наказаний «неплательщиков» и «ослушников» крестьян... Нет! Вы, господа, либеральные буржуа (помесь бывшего помещика-нигилиста с денежным капиталистом), политическое ничтожество. У Вас даже гражданского мужества ни капли нет! Вы боитесь классового антагонизма и спешите уверить правительство относительно всякого такого проявления, что оно «домашнее дело», которое легко «уладить». Для оправдания своего политического ничтожества Вы придумали самобытную русскую историю, отличающуюся полнейшим отсутствием классовой борьбы... Мы не найдем достаточно резких слов, чтобы заклеить Ваше ничтожество, Ваше гнусное поведение...»¹⁸⁷.

Эта убийственная характеристика социальной природы и политического лица русского либерализма знаменует собой шаг вперед в развитии русской марксистской мысли. От противоречивой и в общем ошибочной оценки либеральной буржуазии, данной в то же время Плехановым и другими членами группы «Освобождение труда», Федосеев идет дальше, к подлинно научной, марксистской оценке либерализма, нашедшей самое глубокое и всестороннее выражение в первых крупных произведениях В. И. Ленина.

В первом письме Федосеева Сергиевскому из Владимирской тюрьмы подчеркнуто исключительное значение теории научного социализма в формировании идеологии деятелей революционного движения. Федосеев пишет, что «для человека, усвоившего себе сущность научного материализма, делается неизбежным непрерывное умственное развитие, непрерывное стремление к приобретению все более точных и ясных представлений об исторических и современных отношениях. Тут охватывает человека мучительная страстная жажда знания... Но огромное значение научного социализма не в этом, а в том, что он делает своих последователей энергичными общественными деятелями, для которых нет сомнений и уныния, нет раздумья, не уничтожает ли враждебное направление всех усилий их деятельности. Научный социализм служит для своего последователя весьма надежным руководителем. Он дает ему возможность составить ясное представление о человеческой деятельности в минувшие исторические моменты...

¹⁸⁷ К. Федосеев. Указ. соч., стр. 210.

Научный материализм — идеологическая категория новейшего времени, он создан, выращен и одухотворен идеей рабочего класса, пролетариата. Дать представление русскому пролетариату о его исторической роли, указать путь, по которому он должен идти, чтоб выполнить свою историческую миссию — это ближайшее дело русских идеологов-«марксистов»... Это — великая задача, выполнение ее быстро поставит их во главе сильнейшей прогрессивной партии, выведет борьбу пролетариата в открытое поле, на позицию, которая обеспечит верную победу»¹⁸⁸.

В письме к Сергиевскому Федосеев просил его повидаться с А. А. Андреевским и через него установить связь с членами разгромленного орехово-зуевского кружка. «При существующих владимирских силах,—пишет он Сергиевскому из тюрьмы,— можно сделать, по моему мнению, только одно: снабдить Андр. Андр. (с тем, чтобы он по прочтении передал перечисленным выше рабочим) книжками вроде «Чем люди живы» Дикштейна, «Манифест Коммунистической партии», «Развитие научного социализма». Хорошо бы попросить в Москве списать или «ремингтографировать» статьи Аксельрода, В. Засулич «О рабочем движении на Западе и у нас», переведенную статью Маркс-Эвелинг «Участие в революционном движении русских рабочих» (если не ошибаюсь в заглавии), критическую статью Плеханова о Каронине или еще что (не помню каковы его статьи о Гл. Успенском). Этим на некоторое время, мне думается, ограничится отношение к рабочим. А там виднее Вам будет»¹⁸⁹.

Прибыв в Сольвычегодск, Н. Е. Федосеев, несмотря на крайние лишения и строжайший надзор полиции, продолжал научную и пропагандистскую деятельность. По свидетельству А. Г. Шлихтера и Е. С. Левищук, они в 1895—1896 гг. вместе с Н. Е. Федосеевым, И. Козиным, С. А. Суворовым и несколькими другими ссыльными, организовали кружок для изучения марксистской литературы, следили за борьбой В. И. Ленина с народниками и легальными марксистами. «Мы,—пишет

¹⁸⁸ Н. Федосеев. Указ. соч., стр. 204—205.

¹⁸⁹ Там же, стр. 225. Это письмо Федосеева к Н. Сергиевскому из-за плохой конспирации через два года (в мае 1895 г.) было найдено жандармами при обыске у брата Н. Сергиевского — М. Сергиевского. «Помимо этого письма,—говорится в заключении прокурора Московской судебной палаты от 22 марта 1896 г.,— у Михаила Сергиевского оказалось значительное количество других писем на имя Николая Сергиевского, писанных, судя по почерку, Федосеевым же,—некоторые — 1894 г. из города Сольвычегодска» («Рабочее движение в России в XIX в.» т. III, ч. 2, стр. 270). В связи с этим в мае 1895 г. были произведены обыски у Н. Л. Сергиевского и А. А. Андреевского, и было «отобрано несколько писем к ним от Федосеева из Сольвычегодска» (там же, стр. 270—271). Из этих писем следует, что А. А. Андреевский отвечал на письма Федосеева и что последний через него продолжал дело просвещения рабочих в духе марксизма.

А. Шлихтер,— целиком присоединились к оценке Тулиным (Лениным) П. Струве как буржуазного идеолога»¹⁹⁰.

Н. Е. Федосеев в Сольвычегодске подружился со ссыльными рабочими социал-демократами — П. А. Морозовым, петербургским ткачом, и И. Козиным, слесарем ростовских железнодорожных мастерских, одним из основателей социал-демократических кружков в Ростове-на-Дону.

Одновременно Федосеев продолжал поддерживать связь с социал-демократами в центре России и, в частности, с участниками марксистских кружков во Владимире и Орехово-Зуеве. Его письма во Владимир и Орехово-Зуево были прямым продолжением его деятельности по идейному воспитанию передовых рабочих в духе революционного марксизма.

Обнаружив письма Федосеева у владимирских социал-демократов, Сергиевского и Андреевского, царские власти предъявили всем троим обвинение в покушении «на образование противозаконного сообщества, имевшего целью возбуждение среди рабочего класса вражды к работодателям, а также изменение существующего социального строя»¹⁹¹. По этому делу Н. Е. Федосеев был подвергнут новым, еще более жестоким репрессиям. Он был сослан в Восточную Сибирь на пять лет. В Сибири, в г. Верхоянске, Н. Е. Федосеев оказался в исключительно тяжелом положении. Измученный почти непрерывным скитанием с 1889 г. по тюрьмам и ссылкам, тяжело больной, он вдобавок был оклеветан одним из ссыльных и, не выдержав всего этого, 26 июня 1898 г. покончил с собой.

Среди деятелей русского социал-демократического движения конца 80-х — первой половины 90-х годов Н. Е. Федосеев занимает одно из первых мест. Его научно-теоретическая деятельность протекала в исключительно тяжелых условиях пребывания в тюрьмах и ссылках и была рано прервана трагической гибелью. Большая часть его литературного наследия погибла. Но даже то, что дошло до нас, свидетельствует о большой плодотворной работе Федосеева. Он написал два крупных произведения: «О сельской общине» и о причинах падения крепостного права. Часть второй работы Федосеева была опубликована в 1897 г. в газете «Самарский вестник»¹⁹² под названием «Историческая справка». Значение этих работ нами уже выяснено выше¹⁹³.

Громадное теоретическое и политическое значение имеют письма Н. Е. Федосеева к Н. К. Михайловскому в ответ на на-

¹⁹⁰ А. Г. Шлихтер. Автобиография. ЦПА, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 2169; см. также Е. С. Шлихтер. Автобиография, там же, ед. хр. 2170.

¹⁹¹ «Рабочее движение в России в XIX в.», т. III, ч. 2, стр. 273.

¹⁹² См. «Самарский вестник» от 16 и 17 января 1897 г.

¹⁹³ См. выше «Самарский кружок В. И. Ленина».

падки последнего и всей редакции «Русского богатства» на марксистов. Об этих письмах Ленин особо упоминает в своей статье о Н. Е. Федосееве¹⁹⁴.

Всего дошло до нас за 1893—1895 гг. три письма Федосеева к Михайловскому: письмо от 8 ноября 1893 г., написанное во Владимирской тюрьме и, как выразился сам Федосеев, «наскоро, накануне принудительного путешествия в область «Тотемской морошки»»¹⁹⁵, т. е. накануне его высылки в Сольвычегодск. Второе, большое письмо написано Н. Е. Федосеевым 10 марта 1894 г. в Сольвычегодске, и третье письмо, также из Сольвычегодска, — 27 февраля 1895 г.

Письма Н. Е. Федосеева замечательны прежде всего тем, что высказанные в них взгляды приближаются к взглядам В. И. Ленина на важнейшие проблемы теории марксизма. Это особенно проявилось в понимании Федосеевым русской действительности и насущных задач русского революционного движения.

Первое письмо Федосеева появилось как отклик на статью Михайловского в № 10 «Русского богатства» за 1893 г.¹⁹⁶ Федосеев не скрывает, что ему неприятно обращаться с личным письмом к человеку, который давно проявил себя врагом марксизма. Но последний очерк Михайловского в «Русском богатстве» заставил его «побороть неприятное чувство» и выступить с этим письмом.

Отвергая клевету народников, будто марксисты настаивают на необходимости разрушения мелкого крестьянского хозяйства, Федосеев показывает, что во-первых, марксисты никогда и нигде этого не заявляли, а во-вторых, что процесс разложения крестьянства идет объективно.

Федосеев показывает закономерность появления в России марксизма: «Если на Руси уже налицо пролетариат и буржуазия, то этот факт неизбежно должен был вызвать к жизни марксистов. Следовательно, русский пролетариат и русские марксисты — явления одинаково реальные и появление первого вызвало появление вторых, а совсем не наоборот»¹⁹⁷.

Федосеев подчеркивает важность демократических задач пролетариата России в его борьбе за социализм. То, что эта борьба осложнена остатками крепостничества, служит для Федосеева доказательством особых задач русских марксистов. «В этом, — указывает Федосеев, — существенное различие дея-

¹⁹⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 414.

¹⁹⁵ Н. Федосеев. Статьи и письма, стр. 102.

¹⁹⁶ Эта статья перепечатана в полном собр. соч. Н. К. Михайловского, т. VII, под заглавием «О народничестве г-на В. В.», стр. 647—683.

¹⁹⁷ Н. Федосеев. Указ. соч., стр. 97.

тельности «русских марксистов» от деятельности западноевропейских и американских социал-демократов»¹⁹⁸.

Обращаясь к Михайловскому как представителю мелкобуржуазной демократии, Федосеев заявляет ему, что в борьбе против самодержавно-помещичьего строя народники «могли бы обнаружить большую общность цели у себя с марксистами, нежели с г. Пыпиным»¹⁹⁹.

Клеветническим заявлением, что марксисты радуются процессу массового разорения крестьянства, Федосеев противопоставляет готовность марксистов оказать поддержку мелким крестьянам в их борьбе с капиталом.

Заслуживают внимания заключительные слова первого письма Н. Е. Федосеева, свидетельствующие о том, как тщательно он следил за новинками марксистской литературы, особенно за работами Ф. Энгельса. Он указывает Михайловскому, что «взгляд на русскую действительность, высказанный Марксом и Энгельсом в 1883 г., существенно изменился у Энгельса при его ближайшем знакомстве с Россией»²⁰⁰.

Возможности Н. Е. Федосеева для литературного творчества были крайне ограничены. Но значение борьбы с народниками как с главными тогда идейными врагами марксизма он глубоко понимал. В письме к П. П. Маслову от 23 марта 1894 г. он писал: «Дела накопилось страшно много, самого безотлагательного, потому что все оно связано с самыми жгучими жизненными вопросами. Недавно против нас ополчились радикалы в лице своего единственного талантливого литературного представителя Михайловского. Я нахожу, что в его полемике с палачом, шпионом Катковым было менее презрения к этому подлейшему противнику, чем в филиппике против нас»²⁰¹.

Второе письмо Н. Е. Федосеева — это почти законченное произведение, которое по постановке важнейших проблем русского революционного движения приближается к написанной одновременно работе В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

Федосеев решительно отвергает утверждение Михайловско-

¹⁹⁸ Н. Федосеев. Указ. соч., стр. 98.

¹⁹⁹ Там же, стр. 98. А. Н. Пыпин — представитель либеральной буржуазии.

²⁰⁰ Речь идет о статье Ф. Энгельса «Социализм в Германии», опубликованной в «Neue Zeit» в июле 1892 г. В этой статье Энгельс касался хода развития капитализма в России с момента реформы 1861 г. до начала 90-х годов, когда в связи с голодом 1891 г. процесс капиталистического развития усилился. В этой статье Энгельс, между прочим, писал: «Старая Россия безвозвратно сошла в могилу в тот день, когда царь Николай, отчаявшись в себе и в ней, принял яд. На ее развалинах строится Россия буржуазная» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 251).

²⁰¹ Н. Федосеев. Указ. соч., стр. 176.

го о том, что появление русских марксистов объясняется «понижением уровня знаний, критической мысли, потускнением идеалов, разочарованием». «Я,— пишет он,— не встречал такой страстной жажды знания, такой энергии критической мысли и такой отзывчивости к злобам дня, какая господствует в марксистских кружках. Идеалы этих кружков горят ярко, стремление к практической деятельности очень велико. Жаль только, что до настоящего момента не выполнена громадная теоретическая работа, именно изучение с точки зрения нашего принципа русской истории, по крайней мере важнейших и ближайших ее фазисов. Только тогда, когда будет выполнена эта работа, русский марксизм встанет на твердую почву, только тогда явится возможность выработки научно-определенной единой программы практической деятельности»²⁰². Н. Е. Федосеев с самого начала своей деятельности глубоко понимал всю важность революционной теории для практической революционной борьбы.

Федосеев показывает, в чем состоят действительные задачи русских марксистов и каковы их ближайшие цели. На первый план он выдвигает задачу завоевания на сторону пролетариата прежде всего крестьянства: «Наша ближайшая цель,— пишет он,— заключается в достижении политической свободы... Но достижение этой цели составляет насущную необходимость не только для одного фабрично-заводского пролетариата, но для всего трудового класса. Это цель общенародная... Мы это имеем в виду и поэтому будем всеми силами стремиться привлечь к политическому движению русского пролетариата крестьянство... Итак, важнейшую ближайшую задачу — достижение политической свободы («через народ») мы считаем общей для пролетариата и крестьянства. Насколько крестьянство отзовется на это общее дело, покажет будущее. Но пролетариат во всяком случае составит авангард революционной армии, во 1-х потому, что он сосредоточен в массе в важнейших политических центрах, и во 2-х потому, что фабрично-заводские рабочие самими условиями их жизни более подготовлены к восприятию идеи необходимости политической борьбы, чем масса крестьянства»²⁰³.

Здесь в общей форме выражена та идея, к которой Ленин пришел еще в Самаре,— идея союза рабочего класса и крестьянства и гегемонии пролетариата в этом союзе. В постановке вопроса о том, что интересы русского пролетариата требуют защиты крестьянства от гнета помещиков и капиталистов, анализ Федосеева, по сравнению с анализом Ленина, не во всех отношениях точен; в основном же они совпадают, что подтвер-

²⁰² Н. Федосеев. Указ. соч., стр. 102—103.

²⁰³ Там же, стр. 104—105.

ждается и следующими выдержками из письма Федосеева к Михайловскому. Федосеев рассматривает отношения между рабочим классом и крестьянством не как временные, рассчитанные только на решение задачи завоевания политической свободы. «Не только одна эта политическая задача составляет общее дело пролетариата и крестьянства,— пишет он.— Русский пролетариат и крестьянство еще долго будут иметь массу общих социальных интересов... Если бы идеологи-марксисты и отказались вставить в свою программу защиту интересов крестьянства, то пролетарии принудили бы их к этому или не признали бы их выразителями своих интересов. Такова неизбежная постановка вопроса»²⁰⁴.

Федосеев при этом излагает перспективы отношения марксистов к крестьянству после завоевания политической свободы, в период борьбы за социализм.

Представляет огромный интерес, что Федосеев ставит вопрос, хотя и в общей и схематичной форме, об организации крестьянского хозяйства на базе крупного коллективного машинного производства.

«Мы всегда будем иметь в виду эту цель, она — главный пункт нашей программы. Время осуществления ее зависит от того, как скоро крестьянство поймет, что его спасение в коллективизме. Но пролетариат — выделившийся класс, как более прогрессивный, и тут будет авангардом... жизненные обстоятельства рано или поздно заставят и нашего крестьянина примкнуть к социал-демократической рабочей партии», — так писал в марте 1894 г. из далекой Сольвычегодской ссылки этот выдающийся русский марксист²⁰⁵.

Большое место в этом письме Федосеева посвящено обоснованию философии марксизма, теории исторического материализма. Федосеев отмечает, что «Капитал» Маркса открыл новый этап в разработке теории исторического материализма. «Дальнейшее развитие этой теории,— пишет он,— с самого начала обосновано фактами современной действительности и известными фактами ближайшего и отдаленнейшего прошлого европейского Запада, подчинилось исключительно настоятельнейшим запросам живой жизни.

Главным стимулом как возникновения ее, так и дальнейшего развития было желание точнее формулировать принципы начавшегося революционного движения пролетариата». Замечательна при этом мысль Федосеева о том, что марксизм найдет свое подтверждение и обогащение в опыте революционного движения России и всего Востока. «Высшее логическое развитие теория экономического материализма получит только

²⁰⁴ Н. Федосеев. Указ. соч., стр. 104—105.

²⁰⁵ Там же, стр. 107.

тогда, когда будет проверена на исторических фактах славянского Востока»²⁰⁶.

Н. Е. Федосеев не имел точного представления о конкретных задачах и формах диктатуры пролетариата, но заслугой его является понимание ее необходимости, ее роли в борьбе за построение социализма. Он отмечал следующие важнейшие «законы, установленные научным социализмом»: «овладение рабочим классом орудиями и средствами обобществленного производства; уничтожение социальных классов; уничтожение государственной власти (которой все-таки в качестве «диктатуры пролетариата» в той или иной форме будет принадлежать роль «повивальной бабки» при появлении на свет нового общественного строя); объединение пролетариата всего мира»²⁰⁷.

В третьем письме Федосеев продолжает свою полемику с Михайловским по злободневным для того времени вопросам. В частности, он разоблачает попытку Михайловского исказить действительное отношение марксизма к философии Гегеля.

В третьем же и последнем письме, Федосеев показывает всю лживость фарисейских жалоб Михайловского на грубость марксистов в их спорах с народниками. Он пишет: «Вы первый выступили против русских марксистов во всеоружии брани, оскорбительных сравнений, искажением слов Ваших противников, словом, во всеоружии «обстрелянного бойца». И теперь, после книжки Г. Бельтова (возмерившего Вам той же мерою, какую Вы мерили, но чуждого брани ради ее самой), Вы заговорили о полемической порядочности, как фарисей, вспомнивший о грехах мытаря и выругавшись предварительно словами «царевны»»²⁰⁸.

Исключительно высокая оценка, данная В. И. Лениным деятельности Н. Е. Федосеева, определяет его место и роль в распространении марксизма в России. «Во всяком случае, для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России,— писал В. И. Ленин,— роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера»²⁰⁹.

В 1892 г. возник первый марксистский кружок и в Иваново-Вознесенске, в то время уездном городе Владимирской губ. Иваново-Вознесенск конца XIX в. нередко называли «русским

²⁰⁶ Н. Федосеев. Указ. соч., стр. 138.

²⁰⁷ Там же, стр. 144.

²⁰⁸ Там же, стр. 159.

²⁰⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 415.

Манчестером» — крупнейшим городом текстильной промышленности. В 1895 г. здесь имелось свыше 50 предприятий с 16 640 рабочими. 55-тысячное население города жило только фабрикой.

Рабочее движение в Иваново стало развиваться еще с начала 70-х годов. Революционную деятельность среди ивановских рабочих вели тогда народники. В 80-х годах здесь уже существовали смешанные кружки самообразования, в которых преобладали интеллигенты-народовольцы. Из этих кружков вышли и первые рабочие социал-демократы Иваново-Вознесенска (Н. Н. Кудряшев, М. А. Багаев и др.). Но это произошло уже в 90-е годы.

В 1891 г. приехал сюда на родину Ф. А. Кондратьев, студент петербургского Технологического института и участник кружка М. И. Бруснева, высланный из Петербурга за участие в шелгуновской демонстрации. Кондратьев вначале сплотил маленькую группу передовых рабочих. Следуя примеру брусневцев, он не стремился к большой численности кружка. Кружок в 1893—1894 гг. насчитывал 12—15 человек²¹⁰. В первый социал-демократический кружок Иваново-Вознесенска, который не стал в полном смысле марксистским, входили Ф. А. Кондратьев, Н. Н. Кудряшев, М. А. Багаев, Е. В. Новиков, А. Д. Трегубов, К. Н. Отроков и др.²¹¹

Пролетарский состав кружка определил особый интерес его участников к проблеме массовой пролетарской борьбы на Западе. «Им все хотелось знать, как живут заграничные товарищи, и с особенным интересом читали они те немногочисленные книжки, в которых описывалась борьба и жизнь западноевропейских рабочих»²¹². В кружке все время ощущался недостаток в нелегальной социал-демократической литературе, которая сюда попадала реже, чем в другие города Центральной России.

Члены кружка организовали конспиративную квартиру, названную «Хижинкой дяди Тома». После призыва Кондратьева в армию кружком руководили Кудряшев и Багаев. Известное содействие рабочему кружку оказывал учитель Ф. И. Щеколдин, находившийся под тайным надзором полиции. Он помог кружковцам составить список книг для рабочих, вел среди рабочих революционную пропаганду, выступал против народников на тайном собрании кружка²¹³.

²¹⁰ См. Н. И. Махов. На заре революционного движения. XXV лет РКП (б). Воспоминания иваново-вознесенских подпольщиков. Иваново-Вознесенск, 1923, стр. 16; Рабочее движение в Иваново-Вознесенском районе за последние 15 лет. Женева, 1900, стр. 22.

²¹¹ Там же, стр. 15.

²¹² Там же.

²¹³ См. М. А. Багаев. Моя жизнь. Иваново, 1949, стр. 38—40.

В 1893 г. кружок организовал первую маевку, на ней присутствовало 15 рабочих. Она была проведена в сосновом бору в первое же воскресенье после 1 мая. Кудряшев выступил с речью, в которой говорил о значении Первого мая. Празднование закончилось пением революционных песен.

Характеризуя положение в кружке в 1892—1893 гг., М. А. Багаев пишет: «Кружок чрезвычайно остро чувствовал недостаток интеллигентных сил: все члены кружка, в том числе и руководитель Багаев, были настолько мало развиты, что, несмотря на горячее желание, не могли использовать даже гектографа и выпустить прокламации, т. к. составить их было некому. Каких-либо определенных занятий... по этой же причине не велось. Собрания проходили в разрешении лишь практических вопросов о принятии новых членов, обработке их, найме квартир, выписке книг и т. д. А иногда... «вели пропаганду души» — читали рассказы хороших авторов и пели «Дубинушку», «Долю бедняка» и т. п.»²¹⁴.

Деятельность кружка оживилась в 1894 г. после возвращения с военной службы Ф. А. Кондратьева и привлечения к работе кружка нескольких социал-демократов интеллигентов. Был организован ряд новых кружков на фабриках и установлены связи с рабочими кружками Шуи, Кохмы и других соседних городов.

На примере первого ивановского рабочего кружка можно видеть, насколько трудно было тогда самим рабочим, без помощи интеллигенции, поставить пропаганду идей марксизма.

С 1894 г. активное участие в деятельности первого рабочего марксистского кружка приняла слушательница московских женских курсов О. А. Варенцова. Родом из Иваново, она после тюремного заключения летом 1888 г. была выслана из Москвы на родину. Здесь под влиянием книги Г. В. Плеханова «Наши разногласия» и других марксистских произведений она отошла от народничества и стала прочно переходить на позиции марксизма. О. А. Варенцова, профессиональная революционерка, одна из первых русских коммунисток, весь свой долгий и славный жизненный путь прошла в рядах большевистской партии²¹⁵.

Большое значение в идейном развитии первой рабочей марксистской группы Иваново-Вознесенска имела ее связь с В. И. Лениным и руководимым им кружком петербургских марксистов, который вскоре вырос в петербургский «Союз

²¹⁴ М. А. Багаев. За десять лет. Иваново-Вознесенск, 1930, стр. 30—31.

²¹⁵ О. А. Варенцова (1862—1950), активная участница трех русских революций, после Великой Октябрьской социалистической революции работала на ответственных партийных постах.

борьбы за освобождение рабочего класса». Петербургские марксисты во главе с В. И. Лениным помогли первым иваново-вознесенским социал-демократам советами, литературой. «В январе 1894 г., — пишет С. П. Шестернин, — я был назначен городским судьей в Иваново-Вознесенск. В моем распоряжении был месячный отпуск, который я и решил провести в Питере. Через курсисток Невзоровых... я тотчас же познакомился там с выдающимся кружком марксистов, который впоследствии получил историческое название «Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса»... Меня, как будущего ивановца, кружок, и в частности Владимир Ильич, встретили очень дружелюбно... В результате наших свиданий было установлено, что я буду посредствующим звеном между питерским кружком и ивановцами... Тогда же я получил нелегальную литературу для ивановцев... В течение четырех лет, проведенных мною в Иваново... Владимир Ильич и его друзья постоянно и в значительном количестве присылали нам нелегальную литературу, которая через меня поступала в организацию. И в дальнейшем, будучи уже в эмиграции, Владимир Ильич продолжал интересоваться жизнью ивановцев»²¹⁶.

Первый марксистский кружок в Иваново-Вознесенске был зародышем образовавшегося в 1895 г. «Иваново-Вознесенского рабочего союза». Основание «Союза» было положено на первоммайском праздновании в 1895 г.

Большой интерес представляет образование первой марксистской группы в Нижнем Новгороде, в то время крупнейшем торгово-промышленном центре Поволжья и значительном пункте сосредоточения ссыльных революционеров.

В 1889—1891 гг. в связи с разгромом федосеевских кружков в Казани и массовыми высылками из Петербурга и Москвы революционеров-подпольщиков сюда прибыли многие участники первых социал-демократических кружков этих городов, в том числе из Казани — П. Н. Скворцов и М. Г. Григорьев. С их помощью был создан кружок самообразования, в котором началось изучение «Капитала» Маркса. Из этого кружка к концу 1891 г. выросла первая в Нижнем марксистская группа. Основателями этой группы были активные брусневцы — братья Л. Б. и Г. Б. Красины²¹⁷.

Кружковцам-марксистам пришлось вести острую полемику

²¹⁶ С. П. Шестернин. Пережитое. 1940, стр. 107—108; см. также «Старый большевик», 1933, 2(5), стр. 133—135.

²¹⁷ М. А. Сильвин, один из первых марксистов среди нижегородской учащейся молодежи, пишет, что братья Красины в эту пору были уже «вполне сложившиеся марксисты» (см. М. А. Сильвин. Заметка о материалах к биографии В. И. Ленина с пометками А. И. Елизаровой. ЦПА. ф. 72, оп. 3, ед. хр. 828, стр. 4).

со значительной и весьма влиятельной группой народников (В. Г. Короленко, А. Карелин, Д. И. Иванчин-Писарев, И. И. Сведенцов, Н. Ф. Анненский и др.). О борьбе с ними Л. Б. Красин пишет в своих автобиографических заметках: «Будучи выслан из Петербурга, я около года прожил в Нижнем Новгороде, отбывая воинскую повинность и занимаясь уроками и чертежными работами, а попутно ведя ожесточенную борьбу во имя народившегося русского марксизма с такими мастодонтами народничества, как Н. Ф. Анненский, Зверев, Шмидт и другие нижегородские статистики. Кроме моего брата, верным соратником в этой борьбе был один из старейших русских марксистов П. Н. Скворцов...»²¹⁸.

Борьба между марксистами и народниками в Нижнем Новгороде приняла с самого начала острые формы. «Споры, — вспоминает М. Ф. Владимирский, — были оживленные, яркие, резкие, отражавшие всю непримиримость взглядов революционного марксизма и либерального оппортунистического народничества»²¹⁹. Содержание этих споров освещает в своих мемуарах С. И. Мицкевич, тесно связанный с нижегородской марксистской группой. «Это возбуждение, — пишет он, — вызванное голодом, совпало с той борьбой, которую с осени 1891 г. открыла против народников сложившаяся к тому времени в Нижнем марксистская группа... Марксисты выступали и на рефератах Анненского, Елпатьевского и других народников... Перепалка

²¹⁸ Сб. «Леонид Борисович Красин» («Никитич»), стр. 35.

О П. Н. Скворцове в литературе имеются различные высказывания. Одни, как М. Ф. Владимирский, С. И. Мицкевич, Л. Б. Красин и некоторые другие, лично знакомые с его деятельностью в первом нижегородском марксистском кружке, положительно оценивают роль Скворцова в распространении учения Маркса в Поволжье. «Первые марксистские выступления в Нижнем в среде революционно настроенной молодежи, — пишет М. Ф. Владимирский, — относятся к началу 90-х годов, когда здесь поселился высланный из Казани по делу кружка Федосеева П. Н. Скворцов — один из первых литераторов-марксистов, работы которого о развитии капитализма в русской деревне немало способствовали распространению марксизма среди интеллигенции...» (см. М. Ф. Владимирский. Очерки рабочего и социал-демократического движения в Нижнем-Новгороде и Сормове, М., 1957, стр. 33). Приводим и другое высказывание, отмечающее ограниченность мировоззрения Скворцова, его академизм: «Со всей страстностью и ограниченностью неопита, несколько пренебрежительным отношением ко всякому, кто еще не постиг истины, а главное, кажется, стремлением объяснить все, вплоть до мелочей личной жизни, с точки зрения экономического материализма, он вызывал к себе скорее ироническое отношение и, вероятно, задерживал, чем содействовал распространению марксистских идей. Может быть, не случайно впоследствии такие марксисты (их было немало в первое время) получили кличку «нижегородских». Так писал о нем социал-демократ Н. Козеренко, присутствовавший на собрании нижегородской интеллигенции, где выступали П. Н. Скворцов и Л. Б. Красин (см. Н. Козеренко. Тги встречи. Сб. «Леонид Борисович Красин» («Никитич»). М., 1928, стр. 150).

²¹⁹ М. Ф. Владимирский. Очерки..., стр. 33—34.

бывала горячая. Вопрос шел о том, как относиться к голоду и как голод отразится на судьбах российского капитализма. Спор был запальчивый, горячий и достаточно беспорядочный. Народники обвиняли марксистов, что они рады голоду... что марксистам следует идти помогать фабрикантам и кулакам обезземеливать народ и тому подобные бессмыслицы, воспроизведенные через некоторое время в статьях Михайловского, Кривенко и др. Марксисты в долгу не оставались и обвиняли народников в утопии, мелкобуржуазности, прекраснотушии и т. п. Обычной темой этих споров был также вопрос о роли личности в истории, о закономерности исторического процесса»²²⁰.

С воспоминаниями Владимирского и Мицкевича перекликаются и воспоминания Красина. «С первой же встречи, — пишет он, — выяснилось непримиримое расхождение взглядов, и вся нижегородская интеллигенция разделилась на два лагеря — народников и марксистов... Наши словесные бои и турниры со статистиками и с самим Анненским... привлекли на нашу сторону почти всю нижегородскую молодежь, и из тогдашних нижегородских гимназистов и гимназисток, присутствовавших при этих словопрениях, вышло потом немало работников нашей партии»²²¹.

Зимой 1891—1892 гг. среди учащихся гимназии, реального училища и духовной семинарии сложились первые кружки марксистского направления. Наиболее деятельными участниками этих кружков были А. А. Ванев, М. Ф. Владимирский, М. А. Сильвин, И. П. Гольденберг-Мешковский, пионеры социал-демократического движения в Нижнем Новгороде. В этих кружках состояли также А. И. Пискунов, сестры О. И. и Е. И. Чачины, три сестры З. П., С. П. и А. П. Невзоровы, А. М. Григорьева и др.²²². Некоторые из них участвовали потом в созданном В. И. Лениным Петербургском «Союзе борьбы».

Яркую характеристику состава первого нижегородского марксистского кружка дал С. И. Мицкевич. «В это время в Нижнем, — писал он, — вокруг Скворцова и Григорьева, братьев Красиных начала расти совсем молодая марксистская поросль: почти вся сколько-нибудь способная и живая молодежь старших классов среднеучебных заведений Нижнего подверглась в эти годы (1891—1893) марксистскому влиянию, из нее

²²⁰ С. И. Мицкевич. Революционная Москва, стр. 102—103.

²²¹ Сб. «Леонид Борисович Красин («Никитич»)», стр. 109—110. Poleмику между народниками и первыми марксистами в Нижнем Новгороде описал М. Горький в своих очерках «В. Короленко» и «Н. Ф. Анненский».

²²² См. А. П. Невзорова-Лозовская. Автобиография. ЦПА, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 1369; Кржижановская-Невзорова. Автобиография, там же, ед. хр. 980; см. также М. Ф. Владимирский. Очерки..., стр. 35.

вышло много работников нашей партии... Все они много читали, много учились; особенно усердно изучали они экономику России по земским статистическим сборникам, изучали и критиковали народнические книги и статьи и поражали своих уже сравнительно пожилых противников и своей самоуверенностью и своей начитанностью»²²³.

Следуя опыту казанских кружков Федосеева, организаторы нижегородских кружков молодежи придали содержанию своей работы тот же характер серьезных теоретических занятий. Изучали «Капитал», «Анти-Дюринг», а также наиболее крупные произведения экономической народнической литературы.

Большое внимание уделялось вопросам экономического развития России, в частности проблемам разложения крестьянства, концентрации частного землевладения, положения пролетариата²²⁴. Члены группы вначале ограничивались пропагандой марксизма в собственной интеллигентской среде, но стремились к решению основной задачи первого поколения русских марксистов — созданию рабочих социал-демократических кружков для подготовки членов будущей рабочей партии. В провинциальных городах, даже со сравнительно развитой промышленностью, как Нижний, постановка пропаганды среди рабочих была делом более сложным и трудным, чем в столицах, где эта пропаганда велась давно, еще до появления первых социал-демократов. В Нижнем до первой группы марксистов революционная пропаганда среди рабочих на крупных заводах в самом городе и в Сормове почти отсутствовала²²⁵. Марксисты здесь первые начали пропаганду среди рабочих. Они связались с отдельными рабочими, и через них на ряде предприятий Нижнего организовали в 1891—1892 гг. маленькие рабочие кружки. В дальнейшем были созданы такие же кружки в Сормове²²⁶, главным образом с помощью рабочих социал-демократов механи-

²²³ С. И. Мицкевич. Указ, соч., стр. 104.

²²⁴ См. М. Г. Григорьев. Марксисты в Нижнем в 1889—1894 гг. «Пролетарская революция», 1924, № 4 (27), стр. 95—96.

²²⁵ См. М. Ф. Владимирский. Очерки..., стр. 36—38.

²²⁶ «Организация пропагандистских кружков в Сормове, — пишет М. Владимирский, — началась значительно позднее, чем в Нижнем, — только в 1893—1894 гг.» (см. «Очерки...», стр. 40). Но, видимо, кой-какая работа велась здесь еще раньше. «В последних классах гимназии, — сообщает М. Сильвин, — я вел пропаганду среди рабочих на Сормовском, Курбатовском и других заводах, в небольших кружках, представлявших весьма примитивную форму первичных организаций» (см. «Заметки о материалах к биографии В. И. Ленина». ЦПА, ф. 72, оп. 3, ед. хр. 828, стр. 4).

Активную роль в жизни первой нижегородской марксистской организации играл также рабочий А. К. Петров, оставивший интересные воспоминания о начале своей революционной деятельности в Казани и Нижнем Новгороде в 1891—1896 гг. (см. А. К. Петров. В Нижегородском подполье 90-х годов. «Пролетарская революция», 1923, № 6—7.)

ческих заводов Курбатова, Доброва-Нагбольца, химического и других заводов Канавина. Именно на этих предприятиях и в типографии возникли первые нижегородские рабочие кружки. Из первой нижегородской группы марксистов вышли не только интеллигенты, позднее активно участвовавшие в деятельности петербургского «Союза борьбы» и дальнейшем развитии рабочего движения в России, но и такие замечательные рабочие социал-демократы, как типографщик Яков Пятибратов-Рогин, который был образованным марксистом, как неумолимый организатор рабочих марксистских кружков механик Алексей Парфенов, как искусный подпольщик токарь Михаил Громов.

В марте 1893 г. нижегородская группа отмечала десятилетие со дня смерти К. Маркса. На собраниях присутствовали участники кружков из местной молодежи, а также рабочие²²⁷.

Нижегородская группа марксистов поддерживала связь со своими единомышленниками в других городах России, в том числе и с Н. Е. Федосеевым, когда он находился в Петербургской тюрьме, а затем и во Владимире. В Нижний были доставлены его рукописи, их читали нижегородские марксисты. Работы Федосеева, его письма к товарищам оказали серьезное влияние на местную марксистскую группу. Нижегородские марксисты установили связь со своими единомышленниками в Петербурге, Москве, Казани, а также с самарской группой, которую возглавлял В. И. Ленин.

Заслуживает внимания попытка нижегородских марксистов установить переписку с Энгельсом. Осенью 1893 г. они послали ему оттиски четырех экономических статей Скворцова²²⁸. На одном из них имелась надпись: «Посвящается умному, верному и благородному защитнику пролетариев Фридриху Энгельсу — от автора».

Оттиски статей переправил Энгельсу из Льежа член нижегородской марксистской группы И. П. Гольденберг и снабдил их следующим письмом: «Многоуважаемый учитель! Посылаю Вам несколько оттисков; автор этих статей посвящает их Вам. У нас на Руси идет спор о «судьбах капитализма в России», может быть эти оттиски послужат хоть каким-нибудь материалом для выработки и обоснования вопросов будущности капитализма у нас в России. Вы бы мне доставили большое удовольствие, если бы Вы (во-первых) сообщили о том, что Вами

²²⁷ См. М. Г. Григорьев. Марксисты в Нижнем в 1889—1894 гг. «Пролетарская революция», 1924, № 4 (27), стр. 96.

²²⁸ Это были статьи, опубликованные в «Юридическом вестнике»: «Распределение крестьянской поземельной собственности в Европейской России и падающие на землю платежи»; «Итоги крестьянского хозяйства на южном трехпольном черноземе»; «О задолженности частного землевладения» и «Итоги крестьянского хозяйства по земско-статистическим исследованиям»

получены посылаемые брошюры, а (во-вторых) я прошу сообщить мне Ваш критический отзыв. Я с нетерпением жду от Вас ответа. Пишу Вам по-русски, так как мне сообщили, что Вы знаете его. До свидания. И. Гольденберг»²²⁹.

У нас нет данных, последовал ли ответ Энгельса на это письмо. Но что оно было получено Энгельсом, известно из письма Энгельса к Н. — ему, в котором буквально повторены слова из письма Гольденберга о том, что на Руси идет спор о судьбах капитализма в России²³⁰.

В конце августа — начале сентября 1893 г. в Нижнем Новгороде проездом из Самары в Петербург остановился В. И. Ленин. «В 1893 г., — вспоминает М. Сильвин, — осенью, перебираясь в Петербург, В. И. на пути заехал в Нижний Новгород поговорить с тамошними марксистами. Время тогда было очень глухое, марксизм был еще явлением новым. Марксистов в России буквально можно было пересчитать по пальцам. В. И. никогда не упускал случая завязать сношения с какой-нибудь новой группой, договориться с ней по вопросам теоретическим, осведомиться о состоянии пропаганды и вообще о различных вопросах подпольной работы, о получении заграничной литературы, состоянии «техники» и т. д., а главное завязать связи. Там, в Нижнем, он осведомился о каких-нибудь связях в Петербурге. Ему указали на меня и дали ко мне письмо»²³¹.

В этот приезд в Нижний Ленин встречался с П. Н. Скворцовым и М. Г. Григорьевым. «В... маленькой комнатке, насквозь прокуренной, — сообщает Григорьев, — у нас с Владимиром Ильичем продолжались разговоры в течение шести часов. Из ряда тем мне особенно памятны наши споры о допустимости с точки зрения марксистской программы террора, как средства борьбы»²³². Григорьев далее пишет о большом впечатлении, произведенном В. И. Лениным на П. Н. Скворцова. Нескольким было впечатление о Скворцове, сложившееся у В. И. Ленина. «Это знакомство, — вспоминает Анна Ильинична, — очень интересовало его, и он рассказал потом с удовольствием о беседе с этим марксистом и тут же подчеркнул, что Скворцов стоит лишь теоретически на почве марксизма и что революционер из него никогда не выработается»²³³.

²²⁹ ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 5617.

²³⁰ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 177.

²³¹ М. А. Сильвин. Заметка о материалах к биографии В. И. Ленина с пометками А. И. Елизаровой. ЦПА, ф. 72, оп. 3, ед. хр. 828, стр. 4.

²³² М. Г. Григорьев. Марксисты в Нижнем в 1889—1894 гг. «Пролетарская революция», 1924, № 4 (27), стр. 102.

²³³ А. И. Ульянова-Елизарова. В. И. Ульянов (Н. Ленин), М., 1934, стр. 27.

Во второй половине 1893 г. и в 1894 г. в Нижнем, помимо основного марксистского кружка, возглавляемого М. Г. Григорьевым, а впоследствии А. С. Розановым, действовал еще один кружок, созданный прибывшим из-за границы местным интеллигентом А. А. Кузнецовым. Последний находился под влиянием Б. Н. Кричевского, придерживался, как и он, тред-юнионистских взглядов. Разногласия между ним и Григорьевым обнаружилась сразу.

В своих показаниях Кузнецов так излагал сущность этих разногласий: «Он (М. Г. Григорьев.— Ю. П.) предполагал готовить рабочую интеллигенцию для будущего, когда условия деятельности будут более благоприятны, давая выдающимся рабочим марксистское образование, я же предлагал действовать на массу и при теперешних условиях и это ставил главной целью своей деятельности в ближайшем будущем. Мне предложено было или принять ту пропаганду и вступить в кружок, или же разойтись. Я выбрал последнее»²³⁴.

Обе группы были между собой связаны взаимными услугами подпольной деятельности, но они не сливались.

* * *

В 90-е годы во многих русских провинциальных городах происходил тот же процесс возникновения первых марксистских кружков. Ленин указывает, что в это время в России «марксизм, как направление, стал шириться, идя навстречу социал-демократическому направлению, значительно раньше провозглашенному в Западной Европе группой «Освобождение Труда»»²³⁵.

Марксистские группы в Петербурге, Москве, Казани и других университетских городах были первыми очагами марксизма в России.

Разгром этих групп, массовые аресты и высылки их участников в провинцию привели к тому, что молодые марксисты, оказавшиеся в разных городах страны, стали там первыми распространителями идей научного социализма. «Для революционного движения,— пишет Н. А. Семашко,— эти массовые ссылки и высылки имели весьма благоприятное значение: они рассеивали («диссеминировали», как сказали бы медики) революционные идеи»²³⁶.

Участники групп Благоева, Бруснева, Федосеева, Точисского, приезжая в провинцию, заставляли здесь обычную для того

²³⁴ ЦИИАМ, ф. 102, ДП, 7 д-во, л. 255, т. II, 1896 г. л. 326.

²³⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 414.

²³⁶ Н. А. Семашко. Из воспоминаний. «Пролетарская революция», 1921, № 1, стр. 169.

времени картину: отдельные кружки самообразования, которые, находясь в основном под влиянием народничества, уже переживали кризис — они искали новую революционную теорию. Прибывшие марксисты помогли местным товарищам развенчать народничество, выйти на новую дорогу, организовать первые марксистские группы. Так происходило в Воронеже и в Саратове, в Костроме и Ярославле, в Твери и в Туле и во многих других губернских и даже уездных городах, несмотря на различия в социально-экономическом облике этих городов. Но, разумеется, в промышленных центрах, где были сосредоточены значительные кадры пролетариата, марксистская пропаганда в его среде и организация социал-демократических сил имели особенно важное значение.

Возьмем город русских оружейников — Тулу. Раньше других высланных сюда прибыли бывшие брусневцы — рабочий Гавриил Мефодиев и студент Василий Буянов. Они поступили работать на Патронный завод, где вскоре наладили связи с нелегальными рабочими кружками. Это были небольшие группы неопределенного направления. Народническое учение не удовлетворяло их участников, а о марксизме они имели очень смутное представление. Мефодиев и Буянов по примеру петербургской социал-демократической организации создали центральную группу из пяти представителей от кружков: железнодорожных мастерских, Патронного и Оружейного заводов, городского района и технического училища. Эта группа стремилась объединить деятельность всех рабочих кружков города.

Значительную помощь тульской организации в постановке пропаганды среди рабочих оказывали представители московских, петербургских и других социал-демократических кружков. В 1891 г. в Тулу часто наезжал из Москвы М. Бруснев, участвовавший в нелегальных сходках и собраниях кружков. В 1891—1892 гг. в рабочих районах Тулы, Заречье и Чулково, возникли новые рабочие кружки. Их организаторами были те же брусневцы — Буянов и Мефодиев. Собрания созданных ими кружков происходили на квартире рабочего Г. П. Можайского, высланного из Петербурга за участие в забастовках. Можайский, ранее член «Северного союза русских рабочих», а затем участник рабочих социал-демократических кружков Петербурга, прибыл в Тулу тайно. Он распространял брошюру В. Либкнехта «В защиту правды» и иную нелегальную литературу.

В 1892 г. в связи с провалом в Москве были разгромлены кружки и в Туле. Уцелевшие участники кружков продолжали свою деятельность, организуя новые кружки. Активную роль в восстановлении здесь разгромленных царским правительством кружков играл рабочий механической мастерской Оружейного завода Иван Иванович Савельев, основатель тульской социал-

демократической организации. По словам высланного из Москвы и прибывшего в Тулу А. А. Богданова, Иван Савельев был одним из наиболее замечательных людей, каких ему приходилось встречать в своей жизни. Пропаганду марксистских идей среди рабочих он считал величайшим делом, отдавая ему все свои силы. Благодаря большим организаторским способностям и умелой конспирации Иван Савельев широко поставил пропагандистскую деятельность в рабочих кружках и продолжительное время сохранял их от разгрома царскими властями.

В конце 1894 г. в Тулу, кроме А. А. Богданова, прибыли и высланные из Москвы за участие в студенческих организациях П. Г. Смидович²³⁷, С. Н. Ставровский, И. И. Скворцов и В. А. Руднев (Базаров). По своим политическим взглядам почти все они тогда находились на перепутье между народничеством и марксизмом. Савельев привлек всех их для занятий в рабочих кружках. Эти занятия оказали большое влияние и на самих пропагандистов. Все они вскоре определились как социал-демократы.

Решающее влияние на эту группу интеллигентов в их повороте к марксизму оказали первые произведения В. И. Ленина. Богданов пишет: «Очень сильное влияние оказал случайно попавший к нам экземпляр «Сборника материалов по экономическому развитию России» со статьей Н. Тулина (В. И. Ленина) о Струве. Для меня,— подчеркивает он,— эта статья была решающим толчком в сторону марксистской теории»²³⁸.

В рабочих социал-демократических кружках велись занятия по политической экономии, философии, истории. Из лекций, прочитанных А. Богдановым в рабочих кружках Тулы, им был составлен «Краткий курс экономических наук», распространенный в социал-демократических кружках 90-х и 900-х годов, хотя он не был выдержанно марксистским. В первом кружке, организованном Савельевым в начале 1895 г., весной и летом велись занятия по политической экономии. Летом 1895 г. был создан второй кружок, которым руководил И. И. Скворцов. Из этого кружка вышел ряд выдающихся рабочих социал-демократов: А. Морозов, П. Денисов, И. Немцов и др.

Систематические занятия в кружках давали их участникам известные теоретические знания, но вместе с тем в деятельности кружков начинала проявляться тенденция к узкокружковой замкнутости.

После разгрома тульской рабочей группы брусневец Василий Буянов, один из организаторов этой группы, был выслан на четыре года на свою родину, в Кострому. Здесь он открыл меха-

²³⁷ См. П. Г. Смидович. Автобиография. ЦПА, ф. 124, оп. 1, ед. хр. 15.

²³⁸ «Революционное былое». Сборник статей. Тула, 1930, № 2, стр. 17.

ническую мастерскую, сгруппировал вокруг себя передовых рабочих и организовал рабочие кружки. «Буянов,— по словам участника такого кружка Багаева,— подбирал молодых ребят и обучал их в своей мастерской слесарному ремеслу, воспитывая из них революционеров»²³⁹. Сам Багаев в это время переживал переход от народничества к марксизму.

Первые кружки марксистского направления в Костроме возникли в 1895 г.

В эти же годы (1895—1896) возникли первые марксистские кружки и в г. Твери, другом текстильном центре страны. В это время сюда было выслано несколько рабочих, арестованных по делу петербургского «Союза борьбы», которые повели марксистскую пропаганду в рабочей среде.

То же происходило и в Воронеже. Высланные сюда участники марксистских кружков Казани, Петербурга и других городов (В. В. Каратыгин, П. П. Радин, В. Г. Кранихфельд, Е. В. Барамзин и др.) в 1891—1894 гг. вели пропаганду марксистских идей среди местной передовой интеллигенции, завершившуюся образованием нескольких кружков. В 1895 г. эти кружки были объединены в одну группу, которой стал руководить «Центральный кружок социал-демократов» во главе с Е. В. Барамзиным.

В Пензе, другом городе центрально-черноземной полосы, первый кружок социал-демократического направления возник раньше, в 1890—1891 гг. Среди его участников были: В. Благославов — один из первых участников группы Благоева; Н. Мотовилов, П. Теплов, В. Алабышев — участники казанских революционных кружков 1886—1887 гг. В состав кружка также вошли сестры Е. К. и Л. К. Агринские, ученицы последних классов гимназии²⁴⁰.

Члены кружка усиленно занимались изучением марксистской, а также легальной народнической литературы и участвовали на конспиративных собраниях в спорах с народниками. Наиболее деятельными членами этого кружка были П. Ф. Теплов, В. Я. Алабышев и Е. К. Агринская, впоследствии активная участница социал-демократических организаций 90-х годов (привлекалась по делу Петербургского «Союза борьбы») и большевистских организаций периода трех революций²⁴¹.

В 1895 г. в Пензе некоторое время жили участники самарских марксистских кружков — И. Х. Лалаянц и П. И. Кулябко, а также М. Т. Елизаров. С их помощью был создан марксист-

²³⁹ М. А. Багаев. Моя жизнь, стр. 43—44.

²⁴⁰ ЦГИАМ, ф. 102, ДП, 3 д-во, д. 440, 1890 г., лл. 12—13.

²⁴¹ См. «Каторга и ссылка», 1929, № 4 (53), стр. 177; там же, № 2 (51), стр. 107.

ский кружок из местной учащейся молодежи. Участник этого кружка Вячеслав Алексеевич Карпинский, один из старейших членов КПСС, вспоминает, что в 1896 г. он с небольшой группой единомышленников, учащихся средних школ Пензы, организовал кружки. «В ранцах приносили литературу, которую в библиотеках достать было нельзя, например, Чернышевского «Что делать?». В старших классах познакомился я с идеями марксизма по сочинениям, изданным на русском языке, и главным образом по немецкому тексту «Манифеста Коммунистической партии»... Мы знали наизусть длинные цитаты из «Манифеста»²⁴².

Нелегальную марксистскую литературу кружок получал от члена московского «Рабочего союза» социал-демократа Н. П. Колокольниковца, сосланного в Пензу.

В Курске, Орле и Калуге систематическая пропаганда марксистских идей среди молодежи началась в 1893—1895 гг.

В эти годы в Курске 17-летний юноша Иосиф Дубровинский (т. Иннокентий), впоследствии видный деятель большевистской партии, организовал из числа учеников реального училища и гимназии нелегальный кружок, который занялся изучением марксистской литературы.

Весной 1894 г. члены кружка начали вести социал-демократическую пропаганду среди местных рабочих. Этот кружок снабжал рабочих нелегальной социал-демократической литературой, участники кружка положили начало пропаганде идей марксизма среди курских рабочих²⁴³.

Н. А. Семашко, лично знавший И. Ф. Дубровинского, писал о нем: «Всякий, кто сталкивался с ним, никогда не забудет его следующих основных черт: искренности, преданности делу и неутомимости в работе. Скромный, с постоянной юмористической улыбкой на губах и вечно занятый...»²⁴⁴.

С помощью И. Ф. Дубровинского оформились и первые кружки в Калуге в 1895—1896 гг.

В Орле начало марксистской пропаганды было положено одним из руководителей московских социал-демократических кружков Г. Н. Мандельштамом, высланным царскими властями из Москвы летом 1892 г. В середине 90-х годов в Орле возникли первые кружки социал-демократического направления. Активную роль в организации этих кружков и в их упрочении играл И. Ф. Дубровинский, который наезжал сюда из Курска.

²⁴² «Комсомольская правда», 20 января 1955 г.; см. также С. Петров. Пенза. Краткий исторический очерк. 1955, стр. 68—69.

²⁴³ См. М. Ф. Карчевская. И. Ф. Дубровинский. «Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», т. LXVII, вып. 1, 1953, стр. 86.

²⁴⁴ «Пролетарская революция», 1921, № 1, стр. 174.

* * *

Марксистская пропаганда получила, таким образом, в первой половине 90-х годов значительное распространение в городах Центральной России. Если в начале 80-х годов социал-демократический кружок был только в Петербурге, то к 1894—1895 гг. такие кружки имелись во многих крупных городах Центральной России.

Быстрое распространение марксизма было непосредственно связано с ростом массового рабочего движения, с деятельностью группы «Освобождение труда» и марксистских групп в Петербурге, Москве, Самаре, Казани. Марксистские группы и кружки в городах Центральной России оказали влияние на развитие социал-демократического движения и в других районах страны.